

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

ПЛЕЯДА ЮЖНОГО КАВКАЗА

ТБИЛИСИ 2012

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

При поддержке

МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО ФОНДА ГУМАНИТАРНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СНГ

Руководитель проекта НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

Кураторы проекта

АЛИНА ТАЛЫБОВА (АЗЕРБАЙДЖАН)

СУРЕН ПЕТРОСЯН (АРМЕНИЯ)

ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ (ГРУЗИЯ)

WWW.RUSSIANCLUB.GE
WWW.MFGS-SNG.ORG

«В КАВКАЗЕ ЕСТЬ НЕЧТО, ЧТО НАС УТЕШАЕТ»

*Вьюга зимнюю сказку
Напевает в трубу.
Я прижал по-кавказски
Руку к сердцу и лбу.*

Дмитрий Кедрин

Книга, которую вы сейчас открыли, – очередное свидетельство того, что из нашей жизни не исчез феномен, о котором написаны тысячи томов прозы, поэзии, научных исследований. Феномен, уже третий век объединяющий людей по разные стороны всевозможных границ – от установленного самой природой Кавказского хребта до рукотворных, воздвигнутых нашими современниками. Но, невзирая на меняющиеся времена, взгляды правителей и геополитические интересы, живет этот феномен, имя которому – русская литература и Южный Кавказ.

Правда, в названии конкурса, итогом которого стал этот сборник, есть термины, звучащие несколько иначе, - «русскоязычные поэты» и «Закавказье». Что ж, и тут – проявление той связи времен, которая протянулась из века позапрошлого ко дню сегодняшнему: слово «русскоязычный» вошло в обиход в последние лет двадцать, а из лексики предшествовавших им десятилетий еще живо «Закавказье». Но так ли это важно в нашем случае? «Поверив алгеброй гармонию», признаем: от изменения формулировки ни суть, ни сумма этих понятий не меняются.

В Азербайджане, Армении, Грузии продолжают писать на русском языке, причем – и нынешний сборник тому доказательство – не только люди старшего и среднего поколений. Впрочем, зададим себе очень простой вопрос: а почему бы, собственно говоря, им этого не делать? Русская литература (забудем на время про русскоязычную) самой своей плотью связана с краем, в котором живут эти молодые люди.

В.Г. Белинский, кстати, вообще считал, что Кавказу «суждено быть колыбелью наших поэтических талантов, вдохновителем и пестуном их музыки, поэтической их родиной!» Конечно, еще до того, как эта колыбель качнула первых своих питомцев, упоминания о Кавказе можно было встретить и у

Ломоносова, и у Радищева, и у Державина, и у Жуковского. Но они писали вскользь, лишь упоминая и отдавая дань этакой далекой от России диковине, которая, по экзотическим представлениям, мало чем отличалась от, скажем, Индии или Китая.

Открыл в русской литературе подлинный Кавказ, особенно его южную часть, то есть, Закавказье, Пушкин. А потом, к нашему общему счастью, как говорится, пошло-поехало – Бестужев-Марлинский, Полежаев, Лермонтов, Толстой...

Историки, конечно же, могут объяснять их появление в наших краях причинами, связанными исключительно с государственной политикой. Но, в таком случае, они просто исполнили бы то, что было положено, и убили, унося в груди ничем не согретое сердце. А этого не произошло! Из-за того, что, кроме служебного долга, появилась еще и потребность души. Их, и многих-многих других «кавказская колыбель» начала пестовать по причинам, связанным именно с русской литературой. В ней, в двадцатых годах девятнадцатого столетия, бурно расцвел романтизм, а Кавказ олицетворял романтическую, даже воинственную свободу, столь дорогую сердцу истинного творца. И если политики с военными воспринимали кавказцев, как противников, то у поэтов эти люди вызывали лишь уважение, не зависящее от того, с кем они воевали. А еще Закавказье, фактически укрывало вольнодумцев, для которых ссылка сюда превращалась, как бы сказали сейчас, в творческую командировку.

И все это продлилось в двадцатом веке, перейдя уже на новый уровень – настоящих дружб и крепких привязанностей, общих забот, бед и радостей. Было уже не паломничество русской поэзии на Южный Кавказ, а единая поэтическая территория, обитатели которой не заглядывали друг другу в паспорт и говорили на едином языке рифм. Бунин, Брюсов, Бальмонт, Маяковский, Есенин, Мандельштам, Асеев, Пастернак, Тарковский, Заболоцкий, Тихонов, Ахмадулина, Евтушенко, Вознесенский, Мориц... Имя им – легион. Иностраный легион литератур Закавказья.

А кем назвать, продолжая эту аллегория, авторов нынешнего сборника? Новобранцами форпостов русской поэзии в Закавказье? Ее волонтерами или даже полпредами? Думается, что все эти звания еще нужно заслужить. Причем, главное не в том, как назовешь этих молодых людей, а в том, что не только победители конкурса, но и все его участники пишут стихи на русском языке. Стихи, конечно, разные. Но, ведь, пишут же! Я далек от желания поучать их, а тем более, в очередной раз в деталях повторять то, что уже писано-переписано о русско-кавказских литературных связях. Просто хочется подчеркнуть, что новые талантливые люди не могут не появиться там, где родились семьи Грибоедова-Чавчавадзе и Гиппиус-Мережковского. Там, где есенинское: «Дрались сонмища племен, зато не ссорились поэты» сродни словам Ахмадулиной о Битове: ««Иногда путаю его с собой, потому что знаю, зачем ему, как и мне, так надобен Кавказ. В Кавказе есть нечто, что нас утешает». Там, где, лермонтовское: «Быть может, за хребтом Кавказа укроюсь от твоих пашей» как бы продолжает Пастернак: «Он мял бы дождь моих пророчеств подошвой своего хребта»...

Немало воды утекло с тех пор, как прозвучали все эти строки. Иной стала поэзия в России, иным стал Южный Кавказ. На его просторах рядом с армянской, грузинской, азербайджанской поэзией и прозой – уже не русская, а русскоязычная. А, впрочем, это звучит, как комплимент. Потому что авторитеты филологии признают: литературный, правильный русский язык в Закавказье сохранился лучше, чем в огромной стране, в которой он является основным. Так что, молодежи, не только говорящей, но и пишущей на нем, – стило в руки.

Ну, а в продолжение этой темы позволю себе еще одну цитату – мнение профессионала, возглавляющего солидный журнал. В 2006 году газета армянской диаспоры стран СНГ «Ноев ковчег» спросила главного редактора «Дружбы народов» Александра Эбаноидзе: отличается ли русскоязычная литература зарубежья от издаваемой в России – темами, ракурсом, оттенками языка? Ответ был таков: «Да! Сказываются, видимо, ментальные различия и иной жизненный опыт. В советское время была целая плеяда национальных писателей, писавших по-русски, но опыт нового поколения не менее интересен. Современные авторы чувствуют иначе, они получают стилистическую подпитку из современного языка. Русский язык – очень подходящий инструмент для талантливого писателя, чтобы передать свой особый национальный опыт, ментальные особенности. Словом, оказалось, что на постсоветском пространстве все еще есть круг талантливых русскоязычных авторов. Но он не очень велик...»

Что ж, именно для того, чтобы этот круг увеличился, Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» и проводит литературные конкурсы, собирающие молодежь, которой есть, что сказать, и тем более – написать на русском языке. Состоялись уже два конкурса молодых русскоязычных поэтов, сначала – Грузии, а потом, благодаря грантовой поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ (МФГС), - и всего Южного Кавказа. Главной наградой для лауреатов первого из них стало то, что их строфы оказались рядом со стихами известных поэтов из многих стран в юбилейном сборнике «Новые сны о Грузии», составленном по итогам V Международного русско-грузинского поэтического фестиваля.

Участники нынешнего конкурса удостоились «собственного» сборника – «За хребтом Кавказа...» А для того, чтобы можно было получить более полное впечатление о современной поэтической жизни Азербайджана, Армении и Грузии, в сборник включены произведения и наиболее ярких поэтов Закавказья – края, без которого, по словам Ильи Эренбурга, «трудно себе представить русскую поэзию: там она отходила душой, там была ее стартовая площадка».

Всех молодых, увидевших свои стихотворения в этой книге, хочется от души поздравить. А тем, кто пока в нее не попал – пожелать не унывать, писать дальше и оказаться на страницах следующего сборника. И те, и другие делают отличное дело – вдали от России пишут стихи на русском.

ВЛАДИМИР ГОЛОВИН

ПО ИТОГАМ КОНКУРСА
МОЛОДЫХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ
ЛИТЕРАТОРОВ ЗАКАВКАЗЬЯ

ЖЮРИ КОНКУРСА:

Елена Исаева (РОССИЯ), председатель

Елена Иванова-Верховская (РОССИЯ)

Валерий Дударев (РОССИЯ)

Алина Талыбова (АЗЕРБАЙДЖАН)

Сурен Петросян (АРМЕНИЯ)

Владимир Саришвили (ГРУЗИЯ)

СОЧИНЕНИЕ НА ТЕМУ СУДЬБЫ

«Маленькая родина моя...»

*Маленькая родина моя,
Ты – в моих артериях и венах.
Вечно здравствуй,
будь благословенна,
Маленькая родина моя...*

Мансур Векилов

Мировая культура – по сути, не что иное, как бесконечный ряд сообщающихся сосудов, налитых драгоценным вином духовности, единой для всех народов, населяющих нашу планету. Сама история распорядилась таким образом, что, находясь на перекрестке географических, торговых и культурных путей, Азербайджан всегда был открыт ветрам с Севера и с Юга, с Востока и с Запада, щедро делясь собственными богатствами и черпая из духовных сокровищниц других народов. Загадочная и древняя культура Востока традиционно являлась центром притяжения для иных культур и цивилизаций – сколько мастеров пера, кисти, гармоний вдохновлялись его тайнами и откровениями, его романтическими сюжетами и героями!.. Именно на почве этого взаимного притяжения, слияния, смешения культур и возникли многие шедевры мирового искусства: так, история любви ашыга Гариба вдохновила М.Лермонтова на создание одноименной поэмы, Р.Глиэра – оперы, а свое знаменитое «Из Гафиза» Пушкин пишет, восхищенный героизмом азербайджанских полков под командованием Н.Раевского. Из сумрака хрестоматий нам откликаются эхом имена А.Островского, Чехова, Куприна, Горького, Грина, Антокольского и других служителей пера, кто в то или иное

время оставил свой след на благодатной земле Азербайджана.

Но если Азербайджан представляет собой уникальную формацию на карте мира, то еще более удивительное образование – его столица, этот полифоничный микрокосм со своим неповторимым культурным и духовным климатом, с его разноплеменными, разноязычными обитателями, с улицами, на которых модерн соседствует с традиционными минаретами, а «сталинки» – с изящными башенками в «мавританском» стиле... Город-коктейль, город-ассорти, город-микс, город-миф – поразительно органичный в этой своей многоликости и разностильности.

Во второй половине XIX века, с началом плановой разработки каспийских месторождений, бывший уездный город фантастическими темпами превращается в крупнейший промышленный и торговый центр. В газетах тех лет Баку называли «Кавказской Пенсильванией», «азиатским Клондайком»... Знакомясь с документами начала XX века, очень трудно удержаться от аналогий с днем сегодняшним: и тогда фантастически быстро создавались капиталы, строились роскошные дома в черте города и за его пределами. Но, пожалуй, главное отличие богатых той эпохи от сегодняшних «новых» заключается в том, что те люди были заняты своим Делом и благосостояние свое зарабатывали собственными знаниями и умениями, не забывая при этом и о «вспомоществовании нуждающимся». Как известно, меценатами становятся не по расчету, а по любви. Склонность к меценатству в те годы была еще одним неперенным отличием людей состоятельных, и именно поэтому рядом с дорогими магазинами, банками, увеселительными учреждениями строились читальни, музеи, театры, школы... Промышленники и финансисты не скупилась вкладывать средства не только в камень и мрамор, в пилястры и капители, но и в талантливых людей – певцов, художников, поэтов.

Времена меняются, распадаются империи, на их месте возникают новые, а планета под названием Баку продолжает жить напряженной культурной жизнью. Берем в руки пухлый том газетных подшивок почти вековой давности: в Бакинском Университете читает лекции Вячеслав Иванов, в переполненном поэтическом клубе на бывшей Коммунистической (ныне ул. Истиглалият) гремит бас Маяковского, на сцене Рабочего театра играют свои первые роли Раневская и Жаров, в Филармонии дают концерты прославленные европейские дирижеры, а в редакции «Бакинского рабочего» Есенин читает рабкорам только что написанные стихи...

Долгое эхо «золотого века»

*...Ведь мы, художники, поэты –
Творцы подспудных перемен.*

Евгений Евтушенко

...1-го января 1931-го на свет появляется «Темп» – ежемесячный русскоязычный общественно-политический журнал, организованный Ассоциацией пролетарских писателей Азербайджана (Союз, точнее, Общество писателей будет образовано лишь год спустя). На тот момент у русскоязычных авторов не было другого печатного «пристанища», кроме скромного приложения к газете «Бакинский рабочий», так что появление нового издания становится значимым событием в литературной жизни Республики. Первым редактором журнала стал П.Тарханов. С ноября того же года журнал меняет имя – теперь он выходит под названием «Ударник» (редактор П.Звонарев), а в начале 1934-го он обретает свое нынешнее название – «Литературный Азербайджан». Наиболее значительные периоды в жизни журнала связаны с именами его редакторов Мамеда Сеида Эфендиева (1936-37), Сейфуллы Шамилова (1937), Михаила Камского (Долганова) (1938-1941).

В 1941-ом выпуск журнала приостанавливается. «Все для фронта, все для победы!» Баку – это энергетическое сердце страны – безотказно перекачивает тонны «черной крови», питающей моторы и двигатели советской армии, бакинцы стоят в хлебных очередях, плачут над похоронками, дежурят в госпиталях, куда свозятся раненые со всех фронтов. Выпуск журнала возобновится лишь в 1952-м, два года спустя его возглавит заслуженный деятель искусств, Народный писатель Азербайджана Имран Касумов. В эти годы в Баку жили и творили замечательные русскоязычные поэты – авторы журнала: Инна Лиснянская, Варвара Константинова (Земмель), Рафаэль Шик, Анисим Кронгауз, Юрий Фидлер и многие другие литературные «аксакалы», представители военного поколения, очевидцы истории. Их строчки – такой же документ эпохи, как и исторические хроники тех лет. Немало сил в свое время отдали журналу И.Оратовский и А.Плавник, которые руководили литкружками при Союзе писателей.

Великая война уходит в прошлое, налаживается мирная жизнь, и вот уже на подходе незабвенные 60-е – настоящий «золотой век» (в том числе, и в литературе), чье долгое эхо слышится нам и сегодня сквозь все наложения позднейшего времени. И сейчас, несмотря на все «пластические» операции, безжалостно производимые в последние годы над обликом Баку, сквозь неизбежный мегаполисный смог и плотный строй многоэтажных машин в стиле «нувориш», среди визга пескоструек и гомона бесконечных торговых рядов – нет-нет, да и проступают черты того города, непохожего ни на что в мире, солнечного в любую погоду, города, который очаровывал, влюблял в себя, будоражил, побуждал к творчеству, которому посвящали стихи, как свои, так и заезжие поэты, жители которого умели дружить и любить, не заглядывая в пресловутую «пятую» графу... Это именно тот период, когда отчетливо формируется совершенно особый генотип «над которым порабо-

тали природа и время, протрудившись много десятков лет (и даже столетий) – вспоминаются по ассоциации морские камни, обточенные временем и морем до совершенства, до немислимых оттенков, узоров, вкраплений...» (У.Чертовских), то особое братство не по крови, а по духу, которое позволяло жителям этого города, независимо от национальной принадлежности, с гордостью называться «бакинцами». «Мы жили в маленьком раю провинциального Парижа...» (Д.Имамвердиев) – именно об этом городе джазменов и фантастов, шахматистов и поэтов, городе Ландау, Ростроповича, юного Муслима Магомаева, родине звездного КВНа и не менее звездного КАПа и поныне отчаянно ностальгируют его бывшие граждане, рассеянные по бесчисленным городам и весям планеты.

...И вот уже грядет новая временная «волна» поэтов: Владимир Кафаров, Мансур Векилов, Николай Хатунцев, Сиявуш Мамед-заде, Александр Халдеев, Вячеслав Зайцев, Алла Ахундова (член СП России)... Многие из этих авторов, будучи прекрасными переводчиками, внесли свой реальный и весомый вклад в пропаганду азербайджанской поэзии на литературном пространстве бывшего СССР (а опосредованно, и в мире). Если до сих пор переводчиками классической и современной поэзии были, в основном, замечательные российские поэты: К.Симонов, П.Антокольский, Д.Самойлов, М.Адалис и т.д., то теперь в Республике формируется собственная высоко-профессиональная школа художественного перевода: это, в первую очередь, тот же Владимир Кафаров – один из ее основателей, переложивший на русский язык тысячи баяты, Николай Хатунцев, перу которого принадлежит русская «версия» газелей Низами – их переводы входили и продолжают входить во все академические издания «Художественной литературы»; выпускник Литинститута, лауреат Пушкинской премии, Сиявуш Мамед-заде, который и сегодня помогает все новым азербайджаноязычным поэтам говорить со своими читателями, в том числе, и по-русски.

Более 30 лет «у руля» журнала стоял писатель, фронтовик, заслуженный деятель искусств Иван Поликарпович Третьяков. Уроженец Архангельской области, с боями прошедший всю войну, кавалер многочисленных орденов и медалей, в последние дни войны получивший тяжелейшее ранение, волей судьбы попавший на излечение в Баку – именно здесь он обретет вторую родину, семью, с отличием закончит педагогический институт, здесь увидят свет его первые произведения, основной темой которых становится его военный опыт: «...Все эти годы я чувствую за спиной дыхание моих солдат, с которыми я шел по дорогам войны. Вот они, только что вышедшие из боя, стоят в своих пропотевших гимнастерках, в смятых своих пилотках, с тяжеленными автоматами: северяне, южане, русские, татары, азербайджанцы, белорусы, евреи - полный интернационал... Я говорю о них и от их имени...» В активе писателя, кроме многочисленных оригинальных произведений, более 200 статей, а также художественные переводы трех десятков романов и повестей азербайджаноязычных авторов на русский язык. В 1959 году он становится членом Союза писателей, а уже в 1961-м возглавляет «Литературный Азербайджан». (С 1959 по 1961 год редактором журнала был Д.Минкевич). В 1981 году И.Третьяков примет из рук тогдашнего руко-

водителя Республики, будущего Президента независимого Азербайджана, Гейдара Алиева орден «Дружбы народов», которым журнал был награжден в свой 50-летний юбилей. Как известно, Гейдар Алиевич уделял самое пристальное внимание вопросам культуры и искусства – будучи человеком с подлинно государственным мышлением, он прекрасно понимал, что именно от их состояния, от усилий творческих личностей, влияющих на умы своих современников, зависит нравственный климат в обществе, а значит, по большому счету, и будущее страны в целом. В эти годы на страницах журнала впервые увидели свет произведения таких авторов, как братья Ибрагимбековы, Анар, Ч.Гусейнов, Н.Расул-заде, Эльчин, Ч.Абдуллаев, Ф.Годжа и многих других, впоследствии составившие золотой фонд азербайджанской литературы.

Поэты эпохи Апокалипсиса

*Оглянулся я кругом:
Жизнь как будто бы Содом.
А еще я слышал, скоро
К ней прибавится Гоморра...*
Тофик Агаев

В конце 80-х история делает резкий виток – впереди всех нас, граждан ушедшей ныне на дно времен Атлантиды под названием «СССР», ожидает тягчайшее испытание девяностыми с их наркотическим угаром сомнительной свободы, жесточайшими социальными ломками, кровавыми межнациональными войнами, лагерями беженцев, опрокидыванием целых народов в болото безработицы, полунищенского существования, судорожного выживания на фоне разгула «дикого» рынка. В эпоху повальной эмиграции рвутся возвращавшиеся десятилетиями человеческие и творческие узы, уезжают родственники, коллеги, друзья... До стихов ли тут?.. В 1991-м на редакторскую «вахту» в «Литературном Азербайджане» заступает давний сотрудник журнала, поэт Мансур Векилов. С его приходом начинается новая эпоха журнального бытия длиной почти в 20 лет.

Журнал с трудом удерживается на плаву в бурном море 90-х: выходит всего четыре «сезонных» номера в год, в воздухе витает вопрос о целесообразности его дальнейшего существования, об авторских гонорарах не приходится даже мечтать (но стоит отметить тот факт, что даже в самые непростые годы становления государственной независимости Азербайджана журнал продолжал финансироваться из госбюджета, оставаясь официальным органом Союза писателей Республики). Редакция тогда кочевала по чужим углам: помню ледяную комнату, в которой сотрудники, не снимая пальто, работали за огромным, заваленным рукописями столом... Но все это – не самое важное: главное – журнал продолжал жить и печатать качественные произведения, и в этом, конечно, безусловная заслуга его главного редактора и тех, кто оставался рядом с ним все эти годы – их работу

иначе, как подвижнической, не назовешь. Еще раз убеждаешься в том, как все-таки важна во всем Личность – ибо талантливый и порядочный человек остается таковым при любом политическом и временном раскладе.

Мансур Векилов был одним из блестящей, но, увы, уходящей плеяды потомственных азербайджанских интеллигентов, бакинцем в самом высоком значении этого слова. Он всегда был человеком своих корней, но крона его шелестела над целым миром, сплетаясь с другими, потому что ему, как истинному поэту, были открыты высшие истины: «Я знал, что все они от Бога: и Иисус, и Магомет...» К журналу он относился как к любимой женщине, с затаенной, но очевидной нежностью, потому что не только поэтом, но и редактором он был от Бога. Все эти годы он учил нас, своих современников, своим присутствием в литературе, своей тончайшей лирикой, требовательным вкусом, отвергавшим всякую фальшь, небрежность, пафосное пустословие. Он был Профессионалом, именно поэтому его отличало умение встать выше личных приязней там, где речь шла о творчестве. Искренне любил поэтов, «малых и больших», и нередко вытягивал буквально «за уши» чьи-нибудь очень средненькие стихи, если удавалось обнаружить хоть проблеск таланта и живого чувства.

«Пусть расцветают все цветы...» – так когда-то он сформулировал свое редакторское кредо, у него был чуткий литературный слух, которому был понятен практически любой творческий язык, кроме откровенно бездарного. В своей редакторской ипостаси он являл собой мощный волнорез, о который разбивались мутные волны отечественного графоманства. Именно в эти годы на страницах журнала появлялись новые интересные имена, как прозаиков, так и поэтов, которые пытались посреди всеобщего хаоса и распада «удержать планку», заданную когда-то их предшественниками. М.Шафиев, С.Шаулов, И.Зейналлы, Э.Меликов, Е.Касумова, А.Агаева, В.Зарубин, А.Хакимов, Г.Тофик кызы, Л.Самед-заде, Г.Агамамедова и многие другие (прошу прощения у своих собратьев по перу, что не могу перечислить всех без исключения – на это потребовался бы совсем другой объем печатного пространства). Это те, через судьбы которых пролегли те самые «гейневские» трещины от расколовшегося мира, кому оказались не понаслышке знакомы беды новой исторической эпохи: грохот больших и малых войн, повальная миграция, блеск и нищета новых «хозяев жизни», тирания Его Величества Доллара, Рубля, Маната... Но, в отличие от конъюнктурных гореписак, откровенно спекулирующих на больных темах, в изобилии выплескивая на головы читателей набор плохо срифмованных штампов, эти авторы умеют находить те единственные, точно выверенные, весомые слова, которыми идут прямо к сердцу читателя. Их произведения, всегда «штучные», глубоко авторские, в то же время, точные и узнаваемые слепки времени, независимо от того, работают ли авторы в жанре поэтической миниатюры или фантастического романа... Это литературное поколение (как и его ровесники в других республиках бывшего Союза), «по-живому» разделенное новообразованными границами, сложными визовыми «разборками», запредельными ценами на билеты и т.д., оказалось лишено возможности набираться профессиональной премудрости на литинститутских семинарах

у живых классиков, выезжать на фестивали, участвовать в диспутах, встречах с читателями и т.д. – одним словом, того насущно необходимого воздуха творческого общения с себе подобными, той нормальной литературной жизнедеятельности, о которой столь увлеченно рассказывали нам наши мэтры.

Пронсясь в гудящей пустоте сквозь тоннель 90-х, не ведая о том, что творится во внешнем литературном мире, и существует ли он вообще или уже упразднен за ненадобностью новому времени, запертые в себе – «в этой крепости, почище Петропавловской» (М.Цветаева), эти поэты, тем не менее, продолжали в одиночку проходить собственные поэтические университеты, биться со Словом, «гранить вечность» и собственную душу, по мере сил сопротивляясь дурновкусице и провинциализму, бурными потоками разливавшимся на просторах внезапно обесцензуренного искусства. В общем, все эти годы они «работали» теми самыми атлантами, с напряженными спинами и сведенными коленями, чья миссия – удерживать на своих отнюдь не атлантовых плечах резко потяжелевший свод времен, замыкать собственным телом, как оборвавшиеся высоковольтные провода, Прошлое и Настоящее, чтобы, в конечном итоге, обеспечить ту самую связь времен. Сегодня этих людей можно с полным правом назвать профессионалами (несмотря на то, что «в миру» все они имеют другие профессии, которые обеспечивают их хлебом насущным). Хотелось бы верить, что их усилия не пропадут даром, и их строчки – эти бумажные «журавлики-кораблики», опущенные ими в бурные воды и грозовые небеса новейшего времени, все-таки долетят и доплывут до будущих читательских и поэтических поколений.

День сегодняшний

*Откроют фортку: выйдет чад,
И по Земле, цветной и голой,
Пройдут другие новоселы,
Другие песни прозвучат...*

Юрий Домбровский

Время неумолимо – с ним невозможно договориться, его невозможно заговорить: увы, многих из тех, кто, собственно, и создавал яркий неповторимый мир, представленный на страницах журнала, уже нет с нами. Но справедливо замечено: «Не говори с тоской: «их нет», но с благодарностью – «были»... Постоянно и явственно ощущается присутствие рядом с нами ушедших в иной мир поэтов: в шелесте вековых деревьев на аллеях Губернаторского сада, в четком профиле Девичьей башни, в гуле штормового Каспия... После неожиданного и до сих пор болезненного для всех нас ухода Мансура муаллима («учитель», уважит. обращение к старшему – А.Т.) в 2008-м, журнал возглавила дочь Народного писателя Азербайджана Мирзы Ибрагимова, чье столетие широко отмечалось в Республике минувшей осенью, - Солмаз ханум Ибрагимова, отдавшая работе в журнале практически всю жизнь. На сегодняшний день «Литературный Азербайджан» представ-

ляет собой крупнейшее и единственное в Республике русскоязычное литературное издание (128 стр.), которое предлагает читателю переводы произведений азербайджанских поэтов, писателей и драматургов, традиционно уделяя особое внимание творчеству русскоязычных писателей, проживающих в Азербайджане. На его страницах также можно встретить информацию о событиях в области азербайджанской культуры и истории, эссе о театре, живописи, музыке, архитектуре, скульптуре. Представлены и произведения иностранных авторов в переводах на русский язык, литературные портреты, интервью с наиболее выдающимися современными деятелями культуры и искусства, как Азербайджана, так и других стран.

В 2007 году вышел в свет первый номер 16-страничной газеты «Мир литературы» (главный редактор – А.Вафалы, шеф-редактор – А.Джалилов), представляющей собой русскоязычное приложение к «Адабийат газети» («Литературная газета»), выходящей на азербайджанском языке. На ее страницах также представлены ведущие поэты и прозаики Азербайджана, материалы, освещающие наиболее значимые события в самых разных областях культуры и искусства.

Как показало время, необходимость в подобных русскоязычных изданиях не только не отпала, но стала еще более актуальной: число авторов, желающих опубликоваться в газете, стабильно превышает печатную площадь – ведь увидеть свое имя в перечне ее авторов уже означает сдать своего рода «экзамен» на литературную зрелость. Также традиционно высоко число азербайджаноязычных авторов, которые хотели бы видеть свои произведения опубликованными именно на страницах «Лит.Азербайджана» (при наличии многочисленных литературных изданий, выходящих на азербайджанском) – ведь зачастую именно русскоязычные издания открывали и продолжают открывать национальным авторам дорогу к широкому российскому и зарубежному читателю. После долгой «болезни» восстанавливается и переводческая школа – свидетельством тому стала выпущенная в свет Союзом писателей Республики в 2009 году трехтомная Антология азербайджанской поэзии, в которую наряду с хрестоматийными переводами, выполненными в свое время классиками советской литературы, вошел большой объем переводов, осуществленных уже современными поэтами-переводчиками – сотрудниками журнала.

Сегодня журнал живет полноценной жизнью, восстанавливает утраченные литературные связи со странами дальнего и ближнего зарубежья – по подписке «Литературный Азербайджан» уходит, в том числе, и за пределы Республики, представлен он и в глобальной сети на сайте Союза писателей. После затяжного периода изоляции, когда мы практически ничего не знали о том, что происходит в литературной жизни даже наших ближайших соседей, шаг за шагом восстанавливаются связи с писательскими объединениями и литературными журналами, действующими в бывших советских республиках, а ныне независимых государствах СНГ. Так, бакинский читатель смог узнать о поэтических фестивалях и других литературных событиях, проходивших в России, Средней Азии, на Южном Кавказе, ознакомиться с творчеством авторов из этих и других регионов. В последние два года налади-

лись тесные литературные связи с Грузией – страной, близкой нам не только географически, но и духовно: на страницах «Литературного Азербайджана» и «Мира литературы» публиковались материалы о Международном фестивале поэзии в Тбилиси, многочисленные интервью с гостями фестиваля, а также с грузинскими поэтами, писателями, бардами. Надеемся, что теплые творческие и человеческие связи с нашими грузинскими коллегами будут с течением времени только крепнуть.

Хочется также надеяться, что усилиями всех его сотрудников «Литературный Азербайджан», отметивший в минувшем году свое 80-летие, сумеет и в будущем сохранить свои принципиальные позиции, которые позволят ему не только удерживать высокую планку, взятую его прежними авторами и редакторами, но и шагнуть дальше и выше, и по-настоящему родной для всех нас журнал сможет обрести свою достойную нишу в литературной жизни нового столетия.

И снова о великом и могучем

*Мой сын!.. С наукой русской будь знаком
И овладей ты этим языком!*

Сеид Азим Ширвани

Азербайджан издревле известен как земля поэтов и писателей. Внимание и уважение к художественному слову, на каком бы языке оно ни звучало, здесь огромно. В отличие от тех государств, кто и в советскую, и в пост-советскую эпоху сознательно взял курс на мононациональность, на историческую и культурную самоизоляцию, мы всегда понимали, что богатство этнической палитры Азербайджана – это такое же национальное достояние, как и его нефтеносные недра. Несколько десятков народов веками проживают на территории страны, где звучит самая разная речь, и традиционно «переводчиком» здесь выступал именно русский язык, который помогал нам понимать друг друга, был информационным, культурным, духовным мостом между народами и поколениями.

Наша страна являет собой счастливое исключение из числа многих своих соседей по бывшему Союзу: здесь и сегодня широко представлена русскоязычная пресса – как местные, так и зарубежные издания, действуют русскоязычные детсады, школы и отделения вузов, выходит художественная литература на русском языке... Несмотря на все катаклизмы нашей новейшей истории, бакинские улицы и поныне несут на своих указателях славные имена Пушкина, Лермонтова, Льва Толстого, с памятной доски в центре города смотрит вслед прохожим чеканный профиль Маяковского. Не иссякает поток посетителей в доме-музее Есенина в поселке Мардакян, а в районцентре Гусар любой прохожий покажет вам дом, возле которого установлена белоснежная памятная стела – в этом доме осенью 1837 года в ожидании оказии в Шамахе останавливался у своего знакомого, военного врача А.Маршева, Михаил Лермонтов. Со сцен бакинских театров по-прежнему

звучит русская речь, а на страницах «Литературного Азербайджана» перед читателями предстает многоцветная мозаика русскоязычной поэзии и прозы Азербайджана.

Все это очевидные свидетельства толерантности и открытости складывавшегося веками менталитета многонационального народа Азербайджана. Каждый раз, когда мне доводилось представлять журнал за пределами Республики, тот факт, что в современном Азербайджане при поддержке государства издается полноценный литературный журнал на русском языке, всегда вызывал удивление и восхищение (а нередко и «белую» зависть) наших зарубежных коллег.

Только в таком поистине уникальном городе как Баку мог сложиться феномен бакинского двуязычия, который подарил Республике целую плеяду блистательных азербайджанских поэтов и прозаиков, пишущих на русском языке. В их числе братья Рустам и Максуд Ибрагимбековы, Чингиз Гусейнов, Натик Расул-заде, Чингиз Абдуллаев, Мансур Векилов, Эльмира Ахундова, равно владеющий русским и азербайджанским языками Анар... А сколько самых разных людей в самых разных концах некогда единой страны смогли разделить радости и тревоги наших соотечественников, именно благодаря тому, что произведения азербайджаноязычных авторов были озвучены в русских переводах!.. И сегодня у нас в силу все тех же исторических обстоятельств много литераторов, в том числе и молодых, пишущих на языке Пушкина и Толстого – ничего негативного в этом факте усмотреть нельзя. Для бакинцев многоязычье с детства было привычным явлением, многие из них знали по 3-4 языка и считали это само собой разумеющимся, и уж, конечно, в прежнем Баку не могло возникнуть примитивных споров, какой язык «лучше» или «хуже», ведь «бакинство – это прививка от любых этнофобий...» (Ч.Гусейнов), и уж само собой, от фобий языковых.

Очевидно, что любой язык – это лишь одежда наших мыслей и чувств, лишь оболочка того «программного обеспечения», который он несет в себе, ведь на одном и том же языке можно призывать толпу к убийству или шептать слова любви, рекламировать порок или петь колыбельную...

В нашей истории немало прецедентов иноязычной литературной традиции и их не надо долго искать – достаточно вспомнить великого Низами, писавшего на фарси, и основоположника азербайджанской прозы Исмаила Куткашенлы, который в 19-м веке написал первое большое прозаическое произведение на французском. Старая, но верная истина заключается в том, что, естественно произрастая из национальной почвы, подлинный талант неизбежно становится явлением всемирного масштаба, перешагивая языковые, государственные и любые другие границы.

Однако, и у нас сегодня «языковая» ситуация обстоит далеко не так благополучно, как представляется на первый оптимистичный взгляд. Активная жизнедеятельность русского языка всегда была связана главным образом с Баку, который традиционно был открытым городом, где, как уже отмечалось, русский язык опять же традиционно являлся основным языком общения между его разнонациональными гражданами. Но идиосинкразия ко всему, что связано с общим советским прошлым, в частности, к русскому

языку как к одному из его основополагающих компонентов, привела к тому, что на сегодняшний день налицо не только явное «сжатие» ареала действия русского языка, но и очевидное и резкое ухудшение его качества. Факт тревожный, особенно если вспомнить, что русский язык в национальных республиках бывшего СССР, подчас был правильнее и выразительнее, чем в «метрополии», (тем более, сегодняшней, с ее криминально-маргинальным сленгом и компьютерным новоязом). Так, в Азербайджане русский язык в значительной степени был представлен языком русской художественной и технической интеллигенции, блестящей профессуры, высококвалифицированных (а значит, отмеченных языковой грамотностью) специалистов, приехавших сюда в разные периоды истории Республики.

Сколько азербайджанцев разных поколений с любовью и уважением вспоминают своих педагогов русского языка, которые учили их не только спряжениям и склонениям, но и отношению к жизни, формируя их личность, основные нравственные установки, развивая вкус! Скольким детям из самых отдаленных селений открыли дорогу в большой мир молоденькие русские учительницы, отправившиеся туда работать «по распределению» и навсегда полюбившие свою вторую родину! Стоит упомянуть и тот факт, что русский язык в бывших национальных республиках Союза никогда не был предметом коммерции – доступ к качественному языковому обучению был открыт всем без исключения социальным группам, в отличие от того же английского, который сегодня предлагается нам в качестве альтернативного языка общения. Но не надо забывать о том, что на его внедрение потребуются не один десяток лет, а между тем миллионы людей в бывших советских республиках, лишившись русского языка, оказываются отброшены далеко назад, заперты в тесном пространстве «однойязычья», лишены общения между собой. Английский язык сегодня является предметом роскоши, доступным далеко не всем слоям населения. В элитных англоязычных школах цены на обучение поистине запредельные – там формируется слой будущих «хозяев жизни», в отличие от массы, которая будет вынуждена довольствоваться тем самым «колониальным» языком, то есть, примитивным набором типовых фраз, достаточным лишь для того, чтобы понимать распоряжения этих самых новых «хозяев».

Надеюсь, мне удастся избежать упреков в предвзятости по отношению к английскому языку – по основной профессии я педагог именно этого языка и литературы, и с того дня, когда я, шестилетняя, впервые взяла в руки яркий учебник с еще непонятными латинскими буквами, этот язык, также, как и англоязычная культура – огромная и неотъемлемая часть моей жизни. Но, увы, очевидно, что сегодня по просторам бывшего Союза взамен вытесняемого литературного русского языка уверенной поступью шагает отнюдь не язык Шекспира, Стівенсона, Фолкнера, а донельзя упрощенный и агрессивный язык худших голливудских фильмов, формирующий вполне определенное мировоззрение у наших подрастающих соотечественников.

Сегодня изрядное количество доморожденных писателей и журналистов, числящихся «русскоязычными», страдают явно выраженной «языковой недостаточностью», полным отсутствием профграмотности, а также нехваткой

общего интеллектуального и эмоционального развития – отсюда и подмена авторской журналистики примитивным репортерством, устрашающие «ляпы» в прозаических и рифмованных творениях, написанных на вульгарном «полурусском» языке, который сегодня все чаще выдается за неповторимый «авторский» стиль. Неуважение к языку – главному рабочему инструменту всех пишущих – распространяется отнюдь не только на русский язык и русскую грамматику, но и на все другие языки, в том числе и титульные – они сегодня тоже серьезно болеют, мелеют и высыхают, засоряются привнесенным извне лексическим «мусором», теряют образность и выразительность, а все многообразные языковые функции все чаще сводятся до узко коммуникативных.

Время не стоит на месте, и сегодня в бывших союзных республиках, в том числе, и в Азербайджане, уже подрастает поколение, не знающее русского языка, позабывшее или не расслышавшее завет великого Ширвани. А это означает, что в недалеком будущем мы станем плавно перемещаться в разряд «лузеров» – в культуре, экономике, науке и т.д., потому что существует объективная реальность, нравится нам это или нет: сегодня на земле насчитывается до 5000 (!) языков, однако, ведущие, «ключевые» позиции прочно удерживают лишь несколько так называемых «рабочих» языков человечества, в числе которых английский, французский, немецкий, испанский, русский... Справедливо заметил Председатель Союза писателей Азербайджана, Анар: «И сегодня подключение к мировой культуре у нас осуществляется в основном именно через русский язык. Без всего этого богатства мы были бы нацией обделенной, то есть народом, оторванным от культурных процессов, происходящих на планете».

Во множестве стран, отдаленных от России географически и исторически, увеличивается число студентов, изучающих русский язык. «Русские» факультеты действуют во всех странах, включая самые экзотические, потому что их народы как раз-таки прекрасно понимают, что этот язык – их шанс, окно в огромный, удивительный, многоцветный мир. Но, если им приходится осваивать язык «с нуля», то бывшим советским народам был выдан огромный исторический «бонус» - свободное владение одним из ведущих языков мира. Зачем же сегодня добровольно отказываться от этого преимущества в угоду чьим-то невнятным политическим амбициям?

В свое время первый Президент независимого Азербайджана, Гейдар Алиев сказал: «Я хочу, чтобы наша молодежь читала Низами на азербайджанском, Пушкина на русском и Шекспира на английском» – мудрое пожелание, ведь каждому нормальному человеку очевидно, что соединительный союз «и» всегда лучше, чем противопоставительный «или».

Придет срок – улягутся политические страсти, отшумят идеологические дебаты, но, несмотря ни на что, Волга всегда будет впадать в Каспий, и прозрачная волжская волна будет вечно сливаться с изумрудной хазарской, а на улицах Баку азербайджанская речь всегда будет естественно смешиваться со множеством других языков, в том числе и русским... У автора этих строк есть стихотворение, озаглавленное «На языке сердца» – мне представляется, что все настоящие произведения пишутся именно на этом универсальном эсперанто. Можно ведь говорить на одном языке и не понимать

ни слова, но те, кто научился объясняться на языке сердца, на языке добра, правды, любви, всегда поймут друг друга. Удастся ли новым поколениям сохранить бесценное наследие предков, живших, трудившихся и воевавших рука об руку, друживших, любивших и говоривших на одном языке – во всех смыслах этого слова? Ответ на этот вопрос может дать только время...

«...Воспитай ученика»

Мне повезло: меня ругали хорошие и талантливые люди. Моими наставниками были Михаил Светлов, Ярослав Смеляков, Михаил Луконин, Сергей Орлов, Михаил Дудин... От всех от них мне крепко доставалось, но я помнила всегда: бьют, чтобы научить, и потому что – надеются. Я любила моих наставников, и эта любовь сделала для меня реальностью многое из того, что было их доброй надеждой.

Римма Казакова

Как известно, писать должны тысячи, чтобы один стал поэтом, ибо эти тысячи – та животворящая среда, из которой и выкристаллизовывается Слово. Поэтов не бывает много по определению, ведь поэзия – это медитация души, и настоящий поэт – это всегда одинокий пик, возвышающийся над всеми окрестными холмами и предгорьями (кстати, с неизбежной платой одиночеством за эту свою «зверственность» и «возвышенность над». Увы – «талант – не смесь / Всего, что нужно людям, / А худшее, что есть / И лучшее, что будет» (Ю.Мориц).

Бакинские поэты разных поколений вспоминают, что, как правило, их творческое становление начиналось с посещения литобъединений, действовавших тогда в городе, с общения с мастерами, которые «ставили» им руку, учили уважать Слово и Читателя, разбираться в литературе, выработать тонкий поэтический слух и вкус. И неважно, что далеко не все, посещавшие эти мастер-классы, впоследствии связали свою жизнь с литературой. Старая, но верная истина: быть профессиональным читателем почетнее, чем плохим рифмоплетом, ведь «и море, и Гомер – все движется любовью», и тот, кто хоть раз переболел этой прекрасной болезнью, никогда не позволит себе оскорбить память своих любимых поэтов неряшливой рифмой, примитивным стихком. Люди разных профессий, вдохнувшие в себя воздух творчества, научившиеся ценить поэтическое мастерство, отличать подлинную поэзию от рифмованной пошлости, разбираться в литературе, как раз и составляли впоследствии ту просвещенную аудиторию, тех слушателей, читателей, зрителей, без которой искусство мертво, потому что все громкие декларации о том, что мы, небожители, пишем «для себя» и нам нет никакого дела до того, как аукнется наше поэтическое слово среди непросвещенных землян, на мой взгляд, – все-таки от лукавого. Подобно тому, как для рождения ребенка нужны двое любящих, так и для появления

на свет настоящего произведения искусства обязательно нужны двое – автор и тот, кому адресован этот послыл (пусть даже этот «тот» живет в другой стране, другом веке – а все же, все же...)

Из литобъединений, действовавших многие годы в Азербайджане, первым приходит на память старейший «Родник», созданный при газете «Вышка» все в те же незабвенные 60-е. Поэты (пусть даже и непрофессиональные) – народ сложный, амбициозный, и управляться с ними очень непросто. В «Роднике» в свое время блистал громовержцем, повергая слушателей в священный ужас, Владимир Кафаров, грозно нетерпимый к любого рода графоманству и халтуре – его справедливой, но такой острой критики побаивались даже самые талантливые студийцы. Позже его сменит Николай Хатунцев, чье «правление» выпадет на 90-е годы, когда «Родник» вместе со всеми нами переживал не лучшие свои дни. В то нелегкое время основной задачей объединения стало не столько «выучить на поэта», сколько дать пишущим возможность почувствовать, что они не совсем одиноки в этом мире. «Родник» объединял людей, равнодушных к поэзии, спасал их от душевного разора, здесь завязывались дружеские, личные отношения... А как одинаково светлели лица юных и пожилых стихотворцев, когда они видели свои строчки, напечатанными черным по белому в скромной рубрике «Вышки»!..

Н.Хатунцев был либеральным и дипломатичным руководителем – ему всегда можно было возразить, поспорить. Но, уважая чужое мнение, он, тем не менее, оставался на своих, выработанных всей жизнью, позициях и само его присутствие, профессионализм, блестящая литературная эрудиция уже подтягивали разношерстную «родниковскую» публику. Тонкий поэтический слух и профессиональная редакторская хватка Николая Борисовича немало способствовали тому, что «Родник» в свое время стал истоком творчества очень разных поэтов, многие из которых сегодня занимают достойное место в нашей поэзии. В силу реалий нашего, увы, непоэтического времени, сегодня литобъединение, возможно, утратило свою былую значимость, однако, то, что оно сохранилось и ведет свою определенную деятельность, уже радует.

Добрым словом вспоминают бакинские старожилы и кружок при Доме пионеров, который вела ослепительно красивая Галина Тихая – автор книг для детей, поэт и прозаик.

На сегодняшний день, пожалуй, наиболее жизнеспособно и широко представлено в литературной жизни города уже много лет действующее при Республиканском Обществе солидарности народов Азербайджана (РОСНА) «Содружество» одноименное литобъединение (первым руководителем его стал поэт и прозаик М.Шафиев). Регулярные встречи, тематические музыкально-литературные вечера, выезды в школы и вузы – все это объективно стимулирует пишущих, привлекая в объединение новых членов. При поддержке Посольства РФ в Азербайджане «Содружество» за эти годы выпустило в свет целый ряд поэтических и прозаических сборников («Сотворение мифа», «Растет береза среди кавказских гор», «Прекрасен наш союз...», «Свеча памяти» и др.). Под обложкой этих сборников сходятся самые раз-

ные авторы – профессионалы и любители, классики и современники, произведения, написанные отточенными перьями мэтров, соседствуют с первыми опытами тех, кто только пробует перо. Литобъединение, начинавшееся некогда, как чисто поэтический кружок, за эти годы обогатилось многими новыми ответвлениями: сегодня при нем также действуют клубы прозаиков, фантастов, юмористов.

Но главным литературным достижением «Содружества», безусловно, стали фестивали «Литературный Баку – 2002, 2004, 2006, 2008...» – сначала городские, потом общереспубликанские. Первый фестиваль начинался буквально с чистого листа, у его организаторов не было ничего, кроме энтузиазма и желания хоть каким-то образом консолидировать авторов, пишущих на русском языке, поддержать их, подтвердить нужность того, что они делают, выявить новые имена... Почетными гостями фестиваля в разные годы были Римма Казакова, Алла Ахундова, другие именитые зарубежные литераторы. В свое время в рамках фестиваля появилась рубрика «Муза за школьной партией» – особенно радуется то, что на каждом из фестивалей звучат звонкие голоса нового поколения, того самого «племени младого», которое в не таком уж отдаленном будущем будет определять лицо нашего мира. А значит, есть надежда на то, что именно они станут теми «связистами», которые протянут тонкие нити от сердца к сердцу, сквозь новые десятилетия.

То же «Содружество» постоянно организывает «круглые столы» и конференции, посвященные проблемам сохранения и развития русского языка, в том числе и русскоязычного творческого процесса, протекающего в Азербайджане, сохранения того самого «бакинского феномена». «Ведь в чем, собственно, заключается «бакинский феномен»? Первое: творчество русскоязычных бакинцев не идентично явлениям «чисто» русской или азербайджанской литературы, а принадлежит особому и своеобразному этносу. Второе: это традиционная городская лирика, с изумлением открывающая мир дачных поселков. Третье: окраина русского языка – что это? Сбившаяся с ритма времени архаика или – нечаянная радость: уложенная в коробку, подоткнутая ватой, экзотическая, с тончайшей радужной пылью эталонная бабочка?..» (М.Шафиев).

Еще один немаловажный штрих местной жизни: в октябре 2004 бронзовый монумент Пушкина (дар Правительства России) обрел постоянную «прописку» на одной из бакинских улиц, а в Санкт-Петербурге состоялось торжественное открытие памятника нашему великому соотечественнику Низами. Думается, такой вот обмен поэтами и есть самая высокая дипломатия в отношениях между двумя нашими странами, ведь поэты – это всегда полномочные представители своих народов. С этих пор по инициативе того же «Содружества» в Баку проводятся «пушкинские» дни – каждый год 6-го июня в уютном сквере собираются самые разные люди, чтобы еще раз сказать о своей любви к великому поэту и поэзии: представители городских властей и общественных организаций города, дипломаты, филологи, преподаватели вузов и их студенты, убеленные сединами и молодые писатели, и учащиеся бакинских школ. В этот день цветы традиционно ложатся к подно-

жью памятника еще одного замечательного поэта – Самеда Вургуня, ведь именно благодаря его блестящим переводам Пушкин в свое время «заговорил» на азербайджанском.

Еще одно «хранилище» русскоязычных поэтических традиций – это Бакинский Клуб авторской песни. История Клуба изобилует яркими именами – к сожалению, большинство из тех, кто в свое время стоял у истоков клуба и составлял его звездный «костяк», в силу определенных реалий покинули Баку, и сегодня они проживают в самых разных странах ближнего и дальнего зарубежья. «Расколовшийся гранат, разлетевшиеся зерна...» (А.Тальбова) В связи с этим Клуб несколько раз был близок к распаду, но усилиями его энтузиастов, в частности нынешнего президента, продюсера и режиссера Д.Имамвердиева, он сумел выйти из исторического «клинча» и снова занять достойное место в культурной жизни города. История бакинского КАПа изложена, в частности, в выпущенной в 2009 году книге «Барды» (автор и составитель – один из старейших членов Клуба И.Имамалиев) – это, своего рода, бардовская энциклопедия, повествующая о событиях и лицах бардовского движения как в мире, так и в Азербайджане. На сегодняшний день главное достижение Клуба – это, конечно же, ежегодные Международные фестивали авторской песни, на которые в изобилии съезжаются, как наши бывшие соотечественники: А.Барьюдин, В.Рагимов, А.Маркман, Ч.Бахадов и другие, так и зарубежные исполнители всех поколений: живые классики бардизма, в лице А.Городницкого, В.Егорова, Б.Полоскина, Ю.Лореса, бардовская молодежь из стран СНГ... В рамках этих фестивалей проводятся многочисленные концерты, творческие встречи, вечера поэзии, мастер-классы – все это, естественно, мощно стимулирует русскоязычных поэтов (как поющих, так и пишущих), и способствует тому, что в Клуб приходят новые талантливые исполнители, а, значит, его творческая «температура» держится на должном уровне.

В Республике также действует, при поддержке Союза писателей, Ассоциация «Луч», которая проводит Интернет-конкурсы, выпускает сборники произведений своих членов, отмечает юбилеи писателей, памятные литературные даты.

«Слово – великое дело!» – заметил когда-то мудрый Федор Михайлович Достоевский. Если верить классику, то можно обоснованно надеяться на то, что слова, мысли и чувства наших авторов, участников самых разных литобъединений, неизбежно сложатся в единый мощный посыл доброй воли, светлой энергии, устремленной поверх всех границ и виз в наше общее будущее, ведь поэзия – это тот самый разговор души с душой, который понятен всем без перевода.

«Спасибо за возможность многоточья...»

*Мальчики, играющие в рифмы,
Девочки, рисующие чувства,
Не ломайте перышки о рифы
Будто бы доступного искусства...*

М.Векилов

Два года назад меня буквально ослепил размах тбилисского международного фестиваля, этого многоликого, многоголосого поэтического действия, вот уже в пятый раз проходящего в столице Грузии. Знакомство с этой поистине сказочной страной, ее удивительным народом, самобытнейшей культурой, память о минутах и часах дружеского и по-настоящему творческого общения – все это навсегда останется для меня одним из самых отрадных воспоминаний. Тогда же меня раз и навсегда приворожил к себе Тбилиси, чье поистине мистическое родство с Баку для меня очевидно – ах, эти «отвесные» улочки, так похожие на наши Нагорные и Советские, эти «шушабанди» (застекленные веранды – А.Т.), хранящие горожан от жары, винтовые лесенки, уходящие в ослепительное южное небо, виноградные плети, как пряди волос, разметанных по каменным лицам столетних домов... Перефразируя поэта, можно было бы сказать: «Я хотела б жить и умереть в Тбилиси...» Помноженная на прошедшие годы, эта любовь стала еще крепче, так же как и уважение к людям, «поднявшим» фестиваль, вопреки бесчисленным препонам и сомнениям, этим аргонавтам нового времени, на щитах которых мог бы быть выбит замечательный девиз, прозвучавший в интервью А.Л. Эбаноидзе «Литературному Азербайджану»: «Спротивление НЕбесполезно!»

И вот – еще одно подтверждение этому: Конкурс молодых русскоязычных поэтов Южного Кавказа, где именно Грузия выступает сразу в нескольких ипостасях – инициатора, организатора, мобилизующего и связующего всех нас звена.

Парадоксально, но факт: с тех пор, как наша прагматичная эпоха объявила поэзию самым ненужным из всех искусств, ибо это странное занятие сегодня не приносит ни моральных, ни финансовых дивидендов, – резко подскочило и продолжает множиться в геометрической прогрессии число графоманов. Они – такая же реальность нашего времени, как реалити-шоу и ипотека, финансовый кризис и международный терроризм. Они потрясают километрами рифмованной пошлости, увесистыми томами с пышными розами и упитанными ангелами на обложке (благо, сегодня, вопрос публикации имеет четко выраженное денежное измерение), ссылаются на какие-то виртуальные дипломы и лавры, которыми венчают их мириады Интернет-поклонников... Невольно вспоминается: «и гении, и графоманы, когда пишут, плачут одинаково искренними слезами...» (Р.Казакова)

Искусство – материя тончайшая и хрупчайшая, та самая пыльца на крыльях бабочки-Вечности, требующая мучительного напряжения пресловутого шестого чувства, которому до сих пор не найдено точного имени... Но про-

блема в том, что сегодня беспечный Аполлон улыбается всем без разбора, благо все прежние критерии и нормативы поэтического ремесла смыты девятым валом новой морали и эстетики, ряды мэтров под натиском времени редуют – и вот уже вступает в силу то самое циничное правило: «нету их, и все разрешено» (Д.Самойлов). И вот уже, собравшись в кружок, графоманы и графоманши упоенно читают друг другу свои чудовищные творения, попутно роняя небрежные замечания, вроде того, что – а Лермонтов-то в этой строчке оплошал, и в этой вашей Цветаевой нет ничего «такого», и Вознесенский, в общем-то, поэт так себе (естественно, в сравнении с ними)... Сколько же таких гениев, утративших всякое чувство реальности, прошло через решето «Литературного Азербайджана»!.. А с убийственным аргументом, вроде: «Как же вы говорите, что это плохо – я читал(а) вот это самое моей соседке (вариант – подруге, сослуживцам, кому-то из родственников), и им всем понравилось!..» - действительно, трудно поспорить.

Оговоримся сразу, любительская поэзия имеет право полноценно существовать бок о бок с поэзией профессиональной, как та самая питательная среда для творчества, как своеобразное успокоительное или стимулирующее средство для тех, кто находит в ней прибежище от непоэтической реальности, как необременительное хобби или способ обрести свою психологическую нишу, расширить круг общения, вступив в некое сообщество поэтов-любителей. Однако, нельзя же, в самом деле, даже вполне бойко наигрывая на домашнем пианино популярные мелодии, всерьез претендовать на звание лауреата Конкурса имени Чайковского!.. И не стоило бы поминать графоманское сословие всуе, если бы не тот печальный факт, что их наличие, (так же как и наличие у некоторых из них писательских билетов, выпущенных сборников и т.п.) создает ту по-настоящему опасную Зону, в которой под воздействием активного графоманского излучения отказывают компасы, сбиваются вешки, разрушаются несущие опоры мастерства и катастрофическими темпами портится вкус у молодых, уже смутно различающих, что такое хорошо и что такое плохо – ведь сегодня им, в общем-то, по сути некому задать этот извечный вопрос, так же, как не на кого равняться.

Когда наш Конкурс еще только брал разбег, меня одолевали сомнения: удастся ли набрать достаточное количество качественного поэтического материала именно в этой возрастной категории. Ведь здесь существует своя специфика: на моей памяти немало одаренных мальчиков и девочек, ярко заявивших о себе уже на школьной скамье, но так и не обозначившихся во взрослом литературном пространстве. Факт вполне объяснимый – взрослая жизнь предъявляет свои требования: близится выпускной класс, наши юные таланты все чаще слышат от родителей настоятельные требования приобретать реальную профессию, которая позволит прокормиться, перед глазами – полно примеров успешных бизнесменов, юристов, банкиров, попсовых «звезд», но уж никак не поэтов. Немаловажный момент: в силу восточной ментальности подрастающий юноша традиционно чувствует себя ответственным за близких, за семью, которую он должен обеспечить. Орфеи нового времени не могут позволить себе роскошь отказаться от мирской суеты и полностью посвятить себя лире, поражая сладкозвучным пением

толпы благодарных слушателей – поэтому им приходится пополнять ряды рабочих, госслужащих, офисного планктона... Ну, а девочек ждет испытание бытом, материнством, и, кстати, заботами о том же хлебе насущном. В су-ровом жизненном итоге, способность слышать «музыку небес» и воплощать ее в слова чаще всего остается в прошлом – как муха, замурованная в прозрачном янтаре далекой поэтической юности.

На отборочном этапе Конкурса нас буквально захлестнула волна низко-качественных стихшков. Бесчисленные любовные вздохи, псевдо-патриоти-ческие плакатные строки, «авангардные» творения, у создателей которых, похоже, только одна забота: чтобы, не дай бог, кто-нибудь что-нибудь понял в их бессмысленном нагромождении разрозненных частей речи... Но, как оказалось, и из этой «продукции» можно извлечь прок: на ее примере удоб-но формулировать основные болезни сегодняшней молодой поэзии. Куцые мысли, откровенно пошловатые, но «красивенькие» чувства, чудовищно эгоистическая сосредоточенность на своем крохотном «я», вокруг которо-го и наворачиваются все эти километры плохо срифмованных строк. Все это соседствует с запутанными словесными шарадами, ложно-значимым подтекстом, где читается лишь натужное желание соригинальничать, любой ценой не быть «как все», выворачивая наружу смысл и форму. Еще одна интересная деталь: за «громокипящими» страстями, которые щедро рвут на клочки авторы и авторессы, читается абсолютная, как ноль градусов, вну-тренняя холодность, пустота, эмоциональная фригидность. Насколько легче тронуть сердце опытного читателя, когда за внешней сдержанностью, види-мой простотой поэтического повествования таится лава подлинных чувств, звенящее натянутой струной напряжение мысли! И последнее: во многих «молодых» стихах практически нигде не обозначено «местожительство» по-эта, как и не обозначен год и век его проживания, его принадлежность тому или иному этносу с его культурой, историей, наследием прошлого и «боле-выми точками» настоящего... Что это, дань глобализации с ее одинаковыми во всем мире смертоносными гамбургерами, гаррипотеровской одиссеей, безликими футболками и джинсами, одним и тем же культурным (или ан-ти-культурным) боекомплектом из одних и тех же фильмов, телепередач и маловразумительных музыкальных «композиций»?.. Ответа на этот вопрос сформулировать не удастся. Конечно, поэту можно и нужно говорить «о себе» и «от себя» – вот только право это должно быть чем-то обеспечено: надо быть готовым принять всю «историю мира в свою невеликую грудь» (Евг.Евтушенко), а наше лирическое «я» должно вместить в себя мириады других «я», как ушедших, так и здравствующих... Подобного «обеспечения» у молодых стихотворцев пока что явно не наблюдается.

Однако, как верно заметил тот же А.Эбаноидзе, природа продолжает ис-правно производить на свет талантливых людей, в том числе и наделенных поэтическим взглядом на мир. И хотя сегодня многим молодым поэтам откровенно недостает технического мастерства, поэтической эрудиции, творческой неуспокоенности в поисках единственно нужного слова – коро-че, той самой школы, участники Конкурса, вошедшие в число финалистов, оказались представлены вполне достойными подборками. Бог с ними, с тех-

ническими огрехами и шероховатостями – их легко можно простить и поправить умной редакторской рукой, главное, чтобы в строчках билась мысль, дышало неравнодушное чувство, присутствовало то самое «лица необщее выражение», которое и отличает подлинно творческого человека от бесчисленного сонма ловких имитаторов.

Участники Конкурса неоднородны, но интересны каждый по-своему. Мне сознательно не хочется навязывать нашим будущим читателям готовых оценок, «раздергивать» стихи конкурсантов на цитаты – пусть каждый сам выберет из потока поэтического текста наиболее созвучные его читательскому восприятию строки. Вот лишь несколько слов о каждом из авторов, представленных в этом сборнике.

Когда-то тот же незабвенный Мансур Векилов заметил, что по его наблюдениям в поэзии грядет «женская» эра – тогда на страницах журнала разом расцвела целая поросль талантливых «амазонок пера», ярко заявивших о себе и удерживающих занятые позиции до сих пор. То же самое гендерное соотношение наблюдается и в нашей молодой поэзии – возможно, женщины и в самом деле осваивают все больше пространства, в том числе и творческого, в современном мире.

За спиной истлевшее наследие –
ржавый крюк, припаянный к крылу.
Я бегу от гибели к бессмертию.
Я латаю черную дыру.
С.Субхи

Саида Субхи стала несомненным и приятным поэтическим открытием минувшего года. Зброшенное в Интернет объявление о Конкурсе в один из дней вытащило поистине золотую рыбку: письмо молодой поэтессы. Дальнейшее виртуальное общение со студенткой одного из киевских ВУЗов (где она сегодня получает второе образование на факультете практической психологии) оказалось еще более интересным, когда на нашу «электронку» пришло приложение с ее стихами. Стихи эти отмечены изяществом формы, раскованностью письма, за внешней простотой привычных деталей, как за теми самыми «окном, занавеской, карнизом» таится порывистая многогранная личность, которая меряет мир своей мерой, ищет свое место в системе координат сиюминутности и вечности, отчаянно стремясь удержаться в вихре сегодняшних непростых событий – «соринкой на ноже», ведь она занята таким опасным делом: «Я укладываю строки – лезвием к виску». Несмотря на то, что за спиной у нее лишь два прожитых десятилетия, в избранных стихотворениях Саиде удается подняться до подлинно философских обобщений («Подобие молитвы»). А главным ее девизом, думается, могла бы стать ее строка: «Я латаю черную дыру...», ибо все настоящие поэты в меру своих сил неустанно латают черные дыры безверия, агрессии, нелюбви...

Спасибо утру, притворившемуся ночью,
спасибо за возможность многоточья...

За безразличие к различию валют – спасибо.
Всем призракам, хранящим наш уют –
спасибо...
Л.Агаева

Лейла Агаева сегодня еще только входит в мир большой поэзии – в прошлом году состоялась ее первая публикация в «Литературном Азербайджане». В своем письме в редакцию она написала: «Я понимаю, что в 20 лет стихи пишут практически все (простим ей это наивное преувеличение), но может быть, что-то покажется вам интересным...» Присланная подборка и в самом деле оказалась нам интересной – в строчках ощущалось чистое дыхание молодого и гармоничного существа, распахнутость миру, умение свежо и необычно рассказать о привычном, видимом всем: старый балкончик, нависший над улочкой, раскаленный берег Каспия, ссора влюбленных – все «годится» для ее поэтического «хозяйства» и приобретает под взглядом поэта новые необычные очертания, запахи, звуки... Думается, читателю будет интересно побывать в солнечном молодом мире ее поэзии. Пишет Лейла преимущественно свободным стихом, выдерживая внутренний ритм при отсутствии выраженной рифмы. Сегодня она учится в магистратуре, овладевает вполне земной профессией архитектора. Прогнозы, как известно, вещь неблагодарная, но, не впадая в то, что она сама иронично определила, как «оптимизм в решетке», хочется все же заметить, что все вышесказанное внушает реальный оптимизм по поводу ее поэтического будущего.

Безвестно, молча,
Не без увечья...
Я дочь волчья –
Не человечья!..
С.Сулейманлы

Имя Солмаз Сулейманлы знакомо мне давно: она – ученица одной из старейших школ города с давними творческими традициями, не случайно в числе выпускников 160-й – основной состав бакинского КВН-а, «киношники», известные барды... Молодая поэтесса не раз по праву входила в число призеров различных конкурсов и фестивалей, в 15 лет выпустила свой первый сборник стихов (второй появился на свет в 2006-м, совпав с ее насыщенной впечатлениями студенчеством в Москве, и, наконец, последний, прошлогодний вышел из печати уже в Баку). Отмеченная ярким поэтическим темпераментом, она в полный голос говорит с миром обо всем, порой даже самом сокровенном. Ее стихи вызывают в памяти полотна азербайджанских живописцев с их щедрым буйством красок, безоглядным размахом письма. Ее поэтическое «я» ярко выраженного женского рода: вот она колдует над любовным зельем, вот – мучается от своей «нелюбимости», вот в приступе отчаяния решает на страшное («по венам – чирк! – стекло», но всегда, как птица Феникс, возрождается, чтобы снова жадно всматриваться в окружающий мир и снова пытаться срифмовать то невидимое и неслыши-

мое, различимое лишь слуху и взгляду подлинного поэта. У Солмаз большой потенциал и, если ей хватит терпения, чтобы «не сбиться с дыхания», не оставить поэзию, то уже в самом недалеком будущем она сможет занять свое достойное место в перечне поэтов нового времени.

И понял я, что путь недолог,
Опасен, скользок, словно ртуть...
Мой город, будто бы подлодка,
Плывет со мною на борту.
З.Мехтиев

Заур Мехтиев – единственный представитель «сильного пола» среди финалистов. И снова знакомое имя: помню серьезного школьника в солидных очках, его стихи уже тогда были достаточно громкой заявкой на поэтическое будущее. Юный поэт несколько раз становился призером Республиканских фестивалей. Участник литобъединений «Родник», «Хазар», «Содружество», он благополучно миновал период ученичества, «переболев» влиянием нескольких ярких поэтов прошлого и настоящего, но в итоге обретя собственную интересную и узнаваемую интонацию. Сегодня это сложившийся автор со своей стилистикой, неординарным и предельно образным строем мышления – концентрация метафор на квадратный сантиметр его стихов так высока, что порой это оказывается даже в ущерб стиху в целом. Но все это те самые издержки возраста, которые проходят с приобретением поэтической квалификации и пониманием той «великой простоты», что дается лишь немногим и на достижение которой подчас приходится потратить целую жизнь. Выпускник исторического факультета, увлекающийся древними языками, он смело населяет свои стихи героями давно ушедших веков и цивилизаций, вызывая их из «глубокой тьмы исчезнувших времен»: Зороастр и «рыжий Сет», Цезарь и Магомед, «Великий Сфинкс, смотрящий в никуда», цари, воины, художники и пророки – полноправные действующие лица в создаваемой им поэтической реальности. Думается, именно этот исторический «бэкграунд» помогает молодому поэту соотносить прошлое с настоящим, а настоящее с будущим, как звенья одной вечной временной цепи. Вместе с тем в его стихах ясно слышится голос нашего современника с его личными раздумьями, переживаниями, уникальным опытом взросления и осознания себя в этом мире.

Не движется луна в весенней роздыми,
Напоминая шляпку от гвоздя.
Мои стихи птенцами желторотыми
Из сердца падают, как из гнезда.
Я.Меликова

Ясмина Меликова, как говорится, по определению не могла в жизни пройти мимо поэзии – она дочь известного в Республике поэта, Экрама Меликова, поэта харизматичного, мыслящего неожиданными образами и космическими категориями. Сосуществовать в поэзии и в жизни бок о бок с такой яркой

и сложной личностью – очень нелегко, хотя бы потому, что невозможно не поддаться ее притяжению, вольно или невольно не начать имитировать стиль, перенимать систему образов... Тем не менее, Ясmine удалось найти свою лирическую интонацию, смягченную женским взглядом на мир, сохранив образность мышления. Ее стихи публиковались в различных республиканских альманахах, в московском журнале «НЛО», в газетах «Молодежь Азербайджана», «Мир Литературы» и т.д.

Несомненное достоинство музыки Ясмины в том, что она – «зеленый» человек, ей знаком и понятен язык деревьев, птиц, гроз и рассветов, картины природы у нее всегда зримы и одушевлены: «Трава на небо смотрит / Зрачками васильков». А вот о грозе: «Как будто Бог кувалдой / Грохочет в облаках». Занимается Ясмина и переводами из азербайджанских поэтов (ее основная профессия – турецкая филология), пишет она также рассказы и сценарии. Впереди у нее – как и у всех нас – постоянная работа над словом, которое должно быть союзником, точно передающим мысль и чувство поэта, ведь поэзия – это настолько сконцентрированная субстанция (даже по сравнению с единокровной прозой), что она попросту не оставляет возможности для смысловых и эмоциональных лакунов.

Задыхаясь от долгого бега,
Опускаю ладони на веки.
Не увижу в себе человека,
А увижу себя в человеке.
Ю.Гарбер

Поэзию Юлии Рагимовой (Гарбер) отличает серьезный вдумчивый взгляд на происходящее, как во внешнем мире, так и в границах ее собственной духовной Вселенной. Пишет с детства, но серьезный интерес к литературе, по ее собственным словам, проснулся в старших классах, благодаря стихам Цветаевой и педагогу русского языка и литературы, Ж.Сабанадзе. Биография Юлии – это наглядный пример попытки примирить поэзию с прозой: имея за плечами музыкальное образование, солидный багаж стихов и песен, сегодня она – успешный экономист, а в ее литературных планах на ближайшее будущее – большое и серьезное прозаическое произведение.

Юлия – тонкий и интеллектуальный автор, чутко прислушивающийся к себе и ко времени, за ее плечами – участие в республиканских конкурсах поэзии, публикации в «Литературном Азербайджане», а также в различных коллективных сборниках бакинских поэтов. Это как раз тот случай, когда под внешней сдержанностью таится неравнодушное сердце, которому понятна и «боль убитой человеком рыбы», и «рваное пятно» на холсте в душе художника. Вот с губ поэтессы срывается крик-мольба: «Да пребудешь со мною Ты!..», переходящий в покорное признание, что «о судьбе иной я не мечтала», и – наконец затаенная, но такая трепетная надежда на то, что когда-нибудь «по капле жаждающим полям / За ожиданье будет воздаваться». Хочется пожелать, чтобы поэтесса обязательно дождалась этого благодатного дождя человеческих и творческих удач.

Как увядший цветок в альбоме –
Фотография прошлых лет:
Все живут голоса в том доме,
И тот таинственный, бледный свет...
У.Ахундова

В 2005-2006 гг. в «Литературном Азербайджане» один за другим были опубликованы два романа («Кавказские дни» и «Парижские дни»), принадлежащие перу нашей знаменитой соотечественницы Банин (Умм-Эль Бану Асадуллаева). Написанные в оригинале на французском языке, они вышли в переводе тогда еще совсем юной Ульвии Ахундовой. Публикация вызвала живой интерес – немалая заслуга в этом принадлежит переводчику.

Дипломат по первому образованию и режиссер по второму, Ульвия сегодня – координатор так называемого «театра двух городов», элитарного театра «Ибрус» Рустама Ибрагимбекова, который представляет свои работы, как в Москве, так и в Баку. И порой Ульвия выходит и на сцену, наглядно демонстрируя истину о многогранности таланта. Снимает она и собственные короткометражки, принимает участие в организации ежегодного Кинофестиваля «Восток-Запад».

Театральная стихия вторгается и в ее стихи – когда читаешь их, на память приходят полотна Бенуа и Бакста, хрупкие от дыхания времени гобелены, за полупрозрачным занавесом былого мелькают тени в пышных платьях, герои забытых романсов, русалки и лесные феи, раздается чей-то колдовской смех и расцветают невиданные цветы... Ее стихи – своеобразные монологи в образе, которые отличает немаловажное достоинство: в них легко «дышится» от чистого, насыщенного озоном выразительности русского языка.

Препятствия нам ставятся судьбой,
Пройду их все, и в них себя познаю.
Когда-нибудь мы встретимся с тобой –
Но я пройду,
взгляну
и не узнаю...

Э.Дильбази

Эсли Дильбази не претендует на «билет» в первом ряду современной молодой поэзии, но у нее есть настоятельная потребность высказать именно стихами о том, что волнует ее сегодня. Любовная лирика – основной лейтмотив ее стихов, подчас незатейлива, но ее отличает искренняя взволнованная интонация. Это тот самый случай, когда на творческом и личностном становлении молодого автора так благотворно сказались бы литературная учеба у профессионалов, которые помогли бы ей преодолеть путь от любительства до серьезного стихотворчества.

Что ж, сотрутся в пыль воспоминанья
О тревогах прошлых страшных лет.

Остров ста несбывшихся желаний –
У меня другого в мире нет...
Г.Маммедли

То же пожелание ученичества и общения с мастерами можно отнести и к Гюнай Маммедли. Она увлекается бардовской песней – возможно, отсюда эта напевная интонация в ее стихах, их легко можно представить переложенными на музыку. В ее текстах встречаются интересные образы, вроде «Острова забвения», повествующего о том, что сегодня волнует всех нас, присутствует смелая попытка «потягаться со Временем», но пока что у молодого автора не хватает знакомства с современными поэтическими тенденциями, профессиональными технологиями, свободы владения, рифмой, метафорой и прочим поэтическим инструментарием.

Среди оставшегося за кулисами Конкурса поэтического материала также нет-нет мелькало – тенью по стеклу – нечто небезынтересное, вызывающее желание остановиться, присмотреться, прислушаться, попытаться соединить словесные лоскутки... Немало оказалось среди соискателей и так называемых авторов одного стихотворения – им бы сосредоточиться вглубь, а не растекаться мыслью вширь, но ведь куда приятнее с гордостью сообщать, что «я только в этом месяце написала уже 111 (или 222, или 333) стихотворения», ожидая в ответ бурных похвал – за что?.. За кипу исчерканных тетрадок и цистерну истраченных без толку чернил?.. Все это – результат той самой «беспризорности» молодого поколения, еще одно свидетельство того, как важно вовремя подсказать юному литератору название нужной книги, помочь «расшифровать» сложного автора, исправить погрешности вкуса, обратить внимание на выразительный образ, необычную рифму... В этом смысле показателен пример Грузии – здесь, насколько мне известно, поэтические «тяжеловесы» в лице Михаила Ляшенко, Владимира Саришвили, Людмилы Орагвелидзе и других энтузиастов ведут поистине подвижническую работу с молодыми авторами. Результат их усилий виден невооруженным глазом: «Листок АБГ», издаваемый молодежным поэтическим объединением «МолотОк», выгодно отличается от подавляющего большинства «самопальных» ксерокопий, выдаваемых за литературный продукт, серьезным подходом к опубликованным текстам, грамотной редактурой и отбором. Этому в немалой степени способствуют онлайн-тренинги и мастер-классы, которые проводят с членами литобъединения его руководители» («Знамя», №2, 2011). Здесь снова хочется вспомнить Международные фестивали поэзии, проводимые командой МКПС «Русский клуб» во главе с его идейным лидером Н.Н.Свентицким – на их площадках сходятся представители самых разных поэтических поколений, и как же благотворен такой вот творческий «энергообмен» для всех нас!.. И поистине «счастливый тот урок, где учеником – учитель» (Р.Казакова), ведь надо уметь учиться и у своих детей, в том числе – литературных...

Экология души – тема ничуть не менее болезненная для «планеты людей», чем экология мира материального. Наш внутренний мир сегодня подвергается чудовищным деформациям под нажимом той же безликой меха-

низированной силы, которая только прикидывается, что озабочена служением людям, а на деле подминает под себя все живое, отнимая у человека простые человеческие радости, отравляя Каспий и все остальные моря планеты, покрывая коррозийной коркой не только осязаемые предметы, но и человеческие души, лишая наших детей и внуков права ощутить себя полноценной частью удивительного мира, которым одарил нас Всевышний.

Когда-то я уже писала, что любой человек, проходящий все той же вечной дорогой земного бытия, не может не ощущать в себе присутствия того, что не всегда укладывается в рамки обыденных ощущений, того, что я для себя определяю, как «притяжение небес», присутствие в нас той самой тоски по высшему – Сознанию, Справедливости... На мой взгляд, вся настоящая поэзия (да и искусство в целом) вышла именно из этой неутоленной тоски и вся она – один прорыв, просека сквозь спутанную чащу земных времен в это – Высшее. И пока в жизни людей присутствует то самое, не поддающееся никаким замерам, притяжение, этот вечный зов, не позволяющий людям окончательно опуститься на четвереньки, для всех нас сохраняется хотя бы на два гроша надежды.

«Угаром дыша, вы наш воздух пронзили озоном!» – эти слова, которые Мансур Векилов адресовал своим современникам, можно с полным правом отнести к поэтам «всех времен и народов», ведь им свыше дан чудесный дар преобразовывать угар будней в хрустальный воздух Вечности.

Думается, та самая «возможность многоточья» – и есть главная составляющая нынешнего Конкурса. Очевидно, что не все из его участников останутся в профессиональной литературе, пройдя испытание временем, невостребованностью, прозой жизни, материальными и другими соблазнами, но, как показывает опыт, в жизни тех, кто все-таки сумеет справиться с этими «драконами», поэзия в той или иной форме пребудет всегда, помогая, утешая, возвышая над бедами, даря упоенные минуты по-настоящему взаимной любви. И пусть сегодня за повседневной суетой, за звоном монет, гудением навороченных машин, обезьяньей болтовней реклам так нелегко расслышать ту самую «музыку вечности», но она ни на миг не прекращает звучать, и ждет новых поэтов, которые смогут переложить эту музыку в прекрасные слова, обращенные не только к современникам, но и к тем, кто придет в мир после нас.

АЛИНА ТАЛЫБОВА

Куратор Конкурса по Азербайджану

Член Союза писателей и

Союза журналистов Азербайджана

Завотделом поэзии журнала «Литературный Азербайджан»

ЛЕЙЛА АГАЕВА

линованный лист из тетрадки маленького мальчика

Море. Мое. Море...

Я знаю, что у тебя,
может быть, тоже такое есть,
но все-таки не такое, как здесь.
И не так оно пахнет солью и тиной,
и совсем не так по нему паутиной
расходятся блики-лучи
утреннего солнца.
И ты не стучишь
ракушками по камням,
не валяешься день изо дня –
как я –
неделями на горячем,
прожигающем кожу песке.
Я зрячий. Я вижу барашков в воде.
Ты удивляешься...
Знаешь... В моем море, на самом дне,
видно крошечных
(если приглядеться)
рыбок.
Они плавают стайками
наперегонки,
удирая от рыбаков,
а те их пугают чайками,
чтобы был хороший улов.
А я, я просто люблю
на них любоваться...
А еще я люблю бежать
по берегу,
утопая ногами в песке,
разбрызгивая соленые капли
моего
единственного на Земле
Каспийского
моря.

затерявшаяся реальность

Спасибо незадернутым гардинам,
И гибким загорелым нашим спинам,
Молчанию испорченных часов
И карамельной солнечности снов.

Спасибо утру, притворившемуся ночью,
спасибо за возможность многоточья...
За безразличие к различию валют –
спасибо.
Всем призракам, хранящим наш уют –
спасибо.

За образы, старания и стразы,
за неумело пущенные фразы,
за недостаток кофе на двоих –
спасибо...
За невмешательство твоих родных –
спасибо...

Аркаде и мосту. Мастике.
Червонному тузу и черной пике.
Стареющим строкам и общим рифмам,
Кораллам, звездам, пене, скользким рифам...
Мгновениям в затертых негативах,
воспоминаниям в заброшенных квартирах,
случайности неразрешенной встречи,
накинутой пуловером на плечи...
Знакомым цифрам на экране телефона,
дождю и снегу по навесу у перрона
и стуку сердца в такт колес вагонных.

счастье в междометиях

...Ух, ты!..
Погляди, какие снежинки!..
Смотри – они пахнут нарциссами,
а на вкус - все равно, что твой шоколад.
Вот так снегопад!..
А давай пересечемся абсциссами,
в междусезонной системе координат?..

И тогда у нас будут вишни круглый год,
а вместо осенних забот – круговорот

новогодних подарков.
И дождь будет с запахом ели,
а весна разразится градом,
а еще, как мы с тобою хотели,
станем кружиться
под ягодным листопадом...

Давай поменяем законы
гравитации, динамики и риторики,
и давай заменим перроны
на какую-нибудь другую символику.
Давай разлучимся на годы,
а через месяц -
опять вместе.

И пусть все это
не укладывается у нас
(и ни у кого) в головах!..
Давай совершим что-нибудь
такое... такое... что – «Ах!..»

зарисовки

первая

Сорок секунд до счастья -
одна сороковая
часть
твоя – я.

вторая

Свет замерзает ванильным мороженым...
Мозг к середине ночи становится обезвоженным...
Я стараюсь отчаянно жить, как положено.

третья

Вокруг идет солнце и светит снег.
В одном аккуратно подстриженном доме
нет счастья. Нет боли. Ничего нет... Кроме
гребущих против течения времени
трех человек.

четвертая

Мой балкон, оплетенный виноградными
лозами... Сколько еще мы будем встречаться
по дозам, четко отмеренным знаками
Зодиака?..

будешь рядом?

Ты обещал,
Что в радости и в горе,
Будешь рядом.

Ты говорил:
«Печали мы разделим –
Буду рядом.

Когда вставать
Не сможешь ты с постели –
Буду рядом.

И в солнце,
И в мятежные метели –
Буду рядом».

А мне опять вопрос
Терзает душу:
Будешь –
Рядом?..

Когда рутина
Праздник наш нарушит,
Будешь?.. Рядом.

Когда цепляющая клеем паутина,
Покроет белые углы квартиры,
И будет нам мелькать
Скупым нарядом,
Будешь рядом?..

Когда случайные знакомые знакомых,
(Не стоящие и подметок новых,
На рынке купленных оранжевых
Ботинок),
Начнут звенящих сплетен поединок,
Заведуя по-наглому парадом,

Им чуждой жизни –
Скажи,
Ты будешь рядом?..

Когда зимой, под снегом и тоскою,
Я перекрашу дом в холодный цвет,
Комоды пылью вязаной покрою,
Когда наскучит завтрак и обед,
Когда уставшая приду с работы,
Когда достанут мелкие заботы,
Когда в истерике
на самом ровном месте...

Когда одна...
Ты обещаешь?..
Будем вместе?..
Будешь – рядом?..

размышления в метро

Когда цикличность перестает быть
чем-то невыносимым,
Равно как график работы, обезболивающее и рутина,
Когда книги нельзя подергать за корешок,
А только пометить online: в «stock»,
Когда каждый день – еще одна ошибка,
А за стенкой – все реже скрипка...

Мы давно попрощались.
И не возвращаемся.
Так страшно, но где-то я читала,
что в страхе – сила...
Ты обманываешь постоянно, а злость остыла.

Убеждаешься, наблюдая со стороны,
Не различая луны,
Своим затуманенным взором:
Невыносимо в толпе, стотысячным хором,
Но опять, по привычке –
Вслепую и до упора...

...К счастью еще существуют спички,
Свечи,
Чернильные ручки,
Неровные закорючки
Детского почерка...
Запах травы и все такое прочее,

Но когда проснешься в два-тридцать ночи,
И машинально пару мыслей отстрочишь...
Крик вырывается,
Тоскуя о правде.
- Я – где?!..
 Все – где?!..

ЛАЛА АЗИЗОВА

А ТЕБЯ ВСЕ НЕТ...

Наступает зимний вечер,
За окном снежинки блещут,
В ветре дерево трепещет –
А тебя все нет.

Вот и ночь прошла, светает.
За окном снежинки тают,
Птица на балкон слетает –
А тебя все нет.

Распускаются бутоны,
Отправляются вагоны,
Слышен шум аэродрома...
А тебя все нет.

Лето солнцем ослепило,
Жаркою волной накрыло,
Звездный вечер подарило –
А тебя все нет.

И снова мучает сомненье:
Сколько ж можно с нетерпеньем
Ждать, когда на самом деле
Некого мне ждать.

...А может, только показалось,
Будто ждать я собиралась,
Только так и не дождалась
Мнимого тебя.

УЛЬВИЯ АХУНДОВА

* * *

Как увядший цветок в альбоме,
Фотография прошлых лет.
Все живут голоса в том доме,
И таинственный, бледный свет.
Ты же – горечь моей улыбки,
Вечный мой беспричинный смех,
Помнишь в дымке туманной, зыбкой
Холод стен, перелесков мех?..
Помнишь гром, что ворчал сердито?
Дождь поил голубую даль...
Солнца летнего пламенный слиток
Весь растаял, уйдя в асфальт.

...Но опять, молодой и звонкий,
Мир вернул мне в мельканье лиц
Твой рассеянный взгляд ребенка
Из-под длинных светлых ресниц.

БЕЗ ТЕБЯ

Нет на небе звездочки... ни одной.
Ты ушел, наверное, за луной.
Не звонишь, не пишешь мне... Тишина.
И рассвет понурый встал у окна.
Мне твоё молчание, как беда.
Краткое? Случайное? Навсегда?
Может, все уляжется? Потерплю.
Может, мне лишь кажется, что люблю?
Может, ты лишь выдумка? Тень мечты?
Может, я проснусь сейчас...
Рядом – Ты!..

* * *

Рыжим пламенем осени,
Горькой дымкой костров,
Замутившейся просинью
Шла я, клича любовь.
Шла спросить тихим голосом:
«Ты ли – вещий мой сон?..»
Ветер рвет мои волосы,
С губ сухих рвется стон.

... Я дошла, и он ждал меня
В мгlistой роще, но вдруг –
Сквозь счастливое пенье птиц
Голос крикнул:
«Тебе не быть
Даже кошкою ласковой
у его белых рук...»

* * *

В зеленом свете волн
Мир кажется волшебным:
Прозрачный звездный смех,
Русалочья скала,
Над золотом волос
Взмах золоченым гребнем,
И в блеске чешуи
Речные зеркала.
От лодки мягкий след,
И лунная дорожка...
Вдруг смех и тихий всплеск
Вдоль темных берегов,
Туман глубок и сед,
У горного подножья
В огнях болотных – лес
Таинственных цветов.

* * *

Я капризная, вредная, глупая –
Не подарок, ты знаешь, совсем.
Мои мысли, как волосы, спутаны,
Катит следом вагончик проблем.

В бедном сердце твоём –
 снова паника
От моих непонятных обид,
Но одной, без тебя, мне совсем никак:
Мой талант – твой счастливый вид.
А других у меня и не водится.
Хоть хотелось бы мне уметь
И любить, и дарить –
 Но приходится
Про себя лишь тихонько петь.

ЭСЛИ ДИЛЬБАЗИ

Горькая правда иль сладкая ложь...
Что, современник мой, ты предпочтешь?
В наше бездарное глупое время
Разницы нет: лжешь ты или не лжешь.

Всем нам когда-то случалось солгать:
Кто-то товар хочет лучше «подать»,
Кто-то не хочет любимого ранить,
Кто-то совет, чтоб себя оправдать...

Ложь есть часть жизни твоей и моей.
С нею нам жить до конца наших дней.
А коль тебе чуждо искусство обмана –
Нет, значит, места тебе среди людей...

ПОЛОВИНА СКАЗКИ

В стране далекой, на краю надежды,
Где чувства перестали цвести давно,
И солнце появлялось реже, реже,
И даже небу было все равно –

Быть зимней ночью или летним утром,
И звездам было некому светить,
И жизнь была ненужным атрибутом,
И не хотелось с кем-то говорить...

В один прекрасный день все изменилось –
Извечной гостьей в мир вошла Любовь.
В тот день, когда она в него влюбилась,
Душа освободилась от оков.

Сердца забились и упали маски,
Зажглись светила, расцвели цветы!..
Но это только половина сказки,
А продолженье сам придумай ты...

Мы все твердим: «Как жизнь сложна!..»
Виним судьбу за все потери.
Но, может, в нас самих вина?
Мы сами «закрываем двери»:

Молчим – а хочется кричать,
Бездельничаем месяцами,
Предпочитая глупо ждать,
Когда мечты придут к нам сами.

Мы раним тех, кто любит нас,
Хорошего не понимаем...
А может быть, не жизнь сложна –
Ее мы сами усложняем?..

ПРИТЧА

Однажды на проселочной дороге
Голодный подаяния просил –
Не нужный никому старик убогий
Уже держался из последних сил.

Отчаянный, замерзший и голодный
Он еле брел, куда не зная сам.
Он ненавидел этот день холодный,
Но все еще молился небесам

Послать ему всего кусочек хлеба –
Вот все, что он хотел, о чем мечтал.
Он шел со взором, обращенным в небо,
И ничего вокруг не замечал.

Но вдруг старик о камешек споткнулся,
О бриллиант, прозрачный как вода.
Он подобрал его и усмехнулся:
«Ну, надо же, какая красота!..

Но это не съедобно, к сожаленью...»
Увы, бродяге не до красоты.
И мигом, без малейшего сомненья,
Он бросил в воду камешек мечты...

Да, нищему он вовсе и не нужен –
В брильянтах он не смыслит ни черта.
Ему мечты о лучшем в мире чужды,
Всего лишь сытым быть – его мечта.

...Как странно в жизни все-таки бывает:
Встречаются порою с лучшим те,
Кто в этом ничего не понимает,
И топят бриллиант легко в воде.

ЧТО ТАКОЕ ЛЮБОВЬ?

(Ответ Омару Хайяму)

*Я пришел к мудрецу и спросил у него:
«Что такое любовь?» Он сказал: «Ничего».
«Но, я знаю, написано множество книг:
«Вечность» - пишут одни, а другие: «Лишь миг».
То огнем опалит, то расплавит как снег...
Что такое любовь?» «Это все человек!»
И тогда я взглянул ему прямо в лицо:
«Как тебя мне понять? Ничего – или все?»
Он сказал улыбнувшись: «Ты сам дал ответ!
Ничего или все! Середины здесь нет!»*

- Ничего или все?

Да, нелегко вопрос...

Для кого-то любовь – это море из слез,
Для кого-то – луч света в прекрасных глазах,
Для кого-то – надежда, и вера, и страх.

Для кого-то привычкою стала любовь,
Для кого-то – набор обязательных слов,
Кто-то может урода за деньги любить,
Кто-то тело любому способен дарить.

Для кого-то любовь – дом, родное лицо,
Для кого-то – всего лишь на пальце кольцо,
Кто-то каждому знаку внимания рад,
Для кого-то – побед над другими парад.

Кто-то спит и мечтает любовь запретить,
Ну, а кто-то весь мир в себя хочет влюбить.
Кто-то любит за то лишь, что любят его...
Но для всех них любовь есть, увы, – НИЧЕГО.

Но есть те, для кого ВСЕ есть в жизни любовь,
И ее объяснить невозможно в словах,
Потому что не хватит во всем мире слов.
Лишь в немногих она проживает сердцах!..

ГЮНАЙ МАММЕДЛИ

ЗЕРКАЛЬНАЯ СТЕНА

Я не в силах нести это бремя,
Лет и чувств непосильную кладь.
Убивать в ожидании время,
Предаваясь надеждам опять.

Этот замкнутый круг бесконечен
В монотонном скрипенье пружин.
Где спасительный код засекречен
К миражу под названием «жизнь»?

Был ты до или после забвенья?
Или с первого дня бытия?..
Эти странные хитросплетенья
Вечно с толку сбивают меня.

И под глупую маску притворства
Мне не стоило прятать лица
И молчать о любви по-геройски...
Это было начало конца.

Но в своем роковом не-признании,
Как ни странно, тебя не виню.
Я услышала снова: «Желаю!»
Ну, а мне так хотелось: «Люблю»...

НУРАНА МАМЕДХАНЛЫ

ПИСЬМО К ОНЕГИНУ

С какой-то неизвестной болью,
С вопросами к самой судьбе –
И не хочу сказать «с любовью» –
Пишу, Онегин, я тебе.
Да, от чужого человека
Письмо из будущего века
Тебя, возможно, удивит,
Но вряд ли чувства пробудит –
Насмешку вызовет скорее,
К которой так привыкли мы

Средь ежедневной кутерьмы.
Но как бы ни было, тебе я
Не дам ни шанса, так сказать,
«Меня презреньем наказать».

Все кажется, тебя я знаю,
Хоть между нами – целый век.
Твои черты я вспоминаю –
Ты не чужой мне человек.
Слова твои мне ясно слышны,
Порой то весел, то грустишь ты –
Тоску, не знаю почему,
Ты не доверишь никому.
Твой взгляд надежду сохраняет,
В нем – словно целый тайный мир.
Ты – мной придуманный кумир,
Какой и в наши дни бывает.
Сердца способен в плен ты брать,
Но как – мне сложно разгадать...

Ответив резко так Татьяне,
Ты был совсем-совсем не прав!..
С надеждою на что-то тайной
Она, письмо тебе послав,
Смотрела грустными глазами
В окошко долгими ночами...
Она жила одним тобой –
В душе взлелеянной мечтой.
Приходит, не стучась, неожиданно
И правит мыслями любовь.
И выразить не хватит слов...
Всем сердцем отдалась Татьяна,
Любила искренне, но ты
Разбил девичьи те мечты.

...А ныне ты влюблен в Татьяну.
Любовь взаимна, только жаль...
Я никого корить не стану,
И в чем виновен генерал?
Евгений, думаю порою,
Так что же сделалось с тобою?..
Печальным дням тебя иль нет
Обрек любимый мой поэт?
Решил ты странствовать по свету.
Жаль, не дописан эпилог.
Здесь завершу свой монолог.
Тебе ж узнать осталось это –
Приговорил двадцатый век:
«Онегин – «лишний» человек».

ЯСМИНА МЕЛИКОВА

ДРЕВНИЙ МОСТ

*Посвящается Красному мосту,
расположенному на границе Азербайджана с Грузией*

В моих воспоминаньях древний мост
Встает над медленной рекой.
Вода тягучая старинный камень точит
И дремлет волнами в тиши прохладной ночи –
Так испокон веков...
А утром в старый мост вонзится острый лучик –
Посланец солнца.
Проснется все вокруг:
Деревья, шелестя зеленой кроной,
Петь станут песни и мечтать о чем-то...
Волшебный день!..
И солнца медный диск все озарит вокруг,
Всех одарив восторгом жизни:
И этот мудрый мост, и гладь реки прохладной,
Притихшую природу...
Стертый камень старинный спит устало –
Так испокон веков.

В ОЖИДАНИИ СУМЕРЕК

Сонных сумерек прилив
Затопил седые стены.
Меж домов висит фигура,
Как зажатая в тисках.

Тени мечутся в садах,
И тоска за мною рыщет.
Я запуталась, попалась –
Ни к чему надрыв слезливый.

Я протягиваю пальцы
В тишину, навстречу ночи.
Солнца красный батискаф –
Боком, тяжело, неловко –
Опускается на крышу.

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Серебряною пряжкой полумесяца
Закат подколлет красные холсты...
Моя голова кружилась от песен
Осыпающейся в лесу листвы.

Я последние дни отгуливала...
Били ливни. Пахло листвой.
Голова шалела от гула,
Опывали свечи стволов.

ВРОВЕНЬ С ГРОЗОЙ

...Гроза приходит с моря.
Страшась ее силков,
Трава на небо смотрит
Зрачками васильков.

И дрожью небывалой
Коверкает луга –
Как будто Бог кувалдой
Грохочет в облаках.

ЗАРИСОВКА

Не движется луна в весенней роздыми,
Напоминая шляпку от гвоздя.
Мои стихи птенцами желторотыми
Из сердца падают, как из гнезда.

Они взъерошены и нахальны...
Застыв, луна отражается в окнах.
Стихи пищат под вашими ногами.
Не убивайте птиц, стихи, животных...

ЗАУР МЕХТИЕВ

СВЕЧА

Свеча горела, голову склонив,
И свет ее одушевлял страницы.
Я засиделся за трудами Ницше,
Где в каждом слове созревает взрыв.

В мои виски ломились децибелы,
Я чувствовал, как провода искрят,
Как тучи плавит наверху закат
В печах огромной ангельской артели.

А где-то там, в моря срывались льды
И уходили, ожидая встречи
Со штормами. И таяли их плечи,
И оплывали, словно свечи, лбы.

Свеча сгорала. Тихо стыл закат,
К немой звезде тянулись ветра руки.
И застывали тучи, как асфальт,
Положенный в небесных переулках.

А в городах сочился свет витрин.
Блестела сталь внутри бетонной груди.
Закат в бессилье головой поник –
Здесь роль богов переходила к людям.

Свеча сгорела. Вспыхнул и погас
В последний раз огонь, как древний феникс.
Я кончил монолог из длинных фраз –
«Так говорил когда-то Зороастр...»
Сползли по стенам скрюченные тени.

ГОБУСТАН*

О, эти каменные губы,
Растрескавшиеся в веках!..
Здесь вечность возлежит, как Будда,
На пиках, рвущих облака.

И в ночь, во всем подобной прошлым
Ночам, сквозь этот лунный дым,

Впечатанная в камень лошадь
Навеки встала на дыбы!..

Ей гриву мял застывший ветер
И скалы приводил в восторг.
Она была навеки первой
Из первых стихотворных строк.

О каменные манускрипты!..
Вот здесь на землю он сошел –
Творец, векам создавший пристань
Осколком камня и душой!

** Гобустан – исторический заповедник, одно из древнейших первобытных поселений на территории Азербайджана, славится своими наскальными рисунками и причудливыми каменными формами.*

НОЧНОЕ СВИДАНИЕ

...Смотри, как ветер свистит снаружи,
сдергивая с деревьев последние ветхие
листья железной рукою ландскнехтовой,
привыкшей сжимать ледяное оружие...

...Смотри, сквозь занавес пробился лунный
луч, осторожно вокруг оглядываясь,
и нас заметив, исчез за оградой
иззябшего сада – сидеть на решетке,
с ледышками звезд замерзших балуясь.

Я чувствую, знаю, я вижу кожу,
как по темному небу,
наподобие кошек,
спешат облака, выгибая спины.
к Пелопонессу иль к Аппенинам.

Двенадцать – слиплись стрелки часов.
Полночь. Лишь вьюга гуляет по улице,
на стеклах рисуя воздушный узор
белую тушью из серебряной тушечницы;
секундная стрелка крадется, как кот –
незримо, неслышно – за невидимой мышью.
Передали по радио последний аккорд
и в голову лезут ненужные мысли.

И веки, как будто пудовые гири...

- Постой!.. Куда ты?...

Прошу тебя – очень!..

Но ты улыбнулась, нагая валькирия,
Устремляясь в разбитую ветром форточку.

МОСТЫ

Я завидую нынче бетонным мостам –
Как свободны они!..

Мне бы тоже хотелось

Так взлететь – пусть составы летят по костям
И колесами режут несчастное тело!..

Позвонки, словно шпалы, связуют скелет.
Вот – готова спина для любых эшелонов...
И я помню, как снег заметал в феврале,
И ветра залезали в охрипшее горло.

И я помню слова –

беспощадны, как нож –

Что развеяли сонмы наивных иллюзий:
Рассказала подробно мне, как он хорош,
Про грядущую свадьбу в румянном июле...

Ничего!.. Я осилю душевную стынь,
Но когда мне не будет на что опереться,
То я рухну, как делают это мосты,
Под собой погребая развалины сердца.

ОЩУЩЕНИЕ ОСЕНИ

Усиленно вспомнить стараясь
Последние реплики грома,
Бредет непогода босая
Под рукоплескания моря.

Сиреновой свежестью брызнув
Бетонкам в скуластые лица,
Она одевается в ризы
Из опадающих листьев.

Жуя облака и газеты,

Читает сводку про шторм
Свистящим шепотом ветер,
Невидимый, как суфлер.

Египет страстью солнца упоен.
Огонь, песок - вот два его начала!
Его земля, как женщина, зачала,
В глубокой тьме исчезнувших времен.

Он повергал врагов своих во прах,
Он покрывал себя всемирной славой,
И согревал могучую державу –
Бессметный Ра,
 плывущий на ладьях!..

Все так же горд, хотя прошли века,
Великий Сфинкс, смотрящий в никуда,
Где призраки судов и легионов,

Где небо, как литая бирюза.
Его черты пугают скорпионов...
И время – заглянуть ему в глаза!..

ПОРАЖЕНИЕ

Я не знал, что любовь такова:
Полыхает огнем и азартом.
Я, привыкший атаковать,
Как стрижи атакуют закаты,

Я ошибся в ней, как стратег
Допускает ошибку в сраженье...
Я не знал, что любовь – пистолет,
Что всегда в тоске по мишени.

И пускай потерпел я разгром,
Как от Цезаря галлы и готы.
Прокричу во весь горизонт:
- И плененье бывает почетным!..

ЮЛИЯ РАГИМОВА (ГАРБЕР)

* * *

Безмолвна я в надежде на восстанье...
Прости мне, Бог, промерзлую весну!..
Я падаю из забвения в сознание
И вижу сон о том, что просто сплю.

Держи меня, пожалуйста, –
здесь скользко...
Среди многих взглядов я теряю твой.
Я истекаю раскаленным воском,
Проигрывая этот бой.

* * *

Девять жизней
И все – на ветер!..
Не оглядываясь,
Не прощаясь.
В память о самом
первом снеге,
Уподобившись,
Посвящаясь.

Искупленная,
Иступленная,
На закате восходом
Воскресшая,
Силой новых небес
Окрыленная,
Вдохновенная,
Охмелевшая.

А ненужное
С легкостью – в Лету!..
С недоплатою
Ожидания.
Девять жизней
И все – на ветер!..
В день рождения
Понимания.

РЕКА

Я сознаю, как будет течь река,
Когда дожди еще не пролились на землю.
Уже заранее она мне дорога,
Что влаги поднебесной кротко внемлет.

Я сознаю преграды на пути
И боль убитой человеком рыбы,
И как при засухе придется нам уйти
И возвратиться, когда все погибнет.

Я сознаю и чувствую любовь
И ревность к ней двух берегов песчаных,
И слышу шепот самых нежных слов
Влюбленных на мостках ее дощатых...

Я сознаю, как будет течь река,
И знаю, где ее задушат скалы.
Я сознаю, как сознает она,
Что о судьбе иной я не мечтала.

Я подниму молитву к облакам
И в благодарность буду дожидаться,
Когда по капле жаждущим полям
За ожиданье будет воздаваться.

* * *

Разрывают слова на части,
Сушит сердце и взгляд молчание,
Я бегу за летящим счастьем,
Что ни слова мне – на прощанье.

Задыхаясь от долгого бега,
Опускаю ладони на веки.
Не увижу в себе человека,
А увижу себя в человеке.

Упаду на колени и взвою...
Пусть судьба не захочет слушать,
Я воздвигну себя стеною –
Той, что ей никогда не разрушить.

СОЛМАЗ СУЛЕЙМАНЛЫ

Музыка для души.
Музыка за окном.
Все говорят: «Ушиб» –
Я чувствую: перелом.

Время идет... идет...
Чувствую – быть беде.
Чувствую – не зарастет:
Кости уже не те.

Лечь в потолок лицом.
Лечь, чтоб уже не встать...
Ангел под потолком –
Как же Тебя назвать?!..

Слова не нахожу –
Клином не вышиб клин.
Снова одна лежу...
Ангел-хранитель... блин.

ДОЧЕРЬ ВОЛЧЬЯ

Безвестно, молча,
Не без увечья...
Я дочь волчья –
Не человекья.

Сгрызу любого,
Но братьям рада –
Ни мне чужого,
Ни им не надо.

Одна порода,
У нас в рассудке:
Всегда свобода
Важней желудка.

Луна и холод
Все раны лечат.
Нас вряд ли голод
Очеловечит.

Вонзаюсь молча
Когтями в землю
И взглядом волчьим
Всю жизнь объеблю.

Я умираю,
Глотнув отравы,
Не воет стая –
У ней нет права,

Они-то знают:
Тут брат за брата,
Все вам помянут
Мои волчата!..

Ты, человеке,
Гляди мне в очи
С оттенком желчи:
Я – дочь волчья!..

Если бы глаза имели ноги,
То они бы просто убежали,
Сразу без оглядки, торопливо,
И несчастий наших не видали.

Если бы глаза имели руки,
То они бы начали работать,
И они бы знали про запреты:
Беззащитных, маленьких не трогать!..

Если бы глаза имели уши,
То они б, наверное, оглохли,
До того страшны все эти брани,
Крики, взрывы, стук, стоны, вопли...

Если бы глаза имели зубы,
То они бы их не разжимали,
Чтобы не сболтнуть чего не надо
И не принести кому печали.

Если бы у них все было сразу:
Ноги, уши, зубы, как вначале,
То глаза бы начали молиться,
Чтоб у них все это отобрали,

Чтоб не согрешить и не обидеть,
Не подкинуть яблоко раздора...
А пока глаза умеют плакать,
Никогда не высохнут озера.

И пока глаза имеют зренье,
Видя эти муки и печали,
Просят нас они об одолженьи:
Чтобы их почаще закрывали.

В полусвете, в полумраке –
Далеко...
Кто-то в старом черном фраке.
У него

То ли рядом, близко-близко,
То ли где,
Мое сердце, как мониста
На руке.

В полудымке, в полупьянке
Надо спать,
Сердца нежного останки
Не собрать.

Надо свыкнуться, иначе –
Умереть,
В полу-крике, в полу-плаче
Замереть.

Кто-то в старом черном фраке
В тишине...
В полудымке, в полупьянке,
В полусне...

НЕЛЮБИМЫМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ

Нелюбимыми не рождаются,
Нелюбимыми быть не хочется.
Двери медленно закрываются,
Постепенно темно становится.

Не сбежать, не поднять истерику,
Не взреветь, не завывать по-звериному.
Нелюбимыми – как по берегу,
По песчаному, по пустынному.

Нелюбимыми – не под солнышком,
Не под знаменем непокорности.
Нелюбимыми – как по стеклышкам:
По осколкам разбитой гордости.

И тому, и другому, и третьему
Покажусь я непобедимой,
Но не смою с себя отметину,
Что сама живу – нелюбимой...

С тихим хрустом душа ломается.
Сердце молится... молится... молится...
Нелюбимыми не рождаются,
Нелюбимыми быть приходится.

Любовь, как лучик света,
Как осенью трава:
Жила-была и нету –
Мертва.

А время враг жестокий,
Я свыкнусь с тишиной:
Родной – другой – далекий –
Чужой.

Привычка – злая штука.
Теперь уж все равно:
Мечта – жена – подруга –
Никто.

Теперь уже не важно...
По венам – чирк! – стекло:
Прекрасно – больно – страшно –
Темно.

Помню: третье. Январь. Жду.
(Я тогда уже могла ждать.)
В этот день, и месяц, в этом году
Родила меня моя мать.

Потекли молочные дни:
Только радость, только добро.
Но минуло сорок дней, и...
И тогда я поняла, что

Сорок дней для малыша – срок,
Сорок дней я вижу весь свет,
Надо мной отцом стоит Бог...
А судьбы моей еще нет!..

И тогда, посреди февраля
Я истошный подняла крик,
Что не буду ждать и полдня,
Что судьбу мне надо –
в сей миг!

Бог старался вызвать мой смех
И смущенно обещал рай,
И к нему обращено вверх
Слово первое мое: «Дай!..»

Разбудила криком Восток,
И не смог он меня унять.
И сказал своим ангелам Бог:
«Надо срочно что-то менять!..»

И решил Он мою судьбу,
Без обиды и суеты,
Написать у меня на лбу:
И родился в этот день –
Ты.

Разбросана по разным городам,
По расписным и бархатным шкатулкам,
По никому неведомым сердцам,
По мрачным, безымянным переулкам,

Где все и вся известно наперед,
Где человек ненужная материя,
Где ангелы летают взад-вперед
Но не внушают должного доверия,

Где время манит, манит за собой
В глубины недосказанных историй,
Где жизнь бежит – но против часовой,
Под притяженьем ложных траекторий.

Которые стремятся обмануть,
И эта ложь никем не оспорима,
И вот уже вещей обычных суть,
Становится, как боль, невыносима.

И нет надежды ни на небеса,
Ни на инстинкты самосохраненья.
Со всех сторон – препятствий полоса,
И нет спасенья.

Темно-желтая гладь песка...
И тоска.
Я иду снова вкось и вширь
Сотни миль,
Рассыпая свою тоску
По песку.

И рисует за мною Бог
След от ног.
Прорастает в глуби песка
Та тоска,
Ветер тянет ее петель
Над землей...

И опять все вокруг в песке
И в тоске.

Я иду снова вкось и вширь
Сотни миль.
Рассыпаю свою тоску
По песку...
Я иду, но конца пути
Не найти –
Я ищу на земле пески
Без тоски.

САИДА СУБХИ

ВДОХНОВЕНИЕ

На небе молнию открыть
и звезды все в карман засыпать,
и сжать в кулак, и раскрошить,
и выжать свет из них и – выпить...

Глоток – и залпом, до краев!..
И раствориться в лунной лире,
в безумстве грез, в молчанье слов...
Летать одной в огромном мире.

Паденье ниц – таков полет
у звезд, у птиц и у поэтов.
Паденье ниц – и тут же взлет
сонат,
 полотен
 и сонетов.

АВГУСТ

Август – значит, скоро осень.
Блекнут иглы старых сосен,
пожелтевшая трава...
Станут ржавыми дорожки,
словно корка хлеба, крошкой
рассыпается листва.
Шелестит, шуршит, щекочет,
смятой стелется простынкой
под тяжелые ботинки
загорелая пора.

Август – рыжеватый берег –
между осенью и летом,
между музой и поэтом,
между былью и мечтой.
Август – вишни переспели,
значит, снова не успели,
доживая зной недельный,
насладиться тишиной.

Август – значит, скоро утро,
значит, неба перламутр
станет пурпуром горячим
и ошпарит небеса.
Упадет волною алой
на бесшумные вокзалы,
рестораны, тротуары...
На остывшие сердца.

В МИНОРЕ

Не спать.
 Молчать.
 Дышать.
Сдавило горло, пусть...
Не ждать – не обещать.
Не помнить наизусть.

В миноре, в полутьме
сойти со всех орбит,
не будучи нигде...
Пусть больше не болит.

И больше – ничего.
А дальше – пустота.
Мое небытие.
 Моя несуета.

На срезе, в глубине
забыться и забыть.
Уже не обо мне.

Не быть,
 не быть,
 не быть...

ПОДОБИЕ МОЛИТВЫ

Ты столько лет несешь меня в ладони...
Ты не сжимаешь, чтобы удержать,
а так несешь – как всадника в погоне,
несешь, как звон стекла в ночном вагоне,
как часть свою,
 как маленького – мать.

Я в млечном пузыре, я где-то в центре
одной из сфер, я, кажется, нигде...
Мы все глупцы, что смиренно ходим в церкви
искать Тебя в рисунке на кресте.
А Ты везде. А Ты – всегда везде...

Ведь это Ты учил меня любви,
любви, не поддающейся сравненью.
Сама с собой ведущая сраженью,
не побеждая даже отраженья,
стою с Тобой вплотную, визави.

И это рок, что вечно вопреки
Всему – я бьюсь и выживаю в теле...
Я не хочу сходить с Твоей руки:
неси меня младенцем в колыбели.
неси меня отчаяньем строки.

ТЫ СО МНОЙ

Ты со мной и в радости, и в грусти,
в мире, где сливаются стихии.
Я тебя читала наизусть,
как свои любимые стихи.

Я тебя искала, как обитель
ищет, кто лишен еды и крова.
За тебя на верную погибель
я лететь, бежать, ползти готова.

Я скрывалась в коконах, в берлогах,
как аскет-отшельник в мрачной келье.
И нередко – каюсь перед Богом –
у тебя искала я Спасенья.

Я корабль-призрак – ты мой берег.
Сквозь туман к тебе плыла я долго.
Я нашла тебя, в тебя поверив...
И любовь попрала чувство долга.

Ты со мной и в радости и в грусти,
в мире, где сливаются стихии.
Я тебя читаю наизусть,
как свои любимые стихи...

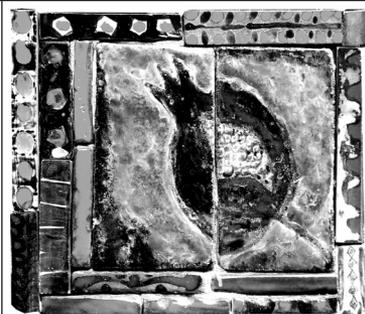
ЗА СПИНОЙ

За спиной истлевшее наследие –
ржавый крюк, припаянный к крылу.
Я бегу от гибели к бессмертию.
Я латаю черную дыру.

Вынимая что-то инородное
из души, бросаю в грязный бак.
Устремляюсь вдаль, за повороты я,
все быстрее ускоряя шаг.

Уходя в далекое, грядущее,
за собою руша миражи,
я скоблю отмершее, ненужное
со своей надтреснутой души.

За плечами два десятилетия,
За спиною скрючен поворот...
Ухожу от гибели к бессмертию.
В беспредельность. К истине. В полет.

ОДИН ВЗГЛЯД НА СИТУАЦИЮ С РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ В АРМЕНИИ

После распада Советского Союза роль русского языка в Армении заметно снизилась в силу объективных и субъективных причин, что не могло не отразиться на русскоязычной литературной жизни республики.

Пытаясь в двух словах охарактеризовать сложившуюся ситуацию, сошлюсь на высказывание одного маститого и широко известного ереванского литературоведа и критика: «В Армении уже нет профессиональных русскоязычных писателей и сегодня, по сути, русской литературы, как явления, не существует». Подобное заключение сделано им на основании того факта, что у нас практически не осталось профессиональных писателей, пишущих на русском. Есть критики, переводчики, редакторы и журналисты.

Не вдаваясь в полемику, скажу от себя: литераторы, пишущие по-русски на профессиональном уровне, у нас все же есть. И русскоязычный литературный процесс, как явление культуры, сегодня в Армении, по сути, еще длится.

Из известных мне молодых профессиональных писателей могу выделить двоих членов Союза писателей Армении. Это переводчик и прозаик Микаел Абаджянц, который в прошлом году переехал в Москву, и Елена Шуваева-Петросян, помимо профессиональной литературной деятельности, работающая в области публицистики и журналистики.

Мне трудно дать оценку, из-за отсутствия должной информации, того, как сегодня влияет на ситуацию существующая при Союзе писателей Армении секция русскоязычных писателей, в которой состоит около 30 человек. Их средний возраст близок к пенсионному, и многие уже не столь активно занимаются литературой.

В очень сложной обстановке оказался и пытается выжить единственный в республике литературно-художественный и общественно-политический орган

Союза писателей Армении – журнал «Литературная Армения», первый номер которого увидел свет в декабре 1958 года.

Цель журнала – пропаганда лучших образцов армянской литературы на русском языке и укрепление культурных связей между народами, сохранение духовных ценностей прошлого и настоящего. И если до распада Советского Союза тираж «ЛА» достигал десяти тысяч экземпляров, на него подписывались во всех уголках необъятной страны, и он регулярно поступал в розничную продажу, то с октября 1991 года, ввиду финансовых затруднений, журнал стал выходить раз в три месяца, а тираж уменьшился до 500 экз.

Переживая большие трудности, журнал продолжает выходить благодаря титаническим усилиям главного редактора, выдающегося поэта и переводчика, замечательного человека Альберта Мамиконовича Налбандяна и его небольшой редакционной коллегии.

Сложно предсказать будущее этого журнала, необходимого многим нашим русскоязычным соотечественникам, большинство которых проживает в России или в бывших советских республиках и для которых это издание – связующее звено с их корнями и культурой предков. (В Интернете «Литературную Армению» можно найти, набрав в строке браузера litarmenia.am.)

На этом фоне, возможно, несколько обнадеживающим может оказаться появление на свет неформальной организации «Объединение русскоязычных писателей Армении и диаспоры», руководящим органом которой стала зарегистрированная 30 сентября 2008 года в Минюсте некоммерческая организация «Фонд поддержки русскоязычных писателей». В его цели и задачи входит содействие сохранению и развитию русского языка и литературы в Армении, поддержка и пропаганда произведений русскоязычных писателей Армении и диаспоры, выявление новых русскоязычных писателей, поощрение молодого поколения в вопросе изучения русского языка и литературы, проведение культурных мероприятий с целью ознакомления общественности с творчеством русскоязычных писателей.

Для достижения поставленных целей избраны такие направления деятельности как: помощь в издании книг авторов – членов объединения; издание собственного альманаха с целью публикации произведений русскоязычных писателей Армении и диаспоры, а также наших друзей – русскоязычных писателей-современников, не зависимо от национальности и страны проживания; содействие сотрудничеству русскоязычных писателей всего мира.

Учредителями Фонда являются С.В. Петросян и И.В. Абгарян.

О деятельности Объединения

16 мая 2007 года в офисе информационного издательства REGNUM состоялось чествование писателя Вилена Манвеляна по поводу получения им «Русской премии». На встречу, кроме официальных лиц, пришли и писатели, публикующиеся в Интернете, благодаря которому и состоялось наше знакомство. В этот день впервые прозвучала идея создания организации для писателей, проживающих в Армении и пишущих на русском языке.

Вскоре идея вышла за пределы республики, поскольку мы, считая очень важной консолидацию творческих сил и иноязычных армян мира (в силу известных причин оторванных от родины), расширили географию и создали «Объединение русскоязычных писателей Армении и диаспоры». Несмотря на

короткую историю существования, количество его членов приближается к пятидесяти и объединяет в своих рядах писателей из 12 стран мира.

И, естественно, возникла идея иметь собственный журнал-альманах, который для авторов, проживающих в России, США, Канаде, Израиле, Украине, Польше, Грузии и других странах, стал бы еще одной связующей нитью с исторической родиной, а у читателя появилась бы возможность познакомиться с современными писателями – армянами, пишущими на русском языке.

Важной особенностью творческой концепции альманаха является то, что наряду с молодыми писателями – студентами, начинающими авторами, в нем готовы участвовать признанные мастера, лауреаты престижных литературных премий, члены Союза писателей Армении, России, Польши.

Рабочее название журнала-альманаха – «ДАР». Слово со многими значениями. Главное, конечно, – дар творчества. В армянской транслитерации «дар» означает «век». А, если взглянуть на название как на аббревиатуру, то его можно раскрыть и как «Дiasпора и Армения», и как «Дружба Армении и России».

Большинство представленных в Объединении армянских писателей хорошо знакомо русскоязычному читателю по изданным книгам и публикациям в местных газетах и журналах. Коротко представим их.

Ара Багдасарян – известный прозаик и журналист, бывший зам. редактора газеты «Урарту». Работает в газетах «Урарту», «Эфир». В 1984 году пьеса А. Багдасаряна (в соавторстве с Михаилом Акимовым) «Для тех, кому за тридцать» была поставлена в Ереванском камерном театре. В 1991-1992 гг. на страницах журнала «Химия и Жизнь» публиковались его фантастические рассказы.

Яна Джангирова – редактор, прозаик, член Союза журналистов РА. Работала ответственным секретарем газеты «Урарту», редактором журнала «За закрытой дверью». Автор свыше тысячи публикаций, как в Армении, так и за ее пределами. В 2011 году вышла ее книга афоризмов.

Хорошо известна в профессиональных литературных кругах поэтесса, переводчица, кандидат физико-математических наук Эринэ Бабаханян. Переводы ее прозы и поэзии публиковались в журналах «Литературная Армения», «Дружба Народов», «Wostok» (на нем. яз.), «Мировая литература» (на казахском яз.); в сборнике рассказов писателей Южного Кавказа «Время жить»; в альманахе «Писатели Южного Кавказа». Э.Бабаханян – автор переводов книг М.Гукасян «История одной жизни», Л.Арзуманян «Печали вопреки» (сборник новелл), Р.Амбарцумян «Гарегин Нжде (Краткая биография и жизнеописание)».

Известна в Армении и за ее пределами член СП Армении, прозаик и поэт, журналист Елена Шуваева-Петросян. Работает в газете «Новое Время» и журнале «Армянка». Дважды дипломант литературного конкурса им. Я. Корчака (Израиль, Иерусалим). Победитель литературного конкурса «Формула-НЛО», 2006 г. (Греция, Афины). Серебряный лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси – 2007» (Россия, Москва). В конкурсе «Золотое перо Руси – 2008» отмечена в специальной номинации Александра Гами «Русское в нас» за рассказ «Немного о русских». Автор трех книг стихов и прозы.

Микаел Абаджянц – прозаик, переводчик. Член Союза писателей Армении, член МСП «Новый Современник», член международного ПЕН-клуба. Редактор литературно-художественного журнала «Нор-дар». Автор сборника рассказов «Белая башня», удостоенного в 2004 году ежегодной премии имени Артака Амбарцумяна, и сборника рассказов «Портрет» (2009). Победитель в номина-

ции «Король прозы – 2009» на литпортале «Что хочет автор» (МСП «Новый современник»). Удостоен премии ПЕН-клуба (1999), лауреат множества сетевых премий. Переводился на иностранные языки.

Григорий Арутюнян – член Союза художников Армении, искусствовед. Автор десятков статей по искусству, семи книг – «Русская икона в Армении», «Русский портрет в частном собрании», «Вернисаж», «Авое, Тифлис!», «Страсти бравого эскулапа», «Антиквариум», «Отражение луны»; киносценариев «Антон Чехов» и «Холстомер» (в соавторстве с режиссером А. Роновым). Его новеллы опубликованы в сборнике «Песни о Тбилиси в прозе» (Тбилиси, 2010). По мотивам книги «Антиквариум» снят фильм «Страсти по Григорию», который на фестивале «Невский Благовестъ» осенью 2010 года в Санкт-Петербурге получил диплом «За воспевание евангелистского славословия».

Елена Асланян – прозаик. Автор многочисленных публикаций в журнале «Литературная Армения» и художественных сборниках в России, Беларуси и других странах.

Ашот Бегларян – прозаик, журналист. Член Союза писателей Армении, член Союза писателей НКР. Рассказы и очерки публиковались в литературных, общественно-политических изданиях и на интернет-сайтах. Автор сборников рассказов и повестей. Работал корреспондентом газет «Голос Армении», «Новое время», армянских информагентств ШАРК и «Арминфо», российского федерального агентства REGNUM, британского Института освещения войны и мира и др. Проживает в Степанакерте.

Тигран Хзмалян – кандидат филологических наук, поэт, режиссер, сценарист, автор девяти фильмов. Работал директором студии телефильмов «Ереван».

Маринэ Алэс – театровед, поэт, бард. Пишет на армянском и русском языках, автор пяти музыкальных дисков. Автор книги стихов и песен «Осколки» (2010).

Елена Асиян – член СП Армении, член СП НКР, автор шести сборников избранных стихов. Председатель общественной организации «Женщины Арцаха». Живет в Степанакерте.

Цовинар Багдасарян – поэт, переводчик, журналист, литературовед, кандидат филологических наук.

Гурген Баренц (Карапетян) – автор более тысячи публикаций и сборника стихов «Уроки дороги» (2010).

Карен Сейранян – поэт. Публиковался в «Литературной Армении», «Элитарной газете», «Эпохе», «Ставропольской правде». Работает в русскоязычной газете «Новое время».

Сергей Гукасян – историк, литератор. За очерк «Тайна полковника Икатурова» удостоен звания лауреата конкурса «Золотое перо Руси – 2007» в номинации «Очерк». Рассказ «Сага о БТР-е» удостоен диплома Дмитрия Саблина конкурса Национальная Литературная Премия «Золотое перо Руси – 2006».

Асмик Паланджян – архитектор, поэтесса. Автор иллюстраций к книгам для детей.

Григорий Тер-Азарян – поэт и прозаик, доктор технических наук, профессор. Пропагандист детской литературы, учредитель литературно-художественного фонда «ВСМ». Член президиума Международной ассоциации граждан искусств (Испания, Мадрид). Член Международного союза писателей «Новый современник». Диплом первой степени в номинации «Сказка» конкурса «Зо-

лотое перо Руси-2008».

Имена авторов нашего объединения, живущих в диаспоре, в основном, знакомы лишь узкому кругу читателей на родине.

Левон Кеш (Левон Айрапетян) – поэт, прозаик, кандидат технических наук. Живет в Канаде. Автор сборников стихов «Стеклянный мир» и «Черным по белому». Награжден дипломом международного фестиваля «Русская зима» (Монреаль, 1998 г.). Лауреат Всемирного литературно-поэтического конкурса «Надежды лира золотая» (Нью-Йорк, 2003 г.). Сотрудничает с канадскими газетами «Место Встречи – Монреаль», «Голос общины», «Монреаль-Торонто» и «Russian Canadian».

Сусанна Давидян – прозаик. Автор книги «Возвращение к себе». Печатается в русскоязычных газетах Монреаля и Торонто. Живет в Монреале.

Люцета Хзмаян – прозаик. Автор циклов рассказов «Канада в рассказах» и «Немного по Свету».

Гарегин Микаелян – поэт и прозаик. Пишет на русском и английском языках. Доктор физики, работает старшим научным сотрудником в научно-исследовательской компании Калифорнийского Университета. Живет в Лос-Анджелесе.

Сэм Крестовский (Самвел Хачатрян) – поэт и прозаик. Живет в Денвере (США).

Нателла Лалабекян – поэт. Автор книг стихов «Я создала твой образ» (1997), «От образа к облику» (2002). Третья книга Нателлы Лалабекян «Многоточие» (2008) посвящена памяти Риммы Казаковой. Член Союза писателей Москвы, почетный член Союза писателей Армении.

Мерче (Каринэ Арутюнова) – поэт, прозаик, художник. Публиковалась в израильских изданиях, в американском журнале «Отражение», а также в России. Автор книги «Пепел красной коровы». Проживает в Украине и Израиле.

Валерий Казанжанц – поэт. Проживает в Узбекистане.

Примечателен феномен писателя-прозаика, художника, народного мастера Армении, Эдуарда Диланяна, выехавшего в конце 90-х в Польшу, издавшего там на польском языке четыре книги и ставшего членом Союза писателей Польши.

Самая представительная группа среди диаспор – российская. В ее составе 13 человек, среди которых такие имена как: Наринэ Абгарян, Карен Агамирзов, Валерий Айрапетян, Валерий Айрян, Артем Акопов, Карина Аручан (Мусян), Сергей Арутюнов, Карен Арутюнянц, Павел Галачьянц (Галич), Ирина Горбачева, Рустам Карапетян, Крикор Мазлумян, Карен Тараян.

Хочется особо отметить наши связи с грузинскими друзьями и армянской диаспорой в Грузии. Несмотря на ее малое представительство в нашем Объединении (писатели Мартирос Морян и Артэм Григоренц (Киракозов), интенсивность непосредственных творческих контактов довольно высокая.

В 2010 году, в результате нашего творческого общения с Артэмом Григоренцем, воплотилась в жизнь идея сборника новелл «Песни о Тбилиси в прозе». В нем представлены восемь авторов, из которых двое – члены нашего объединения: Артэм Григоренц (он же автор проекта и составитель сборника) и Григорий Арутюнян. В книге представлены произведения Кору Церетели, Джованни Велхадзе, Эмиля Мартиросяна, Карена Абгарова, Тамаза Чумбуридзе, Баадура Чхатарашвили. Редактор – Камилла-Мариам Коринтели.

Сборник имел успех. Презентация состоялась в Союзе писателей Армении, где о нем с большой теплотой отозвался председатель Союза Левон Ананян.

Особо хочется отметить положительный отзыв об этом сборнике знатока, специалиста кино и литературы Михаила Николаевича Гижимкрели и ответную реакцию на его эссе – статью Эринэ Бабаханян.

Чтобы дополнить картину русскоязычной литературы в Армении, приведу имена писателей, не связанных своей деятельностью с Объединением русскоязычных писателей Армении и диаспоры. Хорошо знают в республике и за ее пределами имена таких известных русскоязычных писателей Армении старшего поколения, как Нелли Саакян, Седа Вермишева, Алла Тер-Акопян, Георгий Кубатьян, Эльда Грин, Яков Заргарян, Наталья Гончар, Татьяна Геворкян, Антонина Маари, Гоар Рштуни и других.

Из молодых литераторов можно отметить Мариам Петросян, автора нашумевшей книги «Дом в котором», прозаика Татьяну Мартиросян, журналиста, поэта и прозаика Рубена Пашиняна, прозаика Ованеса Азнавуряна, поэта Романа Шубина, прозаика Ара Недоляна, поэтессу и прозаика Изабеллу Абгарян, поэта Тео Джера (Тевос Нерсесян), прозаика и поэта Рубена Ишханяна, прозаика Лилит Петросян.

Мне, как председателю существующего, но, к сожалению, не действующего Фонда поддержки русскоязычных писателей Армении и диаспоры, хочется обратиться к российским организациям, деятельность которых направлена на поддержку и развитие русского языка за рубежом, с целью привлечь их внимание к сложившейся ситуации в нашей республике и реально поддержать все еще продолжающийся в русскоязычной среде литературный процесс.

Актуальность поднимаемой проблемы важна и для Армении, и для России.

СУРЕН ПЕТРОСЯН

*Куратор Конкурса по Армении
Учредитель и исполнительный директор
Фонда поддержки русскоязычных писателей
(Армении и диаспоры)*

АННА АКОПЯН

ВОЛЧЬЯ ДУША

Раненым зверем завывала душа,
Навзничь упала в объятия боли.
Воет, скулит и, еле дыша,
Рвется из тела на волю.

Волк, залижи свои раны.
Волк, не беги. Рано.
Волк, ты свободен. Но стоит
Жить одному с этой болью?

...Волк, посиди, отогрейся со мною
Горячей соленой девичьей слезою.
Волк, ты свободен. Но стоит
Жить одному с этой болью?

Раненым зверем завывала душа.
Волк убежал... И лишь память...
Крадусь я в ночи, не дыша.
И в небе луна так манит...

ШАКАЛЫ

Шакалов голодных стая.
Слюна стекает с клыков...
Готовы вмиг сорваться,
Разрывая цепи оков.

...Шакалов нельзя бояться.
Я им посмотрю в глаза.
Начну во весь голос смеяться.
Шакалов бояться нельзя.

Нельзя опускать мне руки.
Нельзя мне сдаваться им.
Они голодны со скуки,
Они голодны другим.

Шакалов голодных стая
Покорно лежит у ног.
Шакалы, теперь я с вами,
Отныне я – ваш Бог!

ПРИЗРАК
(Отрывок)

Понравилась больному сумасброду –
Он день и ночь о ней грустит.
Ни имени, ни племени, ни роду –
Лишь лента алая блестит.

И снова ночь накрыла город,
И он бежит к себе домой.
И пусть он молод, очень молод,
Он счастлив только с ней одной.

... Она садится тихо рядом
И сладким голосом поет,
о том, кто гонится за взглядом,
кого уныние гнетет.

Она оставила на память
Лишь ленту алую свою.
Возможно, это что-то значит,
А может – значит ерунду.

Я только знаю, что однажды
Он просто выдержать не смог.
Она ушла, вздохнул он тяжко.
И лишь качнулся потолок.

АРМИНА ГИЛОЯН

МОНАХ

На холм высокий ко Христу,
Путеводимый только Богом,
Лелея в сердце немоту,
Бредет монах, в обличье строгом.

Под жаром солнечных лучей,
Ступни о камни разбивая,
Несет он просьбы от людей,
Сквозь боль и стон к воротам Рая.

Сквозь пустошь каменных сердец
Несет в душе своей надежду,

Что распахнет врата Отец,
Оденет в чистую одежду.

И обратит лицо Свое
На зов и горести народа,
И разлетится воронье
Со зланных нив людского рода.

Да только совестно ему,
Предстать с прошеньем пред Богом –
Ни благодарность, ни хвалу
Он не узрел в сердцах убогих.

И так бредет монах один,
К Кресту ступая верным шагом,
И только Ангел-исполин
В пути нелегком вечно рядом...

Вошел Он чинно в Иерусалим.
Вошел Он чинно в Иерусалим,
И ветви пальм ложатся у дороги.
Толпа ликует! Плачет Он – Один...
Видать, «Осанны» возгласы убоги.

Ведь те сердца, что славили Христа,
«Распни, - вскричат, - как грозного злодея!»
И только Мать с друзьями у креста
Отвергнутого родиной еврея.

Вошел Он чинно в Иерусалим,
Но ждут Его распятие и гвозди.
Толпа ликует. Плачет Он – Один!
Душа свисает виноградной гроздью.

УЗРИТ ЛИШЬ БОГА ТОТ, КТО СЕРДЦЕМ ЧИСТ

*Моему любимому другу,
Олегу Штейнеру, посвящается*

Узрит лишь Бога тот, кто сердцем чист,
Кто перед Ним – душою на коленях,
Кто в смутных не теряется сомненьях.
Узрит лишь Бога тот, кто сердцем чист!

Узрит лишь Бога тот, кто в мыслях свят
И чьи уста не произносят скверну,
Кто не приемлет подлость и измену.
Узрит лишь Бога тот, кто в мыслях свят!

Узрит лишь Бога тот, кто сердцем рад,
Лишь тот, кого уныние не сгорбит,
Лишь тот, кто с честью переносит скорби.
Узрит лишь Бога тот, кто сердцем рад!

Узрит лишь Бога тот, кто возлюбил
Все то, что заповедовал Спаситель.
Кто для родных и Ангел, и Хранитель.
Узрит лишь Бога тот, кто возлюбил!

МОЛИТВА

Дмитрию Ахременко посвящается

Пред Иконой свечка тает,
Грустью я томим.
На меня в ночи взирает
Старец Серафим.

Помолюсь Святому Лику
Я в ночи глухой.
Он внимает сердца крику,
Воздаст с лихвой!

Помоги мне, добрый Старец,
К Господу приблизь.
Пусть по жизни я страдалец,
Ты мне улыбнись!

Дай душе моей прозренье,
Отведи беду,
Чтоб найти в любви везенье –
В нынешнем году!

Пред тобой в благоговенье
Сердца я стою,
О духовном обновленьи
С верою молю!
Пустите в душу Небеса...

Пустите в душу Небеса,
Чтоб Небеса впустили душу,
Чтоб вас ласкали чудеса,
Как океан ласкает сушу.

Пустите в душу Божий Лик,
Как отраженье в ясной глади,
Как солнца золотистый блик.
Пустите в душу, Бога ради!

Пустите в душу теплоту,
Любовь, и Веру, и Надежду.
Укройте сердца наготу
Смиренья чистою одеждой.

Пустите в душу яркий свет,
Оставив темень за порогом.
Пути иного просто нет,
Лишь сей, указан свыше Богом!

БЕЛЫЙ АНГЕЛ НА ЧЕРНОМ СНЕГУ

*«Твои идеи прекрасны!
Они заслуживают
аплодисментов и только».*
Ф.Н.

Белый Ангел на черном снегу
Плачет горько, взывая от боли,
Он один на пустом берегу,
Он один после сыгранной роли.

Он на сцене сценарий играл,
Что написан был Богом для мира,
Перед публикой пел и плясал,
И слезою стекала с глаз мирра.

Ему хлопали, «браво» крича,
И цветов подносили букеты,
А сейчас угасает свеча...
Человек! Образ Господа, где ты?

Лишь овации ты преподнес
В дар за сыгранный Божий сценарий,
Вслед за стуком житейских колес
Ты удрал от ненужных признаний.

А Актер свои крылья остриг,
На земле они тяжкое бремя.
Почернело все в сумрачный миг,
Помирать, видно, ангелам время...

ЧУДЕС ЛИ РАДИ...

Чудес ли ради верю в Бога?
Наживы ради ли молюсь?
Не мне, в грехах, роптать на Бога...

Как Сын, у Отчего порога
Раскаюсь в блуде и спасусь...

ПРИЧАСТИЕ

И пусть та Истина, что в Хлебе и Вине,
Которую Причастием считаем,
Всем возвестит в церковной тишине,
О Том, Кого ЛЮБОВЬЮ величаем!

РУБЕН ИШХАНИЯН

Из ЦИКЛА «НЕРВ»

Нервы – на грани срыва
Нервы – на грани срыва.
Боль чувствую всеми мышцами своего тела.
Шагаю вперед, прямо в пропасть.
Бог когда-то любил меня.
Видимо, просто устал.
На глазах слезы, как капли росы – не плачу.
Бегу, ноги мчатся вперед, я – ветер.
Счастье когда-то было впереди – не понял.
Бедя позади – не видел.
Жил, верил, любил, надеялся, плакал – был...
Горе нес на своих плечах.
Не верил...
Бог просто устал любить.
Без любви жизнь – пустое пространство.
Больше не могу.
Сил нет.
Изнемогаю.
Слабость.
Пропадаю, исчезаю, теряюсь...

Срываюсь...
Бью кулаками по стенам, желаю выколоть себе глаза...
Рву волосы на голове...
Упавшая, разбитая ваза...
Клочки бумаг, одежды, покрывало...
Кровь на ножницах...
Смерть ходит за мной по пятам...
Я не дамся ей легко...
Я не сдамся ей так легко...
Я не отдамся ей...
Жизнь бьется со смертью...
Прошное выходит наружу...
Будущее не так иллюзорно...
Я видел сон...
Теперь я знаю правду...
Глаза, уши, рот и все мое тело в крови...
Не дышу...
Погибаю...
Ухожу...
Пропадаю...
Жить не умею...
Но буду...
И нервы...

РАЗМЫТАЯ ПУСТОТА

Сижу возле камина...
Я абсолютно голый.
Никого не стесняюсь.
Никого не боюсь.
Поглаживаю ноги, вроде ласкаю
Мертвое тело...
Ничего его не греет...
Мрачно...
Суета сует...
Моя девушка спит...
Явно видит сны...
И ей беспокойно...
Будто сны о том, как
Волк грызет ягненка.
Так устроена жизнь.
Слабым тут нет места.
Как ее не крути...
Живу за пределами реального,
Дышу, как дышу – не дышу.
Сумрачно.

Сиж у камина.
Поглаживаю ноги, вроде ласкаю
Ложусь на пол, на мягкий ковер.
Взгляд: глаза смотрят на девушку...
Она спит,
Явно видит сны,
И ей беспокойно:
Волк грызет ягненка.
Вся жизнь позади – впереди.
И дышу, как всегда дышал – не дышал.
Иллюзия...
Аллюзия...
Пустое пространство...
Размытая пустота.
И я делаю шаг...
в пропасть.

ЧЕРНЫЙ ВОРОН

Черный ворон – у меня на плече.
Сидит.
Смотрит на меня, не кричит, не ругает, глядит.
Словно сквозь меня, не замечая меня, присматривается...
Белая голова, у него седая голова, у меня снег на голове.
Мой грех – первозданный.
Мое тело – нетронутое, девственное – мертво.
Ворон на моем плече сидит, смотрит, не кричит, глядит, молчит.
Я прижимаю его к себе, сила притяжения.
Голова в облаках, я – приземленный.
А он молчит, словно думает обо мне, о моей душе – первозданный грех.
Я больше не боюсь, мне не страшно.
На полу белый листок бумаги...
Исчерпанные слова.
Уныние.
Мой гость непрощеный сидит на плече, глядит, молчит, размышляет.
Лететь не желает, он похож на меня...
У кого оторваны крылья...
Я – птица, загнанная в клетку, на которую наброшен платок.
Я – птица, лишенная свободы, смирившаяся с судьбой.
Я – ворон, сидящий на моем плече, смотрящий на меня.
Я – глаза...
Чьи глаза?..
Не свои – не чужие: иные, другого, не такого...
Какого?
Переплетение мыслей...
Нерв...

Черный ворон на моем плече сидел, молчал, глядел...
А теперь улетел...
Лети мой друг, мчись...
Расскажи обо мне, о моей судьбе...
На полу чистый лист лежал, а теперь не лежит...
Все прошло...
Лишь остался след...

Из «ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ СТИХОВ»

СОНАТА ДЛЯ ВИОЛОНЧЕЛИ

Вечером сядешь у окна, прикроешь наготу виолончелью,
Тень падет на твое тело, и буду пробужден твоим обликом.
Был бы художником, попробовал воссоздать на холсте образ твой,
Только дара этого я лишен, а слова не могут запечатлеть увиденного.
Мне верится, что ты играешь намного лучше Жаклин дю Пре,
Тебе даже не нужен для этого инструмент Страдивари.
Уловив мои мысли, заглянув глубоко в душу, улыбнешься в ответ,
И жестко прикоснувшись смычком к струнам, забыв обо всем на свете,
Станешь играть для меня божественную музыку вечного единения.
Точно знаю, что любишь использовать при игре искусственные
флажолеты,
От этого меняется лишь тембр, но не ноты, суть остается прежней,
Но убедишь, что важно так выразиться, и мне придется поверить в это.
Ночью уйду бродить по пустым улицам, пробуя удержать твой запах,
Тишина и легкость заставят почувствовать под ногами землю,
но не сумею,
Ибо мелодия пробралась и застыла в памяти и там каждый раз
воспроизводится заново.
Чистый воздух и холод разлуки заставят обнять себя и,
прикоснувшись к плечу,
Вспомню о том, чего никогда между нами не было, да и не будет.
Но это позднее, а теперь сижу пред тобой и смеюсь громко в ответ,
Понимая, что между нами давно уже ничего лишнего нет и мы вместе.
Жду, когда последуют твоей игры нежные объятия,
и ты промолвишь слова...
Прошепчешь на ушко, что больше не будет опустошения.
Возьму руку, посмотрю на ладонь и увижу, что нет места мне
рядом с тобой...
Буду сильным, промолчу и попробую обмануть судьбу.

ЖЕНЩИНЫ...

Много в истории славных имен.
Ими весь мир до сих пор поражен.
Много их было – достойных мужчин,
Кладезь познаний, звания, чин...

В списках героев, прошедших года,
Не было женщин почти никогда...
Дамы в те годы так редко царили.
Лишь подчинялись, страдали, любили.

Но не гордитесь, мужья, вашей властью!
Мы одержимы всегда жаждой счастья.
Мы счастье творили руками мужчин.
Наши – победы. А ваш – только чин.

ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА

Смерть неизвестностью пугает,
Когда не знаешь, что нас ждет,
Душа бежит и забывает,
Что тело сильно отстает.

И угасающе-устало
Душе посмотрит тело вслед,
Ведь сил осталось слишком мало:
В конце тоннеля брезжит свет.

А может, жизнь и впрямь прекрасна
Лишь оттого, что коротка,
Что только времени подвластна.
И потому так дорога.

ГРУЗИНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП

«Вавилонское столпотворение в миниатюре» - так можно охарактеризовать современный литературный процесс в Грузии и, в частности, его русскоязычный «фронт», отличающийся завидной плодовитостью при крайней бедности на подлинные таланты.

Впрочем, бедность на таланты характерна не только для нашей эпохи – даже во времена пушкинского «золотого века» от пишущих отбою не было при том, что основная масса населения грамотой не владела. А кого запомнили? Все имена на слуху уже столетия и могут быть пересчитаны по пальцам, правда, не одной руки.

В Союзе писателей СССР, в эпоху всеобщей грамотности, состояло около 10 000 членов. (По данным оргкомитетов съездов СП состав СП СССР насчитывал от 1500 членов в 1934 г. до 9920 в 1989 г.). А кого запомнили? Не более двух-трех десятков подлинно одаренных жнецов на ниве литературы. Хотя есть замечательные «тесты проверки на подлинность дарования». Мне очень симпатична «скандинавская модель», механизм которой подразумевает спонсирование государством издания книг, которые затем поступают в национальные библиотеки. В зависимости от читательского спроса («в живом режиме» или по Интернету) компьютер составляет рейтинг востребованности и соответственно определяет размер материального вознаграждения писателя за его творческий труд (если проиллюстрировать эту систему упрощенно: заинтересовались твоей книгой 100 человек – получи 100 у.е., и далее, по возрастающему, или наоборот, спросу).

Но графомания, которой страдает не один десяток русскоязычных «литераторов» Грузии, - недуг тяжелый. На справедливую критику «пациенты» обычно реагируют дерзким взглядом, устремленным куда-то в простран-

ство, и во взгляде том читается: «Мели, Емеля, твоя неделя. А я – гений, мне об этом жена сказала». И если ввести в Грузии «скандинавскую модель», и книги пустобрехов не будут востребованы независимой читательской средой, это ни в коем случае не поколеблет их завидную уверенность в себе и цветущее самодовольство собственными достижениями. И Юлий Ким для них не авторитет, который, при всей его доброжелательности, назвал одну из встреч с несостоявшимися «нобелевскими лауреатами» «апофеозом графомании». И Борис Херсонский, который не сказал ни слова, но слушал, в ужасе обхватив голову руками, тоже «ничего не понимает». Да и я, грешный, когда предложил, будучи куратором конкурса молодых русскоязычных литераторов Грузии, о котором речь впереди, подправить некоторым авторам орфографию и пунктуацию, получил в ответ истошно: «Нет! Все это продиктовано из космоса!» Что ж, ничего не оставалось, кроме как посоветовать незадачливым конкурсантам отправиться в космос и получать премии там. С учебником по русскому правописанию и падежным связям. В помощь инопланетному юри.

Однако есть критерий профессионализма попроще «скандинавской модели». Печатают тебя за пределами твоего «птичьего двора», и не за твой счет? Присылают тебе заказы и предложения солидные местные и зарубежные издания и издательства? Если да, ты – писатель, спору нет. И имеешь полное право на грант уже по «австрийской системе», когда одаренные прозаики, поэты и драматурги (не обремененные космическими переговорами) освобождаются на два-три года от других забот и спокойно включаются в творческий процесс по созданию художественных произведений.

Весьма привлекательной выглядит и инициатива Союза писателей «Бассейна трех морей» - Черного, Эгейского и Средиземного, расположенного на острове Родос. В его головном офисе имеются «гостевые комнаты», предназначенные для приглашенных из разных стран писателей, которые ограничены лишь одним условием – создать произведение, посвященное истории, культуре или сегодняшнему дню Греции, при свободном выборе жанра.

Эту инициативу позаимствовал у греческих коллег и Союз писателей Грузии, который в 2012 году возвращается в отремонтированный старинный особняк в исторической части Тбилиси – Сололаки. В особняке оборудованы «гостевые комнаты» для «наследников» Анны Антоновской, создательницы замечательного эпоса «Великий моурави» - о Грузии эпохи Георгия Саакадзе (XVI-XVII вв.), выдающегося полководца и борца за объединение страны.

Двери для проведения юбилейных и литературно-музыкальных вечеров будут открыты и представителям альтернативных литературных объединений грузинских, армянских, азербайджанских, а также всех, независимо от национальной принадлежности, пишущих по-русски литераторов. Координационным центром этого творческого процесса станет Международный отдел Союза писателей Грузии.

Да и в целом стиль и методы работы главного писательского цеха Грузии перейдут на новые рельсы. Как рассказала в одной из записанных автором этих строк бесед председатель Союза писателей Грузии Маквала Го-

нашвили, «несколько лет назад приватизационные аппетиты Министерства экономики Грузии добрались до особняка, завещанного в вечное пользование грузинским писателям. Католикос-Патриарх всея Грузии Илии II предложил писателям-изгнанникам кров Патриархии «до восстановления справедливости». Позади годы судов, скоро у нас новоселье, но и до сих пор мы пользуемся для своих профессиональных собраний, встреч с коллегами из-за рубежа гостеприимством Предстоятеля Грузинской Православной Церкви и в Центре духовного и интеллектуального развития молодежи при кафедральном соборе Самеба (Пресвятой Троицы) каждую среду проводим программные мероприятия. Непреклонность грузинских литераторов и настойчивость международной общественности, возмущенной подобным отношением к словесности – совести нации, принесли свои плоды. Постепенно удалось установить контакт с тбилисской мэрией и получить от столичного муниципалитета действенную поддержку. А вскоре произошла чудесная метаморфоза, и 7 мая 2010 года власти решили вернуть в лоно словесности Грузии особняк Союза писателей. К слову, идея празднования международного Дня поэзии родилась в Грузии. Ее предложил Галактион Табидзе, назвал дату – 7 мая и написал текст гимна, положенный на музыку Дмитрием Аракишвили. К сожалению, это произведение затерялось в вихре лихолетья – шел 1921-й год, но мы надеемся найти его в архивах». (Ныне Всемирный День поэзии, учрежденный ЮНЕСКО в 1999 г., отмечают ежегодно 21 марта – В.С.)

Таким хеппи-эндом завершилось это противостояние. А в довершение ко всему, президент Грузии Михаил Саакашвили заверил, что сразу после окончания ремонта здание будет передано в пользование писателям, и подписал соответствующее распоряжение.

- Мы надеемся, вернувшись к родным пенатам, начать работу в новом ключе – не «кабинетного сидения» в старорежимном духе, а в мобильном формате работы над проектами. В первую очередь это проект по созданию «Золотого фонда» материалов о грузинских и живущих в Грузии писателях. Мы не хотим повторять драматических недосмотров предыдущих поколений – ведь по сей день все, причастные к грузинской культуре, сокрушаются, что не сохранилось ни одного портрета гениального Николоза Бараташвили, - рассказывает Маквала Гонашвили. - Мэрия обеспечила нас техникой для создания фотоархива и документальных видеоматериалов о наших писателях, и работа над пополнением этого фонда уже идет – материалы о писателях накапливаются в алфавитном порядке. Фильмы займут от 5 минут до нескольких часов, в зависимости от наличия сохранившихся фрагментов. А еще у нас будет возможность осуществить мечту Пиросмани, который незадолго до кончины говорил: «Хорошо бы иногда нам, художникам, писателям и музыкантам, собираться и говорить об искусстве. Поставим самовар, будем пить чай и делиться сокровенным». Для таких встреч мы определим соответствующее помещение. Отдельно будет функционировать и литературное кафе, где мы надеемся воссоздать атмосферу старых тбилисских литературных встреч и посиделок.

В обновленном здании расположится и «Театр голосов», где на литера-

турных вечерах оживут старинные пленки с аудиозаписями Акакия Церетели, Галактиона Табидзе; на эти встречи мы намереваемся приглашать профессиональных актеров, декламаторов для исполнения поэтических произведений. В писательском особняке будут выделены комнаты для встреч и творческой деятельности молодых поэтов и прозаиков; обустраивается сад для проведения литературных вечеров под открытым небом... Отдельно три комнаты мы предоставим в распоряжение гостей, чтобы приезжающие в творческие командировки зарубежные литераторы могли работать над произведениями на грузинскую тематику или переводами грузинской поэзии на родные языки. Уже в действии еще один совместный проект мэрии и Союза писателей – «Библиотека на колесах», призванный сблизить писателей и читателей. В эпоху кризиса интереса к книге это начинание выглядит как нельзя более актуальным – мы уже побывали в детских домах, в доме для престарелых... В Доме-музее Николоза Бараташвили прошел вечер авторской песни и поэзии членов Ассоциации русскоязычных литераторов и деятелей культуры «Новый современник», на который были приглашены юные актеры из Театра-студии «Золотое крыльцо» при Тбилисском государственном драматическом театре им. А.С. Грибоедова. А следующий наш маршрут пролегал в колонию для заключенных женщин с целью оказать моральную и духовную поддержку оступившимся, вселить в них веру, что общество надеется на их возвращение свободными не только от тюрьмы, но и от тяжелого груза прошлого. Отрадно, что Союз писателей Грузии, преодолев самые трудные годы в своей 80-летней истории, вступает в новый, плодотворный этап деятельности исполненным столь интересными и уже осуществляемыми замыслами. И вдвойне отрадно, что власти приняли, наконец, решение помочь грузинским литераторам, ибо мировой опыт подсказывает – без поддержки государства подлинное искусство обречено на унижительное прозябание.

Ну, а из последних крупных начинаний Союза писателей Грузии можно выделить событие, по духу и букве родственное проводимому в Тбилиси Закавказскому конкурсу молодых русскоязычных авторов, - это конкурс молодых (до 30 лет) поэтов Закавказья, пишущих на родных языках, проведенный в честь 150-летия великого Важа Пшавела при поддержке тбилисской мэрии. По итогам конкурса был выпущен поэтический сборник «Молодые поэты Закавказья», а главные награды разделили Алик Али-оглы и Гисмат из Азербайджана, Ника Черкезишвили и Бека Ахалая из Грузии и – единолично – Ашот Габриелян из Армении. Еще 10 авторов из трех стран получили поощрительные премии. Примечательно, что из каждой страны заявки на участие в тбилисском конкурсе подали более ста (!) поэтов.

А теперь обратимся к главному предмету нашего обзора – панораме русскоязычной литературной жизни Тбилиси начала III тысячелетия. Как ни удивительно, но, с учетом массовой миграции населения в поисках лучшей жизни (а значительную часть мигрантов составили именно русскоязычные граждане), поток русскоязычной литературы не иссяк и даже обогатился новыми именами и изданиями. Как замечает в разделе «Грузия» автор справочника «Русская литература сегодня: Зарубежье», главный редактор жур-

нала «Знамя» Сергей Чупринин, «организаций, представляющих русскую культуру в Грузии, превеликое множество». Назовем среди них Ассоциацию русскоязычных литераторов и деятелей культуры Грузии «Новый современник» (президент Владимир Саришвили) и «Молодежное Объединение Литераторов, Обитающих в Тбилиси о.кей – МОЛОТ. О.К.» (руководители Михаил Ляшенко и Анна Шахназарова). Отметим также активную деятельность Пушкинского общества Грузии «Арион» (руководитель Айдинов Михаил Юрьевич, который, несмотря на столь высоколитературное совпадение имени-отчества, стихов и прозы, по правде говоря, не писал и не пишет).

Но самыми богатыми возможностями располагает, умело и с пользой осваивая их, активно действующий в направлении поддержки русскоязычной литературы, просвещения и искусства в Грузии Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» во главе с его основателем и президентом Николаем Свентицким. Этой общественной организации удалось найти спонсорскую поддержку и воплотить в жизнь казавшийся многим нереальным в нынешних условиях проект – провести уже пять (!) Международных русско-грузинских поэтических фестивалей, в которых принимали участие известные грузинские и русские поэты из более 50-ти стран мира (Венгрия, Греция, Израиль, Италия, Литва, США, Канада, Финляндия, Франция, Швеция, Россия и почти все страны постсоветского пространства, представители государств из далеких Африки и Латинской Америки...). По материалам фестиваля издаются сборники стихотворений его участников. На страницах распространяемого во многих странах общественно-художественного журнала «Русский клуб» (главный редактор Александр Сватиков) часто публикуются подборки лирики лучших русскоязычных поэтов Грузии.

Для полноты картины приведем обзор последнего по времени русско-грузинского поэтического фестиваля, состоявшегося в июне 2011 года. (Заинтересованные читатели могут ознакомиться с разнообразными материалами, посвященными фестивалю, прочитать интервью с его участниками на сайте журнала «Русский клуб» www.rcmagazine.ge).

«Поэты – всегда миротворцы эпохи, вот только б эпохи прислушались к ним»

С 6 по 15 июня 2011 г. по маршруту Батуми-Поти-Цкалтуго-Мцхета-Тбилиси, с заездами в Поти и Рустави, прошел V Международный русско-грузинский поэтический фестиваль «Сны о Грузии». Его название – заимствованная строка из стихотворения недавно покинувшей бренный мир Беллы Ахмадулиной – большого друга «родного края красоты», как называл нашу страну плененный образом колхидской волшебницы Медеи Джордж Байрон.

По драгоценной традиции участников фестиваля приветствовали главы Грузинской и Русской Православных Церквей – Католикос-Патриарх Всея Грузии, архиепископ Мцхетский и Тбилисский, митрополит Пицундский и Сухумо-Абхазский Илия II и Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл.

Участников на этот фестиваль собралось рекордное количество – более 70 поэтов, переводчиков, редакторов, издателей и журналистов из 32 стран мира. Их принимали ведущие грузинские поэты и переводчики.

Организаторами фестиваля выступили, как всегда, МКПС «Русский клуб» (президент Николай Свентицкий) и Международная федерация русскоязычных писателей (президент Олег Воловик).

Немало перспективных творческих проектов обсуждалось во время состоявшихся в рамках фестиваля семинаров, круглых столов, презентаций и в редкие часы досуга. Фестивальные дни, по общему мнению, не только способствовали положительному имиджу Грузии как страны с древней культурой и историческими литературными традициями, но и установлению тесных контактов грузинских литераторов с их зарубежными коллегами.

Торжественное открытие фестиваля состоялось 7 июня в Батумском государственном драматическом театре имени И.Чавчавадзе. Открывая форум, заслуженный деятель искусств России Н.Свентицкий откровенно признался, что в 2007 году организаторы вовсе не были уверены в том, что через пять лет он будет праздновать первый, пусть небольшой, но все-таки юбилей и что все эти годы он будет творчески обогащаться и набирать международный авторитет. Гостями фестиваля за эти годы стали более 500 поэтов из 50 стран, и это уже – та юбилейная статистика, которую скромной никак не назовешь. Русско-грузинский поэтический фестиваль обрел достойное место в международном литературном процессе, привнес свою лепту в творческий диалог между русскими и грузинскими литераторами. Фестиваль сыграл значительную роль в процессе восстановления культуры перевода, и переводы грузинских поэтов на страницах «толстых» журналов других стран появляются все чаще.

Маквала Гонашвили и ее московская подруга Елена Иванова-Верховская вспомнили о взаимных поэтических посвящениях, строки одного из которых тонко и точно передают атмосферу фестивалей:

Ах, Грузия, люблю тебя за это,
За трижды позабытое «вчера»,
За то, что улыбается Маквала...
Не глядя, принимала нас Кура,
Когда Москва, не глядя, отпускала...

Метафоричным получилось выступление Маквалы Гонашвили, уроженки городка Дедоплис Цкаро, который расположен в Кахетии, слывшей некогда «Южной Сибирью», потому что там, в Нижегородском драгунском полку, служили ссыльные декабристы – Одоевский, Якубович, Бестужев... Там Лермонтов писал своего «Демона», а в гости к брату Льву заезжал Пушкин. Посланица этой намоленной русским литературным духом земли, М.Гонашвили рассказала о том, что по дороге на открытие фестиваля прошла мимо стайки голубей, в генах которых не заложено страха перед человеком, и они не улетают при его приближении. Так же в генах истинных поэтов не заложено страха, подозрительности, тайной злобы. Вот почему мы

встречаемся с чистым сердцем и светлыми помыслами, направленными на творческое созидание.

В унисон коллеге по грузинскому писательскому цеху выступили Белла Кебурия и Давид Тедорадзе, жители черноморского красавца-Батуми, бывшего и остающегося светлым источником вдохновения для русских мастеров художественного слова – ведь здесь творили и писали об этом городе Есенин и Пастернак, Булгаков и Катаев, Ахмадулина и Гандлевский...

О любви к Грузии, неразрывности нашего культурного и литературного пространства говорили «русский сын земли литовской» Юрий Кобрин, готовая «пешком одолеть путь из Молдовы в Грузию» Олеся Рудягина, лауреат Русской премии-2011, одессит Борис Херсонский, щедро наделенный регалиями и обласканный популярностью их киевский земляк Александр Кабанов...

В этот гармоничный строй вливались, обогащая полифонию, голоса гостей из далекой Средней Азии – поэта и философа Евгения Абдуллаева и эксцентричного автора и заядлого путешественника из Казахстана Павла Банникова, ленинградца/парижанина/пражанина Александра Радашкевича с его врезавшейся в память строкой «Свети, Светицховели!», выпускника Тбилисского театрального института, ныне осевшего во Франции Юрия Юрченко, глубокого знатока и мастера, автора знаковых «Записок о Петербурге», ныне проживающей в Иерусалиме Елены Игнатовой... А слова представлявшего на фестивале Россию узбека Вадима Муратханова оказались близки для многих участников как по роду их деятельности, так и по духу: «Авторы, пишущие на русском, но при этом ощущающие тесную связь с родной культурой, способны сегодня служить медиумами между Западом и Востоком».

Знакомство батумских любителей поэзии с участниками фестиваля продолжалось два дня, и пришедший 8 июня на смену Николаю Свентицкому ведущий Олег Воловик, подобно своему предшественнику, находил сколь лаконичные, столь и красочные формы представления выступавших. «Баку» означает «удар ветра». Может быть, отчасти поэтому в стихах нашей гостьи так часто слышится веянье свежего ветра», - представил О.Воловик Алину Талыбову из Азербайджана. «Легенды гласят, что имя городу «Ереван» дало восклицание «Еревац!» - «Она появилась!» - так приветствовал Ной показавшуюся из воды вершину Малого Арарата», - это символическое напутствие ведущего предшествовало появлению на сцене Каринэ Халатовой из Армении.

Сменяя друг друга, выходили на сцену со своими поэтическими «визитными карточками» россияне Елена Исаева, Дмитрий Кузьмин, Елена Фанайлова, Александр Герасимов, Заур Квижинадзе, посланница Эстонии и «невестка Грузии» Елена Скульская, «европейцы» Арсений Ровинский, Анастасия Векшина, супруги Равиль Бухараев и Лидия Григорьева, Вальдемар Вебер, Манана Менабде, Злата Коцич, Татьяна Перцева... Всех, понятно, не перечислить. (К великому горю, в январе мы получили скорбную весть, что выдающийся поэт, переводчик, публицист, наш добрый друг Равиль Бухараев скоропостижно скончался в Лондоне. Вечная память...)

Особо щедрыми аплодисментами наградили зрители посланницу Беларуси – Валентину Поликанину, строка из стихотворения которой – «За четырнадцать дней до войны» - стала названием сборника по итогам III фестиваля, завершившегося накануне августовской войны 2008 г. и ставшего общим ответом поэтов на беду.

Подлинное литературное созвездие V русско-грузинского поэтического фестиваля составили легендарные Евгений Рейн, Юрий Ряшенцев, Юлий Ким, Алексей Цветков, Бахыт Кенжеев – властители дум не одного поколения.

Программа фестиваля шла своим чередом и плавно переместилась в конференц-зал «Бетлеми» обновленной гостиницы «Интурист», где проживали участники фестиваля. И вновь бразды правления взял в руки Олег Воловик, пригласивший участников на встречу-презентацию «МФРП – вчера, сегодня, завтра. К пятилетию Международной федерации русскоязычных писателей». О.Воловик рассказал, что с самого начала одним из главных пунктов устава МФРП стала независимость от официальной России и от любого рода политических веяний. Была выстроена надгосударственная общественная структура, связанная с постсоветским пространством только русским языком и общими литературно-культурными достижениями. Президент МФРП привел также любопытную статистику: «Представительства нашей организации существуют уже в 58 странах, на 5 континентах. Организаций-учредителей у нас 6 – в Великобритании, Венгрии, Грузии, Израиле, Литве, России. Индивидуальных членов около 700. По сравнению с Союзом писателей СССР это немного, но по нынешним временам – вполне достаточно. К тому же мы ведем прием не по принципу личной преданности или идеологической близости. Имеет значение только наличие дарования». О. Воловик вручил ордена «Культурное наследие» главному редактору журнала «Знамя» С.Чупринину, поэту, переводчику Ю.Ряшенцеву, поэту М.Гонашвили. Медали за сохранение русского языка и развитие межнациональных культурных связей была удостоена Т.Перцева. Награды «Мастер словесности» были присуждены поэту, переводчику, журналисту В.Саришвили (Грузия) и литератору, издателю М.Ляшенко (Грузия). Секретарь СП Москвы Александр Герасимов вручил президенту МФРП благодарственную грамоту от своей организации «За выдающийся вклад в дело сохранения и продвижения русского языка».

На следующий день участники фестиваля отправились в крупный портовый город Грузии Поти, на встречу с общественностью. Как отметил ведущий этого вечера, профессор Заза Абзианидзе, к выступлениям гостей проявили живой интерес как сами потийцы, так и местные телекомпании и печатные издания. Все это свидетельствует о том, что по всей Грузии ностальгируют по общению с дорогими сердцу русскими и русскоязычными литераторами и деятелями культуры. Те же слова в полной мере относятся и к поэтическому вечеру в Рустави, состоявшемуся спустя два дня.

Фестиваль был насыщен профессиональным общением. Главный редактор журнала «Знамя» Сергей Чупринин провел круглый стол на тему «Поэзия прежде всего?» Вечер-семинар Юрия Ряшенцева стал творческим бе-

нефисом поэта, прозаика, киносценариста, мастера мюзикла. Немало тем затронули на этом памятном вечере его участники. И одной из главных были, конечно, переводы Юрием Ряшенцевым грузинской поэзии, его запомнившиеся знатокам и любителям грузинской литературы творческие достижения в интерпретации стихотворений Галактиона Табидзе, Георгия Леонидзе, «Мерани» Николоза Бараташвили. Вспоминали и цитировали строки из его сборника «Иверская сторона», объединившего переводы и циклы стихов о Грузии, говорили о Ряшенцеве – мастере стилизации.

А сразу за встречей с Юрием Ряшенцевым авторский подиум в «Бетлеми» заняли поочередно замечательная исполнительница русских и грузинских городских романсов, мастер авторской песни, человек разносторонних дарований Манана Менабде и легендарный бард, поэт, композитор, драматург Юлий Ким. Их творческий вечер стал достойным апофеозом батумской части фестиваля.

Родившаяся в знаменитой в Грузии семье певиц сестер Ишхнели, Манана Менабде, одаренная богатейшей музыкальностью, прославилась своеобразной трактовкой как находящихся на слуху почитателей творений великих бардов, так и собственными композициями на слова классиков грузинской литературы. Всем этим разнообразием репертуара певица щедро, но ненавязчиво, одарила благодарную публику. И, демонстрируя преемственность поколений, исполнила несколько песен в ансамбле с сестрой Тинатин Менабде и ее сыном Отто Соломоном, представляющим четвертое поколение сестер Ишхнели. Между прочим, с прабабушкой Мананы, Васасией Меладзе, дружил сам Акакий Церетели и даже собирался жениться на одной из ее дочерей – сестер Ишхнели. Особый успех выпал на долю песни, написанной Мананой Менабде на ставший явлением и русской поэзии «Цвет небесный, синий цвет» Николоза Бараташвили в переводе Бориса Пастернака.

Ну, а затем настал черед Юлия Кима, на стихах, а еще чаще – песнях которого, любимых тысячами и тысячами поклонников, выросло несколько поколений. Бросивший вызов пустым партийным лозунгам, лживой идеологии и фальши, господствовавшей в СССР, он вел свою борьбу с неподражаемой иронической легкостью, иногда под маской клоуна: «Я клоун, я затайник! Я выбегаю на манеж не ради денег...»

Юлий Ким, отметивший в 2011 году 75-летие, в Грузию приехал впервые! И автор этих строк всегда будет гордиться честью, что стал компаньоном барду в его первом заплыве в грузинской акватории. А на вечере Юлий Черсанович с особым настроением и во всем блеске своего искусства исполнил песни, знакомые нам и по репертуару звезд театра и кино былых и нынешних лет: Андрея Миронова и Валерия Золотухина, Михаила Боярского и Алисы Фрейндлих...

- Не могу похвастаться, подобно великим переводчикам Пастернаку, Заболоцкому, Ряшенцеву, крупным вкладом в дело перевода грузинской поэзии на русский язык, но с удовольствием вспоминаю спектакль «Чинчараки» по пьесе Георгия Нахуцишвили, который шел в московском Центральном детском театре, - поведал зрителям Юлий Ким. - Собираясь в Грузию, я вспомнил, что написал к «Чинчараки» не только стихи, но и музыку. Кстати,

царевну Лали играла в этом спектакле Ирина Муравьева, и сыграла так хорошо, что режиссер Леонид Эйшлин немедленно на ней женился.

По окончании вечера Олег Воловик вручил Юлию Киму орден МФРП «Культурное наследие». Без всяких степеней, насчет которых не преминул обмолвиться Ким: «Когда Зиновию Гердту вручали Орден «За заслуги перед Отечеством» 3-й степени, он спросил: «А что 3-й степени – заслуги или Отечество?» А с этой наградой у меня вопросов нет», - заключил орденосец.

А завершилась фестивальная программа в Тбилиси церемонией награждения победителей Первого Конкурса молодых русскоязычных литераторов Грузии, проведенного и организованного «Русским клубом». Автор этих строк, по совместительству ведущий церемонии и член жюри конкурса, с удовольствием огласил весь список дипломантов и лауреатов в четырех номинациях – поэзия, проза, драматургия и поэтический перевод, а также специальной номинации «Надежда», дипломанты которой – юные и действительно, а не ради красного словца, подающие надежды литераторы.

Награды лауреатам вручили гости – именитые литераторы: Елена Исаева - лауреату в номинации «Драматургия» Марине Ламар (Чачуа); Сергей Чупринин – лауреату в номинации «Проза» Самире Кузнецовой; Юрий Ряшенцев – лауреату в номинации «Художественный перевод» Анне Григ (Григалашвили); Маквала Гонашвили - лауреату в номинации «Поэзия» Анне Лобовой-Кубецовой. И, наконец, Юлий Ким вручил Гран-при конкурса поэту и драматургу Сусанне Армянян. Все лауреаты, к вящему их удовольствию, стали обладателями нетбуков. А материальным воплощением высшей награды конкурса станет издание на высоком полиграфическом уровне сборника произведений С.Армянян. Заключительный сюрприз преподнес известный украинский поэт Александр Кабанов, пригласивший обладательницу Гран-при принять участие в популярном поэтическом фестивале «Киевские лавры-2012».

На заключительном торжественном приеме от имени «Русского клуба» звучали не только теплые слова дружбы и нежности, но и твердые обещания встретиться на грузинской земле через год – на очередном русско-грузинском поэтическом фестивале. «Возьми, Кура, мои стихотворенья...» - звучали строки Алины Талыбовой. «Солнечная Колхида, не отпускай меня», - читала Елена Исаева. Пожалуй, точнее всех выразилась Маквала Гонашвили: «Нам предстоит целый год тоски друг по другу»... А самым патетичным и запоминающимся стал тост Евгения Степанова, назвавшего Николая Свентицкого министром поэзии земного шара.

Фестиваль завершен, да здравствует фестиваль! «Русский клуб» и МФРП во главе с Николаем Свентицким и Олегом Воловиком уже на следующий день после окончания форума-2011 приступили к подготовке VI русско-грузинского поэтического фестиваля.

«Теперь собери, что Всевышний тебе даровал»

«Русский клуб», конечно, осуществляет наиболее масштабные проекты в области литературы, искусства и просвещения, следуя при этом своей магистральной цели: возрождение русско-грузинских духовных связей, популяризация русского слова и достижений русской культуры в Грузии, укрепление позитивного образа как России, так и Грузии неполитическими средствами.

Помогает русскоязычным авторам и Союз российских соотечественников в Грузии «Отчизна» во главе с его президентом Валерием Сварчуком, действуя в рамках гуманитарно-благотворительной Программы помощи соотечественникам за рубежом. При поддержке «Отчизны» вот уже несколько лет выходит в свет альманах «На холмах Грузии», объединяющий творчество русскоязычных авторов во всем жанровом многообразии.

Выходит два раза в год независимое литературно-публицистическое издание «Русское слово» под редакцией Игоря Аванесова.

Вообще, на русском языке в Грузии пишут на удивление много, но далеко не всегда удачно, и очень мало – профессионально. На вкус автора этих строк, в этом бурлящем потоке можно выделить несколько имен, завоевавших заслуженную известность, чье творчество охотно пропагандируют не только местные, но и зарубежные литературные издания.

Паола Урушадзе – автор одухотворенной лирики, человек, пожалуй, чрезмерно скромный и нигде не «светящийся» (за Паолу эту функцию выполняют ее стихи). О творчестве Марины Фарги как о своем недавнем открытии говорил мне главный редактор «Дружбы народов» Александр Эбаноидзе, а о другом тбилисском поэте, Дмитриии Мониаве, с уважением и симпатией отзывался Бахыт Кенжеев. Поэт и бард Людмила Орагвелидзе, любимица публики в Грузии и России, в последние годы с большим успехом выступает на традиционных международных фестивалях бардов в Баку. Инна Кулишова – «крестница» Иосифа Бродского, приславшего ей на закате своей недолгой жизни письмо поддержки и благожелательного напутствия. Хочется отметить лирику Владимира Головина, отличающуюся особыми, тбилисскими интонациями и звучанием. Многообещающим выглядит оригинальное творчество молодого барда Ирины Парошиной.

Одно из последних, но уже имеющих свою историю в художественном пространстве Тбилиси событий – создание Ассоциации русскоязычных литераторов Грузии «Новый современник».

31 октября 2011 года Ассоциация, первая в нашей стране неправительственная русскоязычная писательская организация, получившая статус юридического лица, отпраздновала свой четвертый день рождения. Учредителями ассоциации стали поэт, литературовед, журналист, координатор по международным связям Союза писателей Грузии Владимир Саришвили (президент), поэт и бард Людмила Орагвелидзе (вице-президент), председатель Союза писателей Грузии Маквала Гонашвили, поэт и бард Ирина Парошина, поэт Ольга Киричкова, журналист и литературовед Инна Безиранова. Ассоциация собирает под единой эгидой людей, по-настоящему

заинтересованных в деле развития и пропаганды русского языка и культуры в Грузии – стране, веками связанной неразрывными духовными узами с Россией.

За несколько лет существования «Новый современник» гостил на разных «квартирах», проводя творческие встречи, литературно-музыкальные вечера, собирая слушателей на просветительские программы, творческие мастер-классы – в Зале Галактиона, Доме-музее Николоза Бараташвили, правовом центре «Этно», Главной городской библиотеке, «Кавказском доме» и других культурных центрах.

Вышел в свет первый печатный орган «Нового современника» - ежеквартальное литературное приложение к журналу «Русский клуб», собравшее под одной обложкой произведения как наших авторов, так и единомышленников-соотечественников, и гостей из-за рубежа. О каждом из авторов, представленных в этом издании, можно было бы написать литературно-критический очерк, но есть среди них личности, для предметного разговора о которых оказалась бы мала и целая монография. На страницах издания читатель встретит новые стихотворения вашего покорного слуги и Людмилы Орагвелидзе, Паолы Урушадзе и Владимира Головина, Гоги Чкония и Марии Фарги, Виталия Есяяна и поэта-барда, нашего гостя из Ставрополя, Валерия Митрофаненко, Ольги Киричковой и Натальи Элердашвили. Открытием для меня стали стихи Нино Сакварелидзе. Нене Гиоргадзе прислала нам стихи из Петербурга, где она ныне проживает. В этом сердце русской культуры Нене пишет великолепные верлибры на глубоком «корневом» литературном грузинском языке – это ли не символично?

Проза в нашем издании представлена новой новеллой одного из классиков этого жанра грузинской и мировой литературы, нобелевского номинанта Резо Мишвеладзе, который попросил меня перевести рассказ «Найти нас нетрудно» специально для приложения «Новый современник – Грузия». С не меньшим удовольствием работал я над переводами сказок Маквалы Гонашвили. Блестящий рассказ Бесо Хведелидзе «Отец» мастерски переведен Анной Григ. Артэм Грегоренц (Киракозов) выступает с замечательной по живости деталей историей «Чудачка Шушик по прозвищу Москвичка».

А в конце 2011 года Ассоциация «Новый современник» при поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ реализовала выдающийся для эпохи независимого грузинского государства проект. В Тбилиси собрались известные представители науки и литературы из 8 стран постсоветского пространства на масштабный форум «Культура и литература на пространстве Южного Кавказа».

Центральным событием форума стала научно-практическая конференция «Страны постсоветского пространства: взаимопроникновение культур», на которой прозвучало более 20 докладов зарубежных и тбилисских исследователей – доктора философии, академика РАЕН Валентина Никитина, доктора филологических наук, действительного члена Академии гуманитарных наук Владимира Чередниченко, известной переводчицы Улданай Бахтикереевой, профессора Московского государственного лингвистического университета Александра Бондарева, главного редактора агентства религиозной инфор-

мации «Благовест-инфо» Дмитрия Власова, поэта Гузаль Матьякубовой из Узбекистана, ставропольского поэта и исследователя Валерия Митрофаненко, декана гуманитарного факультета Славянского университета Республики Молдова Надежды Овчеренко, академика Российской Академии Естественных Наук (РАЕН) Теймураза Рахавия, президента Ассоциации кыргызских переводчиков Таштанбека Чакиева и других. Доклад Владимира Саришвили «Реформы и новации в микрокосме сонета» был построен на материалах сохраненного им архива покойного профессора ТГУ, выдающегося сонетолога Константина Сергеевича Герасимова. (Совершенно недавно вышел в свет сборник «Возвращение», выпущенный Международным культурно-просветительским Союзом «Русский клуб» при поддержке Фонда «Русский мир». Презентация сборника состоялась в Пушкинской гостиной Московского государственного университета им. Ломоносова. В издание вошли большей частью ранее никогда не публиковавшиеся материалы из архива Константина Сергеевича Герасимова – поэтические произведения, записные книжки, научные статьи, а также воспоминания и размышления его известных коллег и учеников. Всем участникам конференции были переданы в дар книга «Возвращение» и переиздание единственного прижизненного сборника стихотворений К.С. Герасимова «Из глубины»).

В рамках форума прошли два запоминающихся творческих вечера, два юбилея. В Зеркальном зале Дворца учащейся молодежи чествовали председателя Союза писателей Армении Левона Ананяна. К своему 65-летию известный поэт, прозаик и эссеист приурочил тбилискую презентацию своей книги «Дикий мак». Ведущая презентации Маквала Гонашвили нашла немало точных и теплых слов, характеризующих личность и творчество давнего друга Грузии. Вообще, писательское сотрудничество между нашими странами-соседями расширяется и углубляется – вышли в свет Антологии грузинской поэзии и прозы на армянском языке, а в Грузии – Антология армянской поэзии, проза – на подходе... Все более тесными становятся и контакты между молодыми литераторами.

Участники форума были приглашены на юбилейный вечер прославленного поэта Джансуга Чарквиани, справлявшего свое 80-летие. Растроганный юбиляр сказал в своем приветственном слове: «Я всегда рад быть рядом с вами, я счастлив, что нашлась возможность собраться нам всем вместе, и высказать слова любви друг к другу. Особенно отраднo видеть в этом зале российских писателей и ученых. Ведь Россия для меня – не Ленин, не Брежнев и не прочая политика, Россия для меня Ахмадулина, Вознесенский, Евтушенко, который звонит не реже одного раза в месяц, а иногда изыскивает возможность и навестить любимую Грузию. Я верю, что придет время, и мы снова будем вместе, и такие встречи, как эта, только приближают день света и справедливости. Тому залогом и наше единоверие. Грузинская и Русская Церкви сохранили неомраченные отношения, и это создает здоровые предпосылки для возрождения того, что было злобно и бессмысленно разрушено».

Круглый стол «Русскоязычная пресса постсоветского пространства: активизация информационной волны», затронул, пожалуй, наиболее злобод-

невную проблему – функционирование русского языка на территории стран бывшего СССР. Участники «стола» с горечью констатировали, что количество русскоязычных печатных органов в Грузии идет явно вразрез с возможным спросом: в стране проживает порядка 200 000 русскоговорящего населения, потенциальных читателей среди них не менее 50-70 тыс. Налицо как собственно читательская, так и целевая аудитория, что является неоспоримым фактом, даже с учетом того, что онлайн- и интернет-издания подтачивают само существование печатной прессы. Между тем реально в свет выходит всего несколько русскоязычных печатных СМИ – это «Вечерний Тбилиси» (периодичность – 2 номера в неделю); «АиФ-Тбилиси» и «Комсомольская правда в Грузии» (еженедельные вкладыши); еженедельник «Тбилисская неделя»; ежемесячный журнал «Подруга». В последние дни их пополнила ежемесячная «Народная газета», но все это, конечно же, капля в море.

Настоящим оазисом в этой полупустыне является журнал «Русский клуб». Как подчеркнул его главный редактор Александр Сватиков, журнал отражает культурные и другие неполитические общественные процессы в жизни современного грузинского общества. К журналу выпускается литературное приложение – первым номером вышли в свет произведения участников молодежного литературного объединения «Молот. О.К.», следующим – участников уже упоминавшегося «Нового современника». И, наконец, с 2012 г. к ежеквартальному изданию приложения приступит известный журналист и поэт Владимир Головин.

Форум завершился мастер-классами по теории стихосложения, которые провел руководитель проекта В. Сарисвили. И это – только вступление к 36-часовому теоретическому и 36-часовому практическому семинару по теории и практике стихосложения, который будет прочитан молодым стихотворцам, а также всем желающим, во второй половине 2012 г.

По итогам форума участниками была принята резолюция о необходимости продолжения и расширения формата подобных культурно-просветительских проектов. «Поскольку Грузия, ее писательские сообщества и просветительские центры уже взялись за выполнение благородной задачи гуманитарной интеграции, именно Грузия и должна оставаться эпицентром противостояния разобщению», - говорится в резолюции.

И ближе к завершению нашего объемного, но все же не полностью отражающего все нюансы грузинской литературной панорамы (так, мы не располагаем в полной мере информацией о деятельности литературных объединений в других городах Грузии), обратимся к интересному публицистическому исследованию Михаила Беденеишвили (он же – художник и литератор Михаил Ляшенко) «Тбилиси: до и после», опубликованному в журнале «Знамя» (№2, 2009) (приводится с сокращениями и редакционными уточнениями):

«В Грузии, начиная со второй половины XX века, выходили три русских периодических литературно-художественных издания: ежегодник «Дом под

чинарами», сборник «Кавкасион» и журнал «Литературная Грузия». Учрежденный в 1957-м, последний сослужил русской словесности скромную, но добрую службу. Здесь дебютировали С. Кекова, Н. Кононов, С. Гандлевский, выходили к читателю М. Кудимова, Н. Генина, В. Широков, О. Чухонцев, А. Плахов, П. Глушко и многие другие. Регулярно журнал, увы, не выходит с 2004 года.

Прежде на фасаде дома № 20 по улице Галактиона можно было видеть доску с надписью «Пушкинский дом». Музейную по своей сути и ценности обстановку знаменитого петербургского салона известной Александры Осиповны Смирновой-Россет перевез сюда ее сын Михаил Смирнов. Его правнук М.Г. Смирнов решает на этой фамильной базе создать Дом литературных взаимосвязей – Пушкинский мемориал, завещая семейное собрание вместе с двухэтажным домом Грузии. Совместными усилиями грузинской и российской интеллигенции этот уникальный памятник культуры удалось спасти. И чудом, порой на чистом энтузиазме главного хранителя мемориала Александра Сватикова и группы его сотрудников, оно сохраняется по сей день. В 1998 году директор Центра культурных взаимосвязей грузинский поэт и прозаик Наира Гелашвили сумела привлечь крупные европейские фонды для реконструкции здания и реставрации музея, и этот памятник русской, грузинской и европейской культуры был спасен и существует теперь под общим названием «Кавказский дом». Этот центр культуры ведет активную издательскую и общественную деятельность, организуя творческие встречи, поэтические вечера и выставки, с акцентом на сближение генетически родственных кавказских народов, как на севере, на территории России, так и на юге. Особое внимание в своей деятельности «Кавказский дом» уделяет возведению разрушенных мостов между грузинскими и абхазскими литераторами и деятелями культуры.

(Однако в последние годы историю Дома Смирновых омрачил серьезный конфликт между Наирой Гелашвили и сотрудниками Дома-музея Смирновых во главе с его главным хранителем А.Сватиковым, и об этом можно было бы не писать, если бы конфликт не отразился на интересах всех местных и приезжих любознательных посетителей. Не вдаваясь в сложные перипетии этой истории, отметим, что в связи с конфликтом двери Дома-музея закрыты для посетителей. В.С.)

Поднявшись от угла улицы Галактиона и центральной площади по улице Георгия Леонидзе – грузинского младосимволиста и классика советской литературы – метров на пятьдесят, можно увидеть окна квартиры углового дома, где провел юность Николай Гумилев. Свернув под ними на улицу Иване Мачабели, публициста и переводчика (в частности, Шекспира), задержимся на пересечении последней с улицей Лермонтова, под окнами квартиры, в которой в течение последних десяти лет собирався поэтический клуб «Музыка слова». Через пару домов от него особняк Союза писателей, тот самый, где «умывался ночью во дворе» О.Мандельштам. Метрах в четырехстах от него – дом № 15 по улице Коджорской, с мемориальной доской Сергею Есенину, который жил здесь в 1925 году.

Еще в 1995 году от «Ариона» отпочковалась группа авторов и учредила

поэтический клуб «Музыка слова», обосновавшийся в самом центре этих исторических кварталов, на квартире его руководителя Глеба Коренецкого. Преимущественно любительское и по составу, и по форме работы, это сообщество, тем не менее, сыграло в самые темные, в буквальном и переносном смысле, годы, весьма существенную роль. Через «Музыку» прошли многие писавшие и пишущие по сей день в Тбилиси по-русски. Сообщество издавало коллективные и персональные сборники скромного формата, отпечатанные на пишущей машинке, тиражируя их ксероксным способом. Вышло около 20 таких книжек, разумеется, за счет самих авторов. В июне 2008 года, после некоторого перерыва, клуб возобновил работу.

По результатам работы клуба вышло два выпуска альманаха «Мансарда» в 2004 (редактор А.Шахназарова) и в 2005 (редактор Е.Черняева) годах.

А еще ранее, в 1989-1991 годах, под патронатом легендарного для предыдущих поколений филологов, ныне покойного профессора Константина Сергеевича Герасимова образуется руководимый молодым преподавателем и поэтом Ниной Зардалишвили литературный кружок при Тбилисском университете. Со временем он преобразовался в студию «Обитаемый остров», инициированную тем же профессором Герасимовым и соруководимую Т.Мегрелишвили. Студия оставила весьма любопытный материал в форме периодически появлявшихся машинописных изданий. Помимо обычной в этих случаях регулярной студийной работы, объединение провело более полутора десятка, как правило, аншлаговых публичных мероприятий, в том числе презентации коллективных и персональных сборников, поставленные, как перформансы, серию музыкально-поэтических акций «Форпост», вечера памяти Высоцкого, Бродского, Гумилева, театральные спектакли в стихах и песнях, написанный, поставленный и сыгранный самими студийцами. Так что, пожалуй, можно говорить о подспудно зреющем внутри объединения поэтическом театре.

Несомненной заслугой можно назвать переводческую работу, принявшую в объединении относительно системный характер. Из объема переведенного, а это более 20 современных авторов, можно составить небольшую антологию новой грузинской поэзии. Последовал и ответный жест: в специальном выпуске журнала «Альтернатива» под названием «Многоликая Грузия» появились переводы 23 местных русских авторов (молодых и взрослых), выполненные грузинским поэтом Бату Данелия, - случай беспрецедентный. Появились и другие публикации переводов и оригинальных стихов молодежи в грузинских литературных изданиях.

На проведенном в 2008 г. «Фондом Ельцина» конкурсе на лучший перевод с иностранного языка на русский главным лауреатом в номинации «Мэтр» стал Владимир Саришвили, автор антологии «Грузинская поэзия XIX-XX вв. в русских переводах»; премия в номинации «Молодое перо» была присуждена Дмитрию Лоскутову, а Марина Ламар удостоилась специального приза. Оба они – члены молодежной литературной организации «Молот О.К.».

Объединение с 2005 года издает сборник «Молот О.К.». А кроме того,

пусть и с перебоями, выпускается серия «Библиотека Молотка» - вышли сборники Ю. Ключниковой, Д. Лоскутова, М. Ламар. В 2007-м появился первый выпуск альманаха избранных стихов – «Девять молодых поэтов Тбилиси».

В Республиканском доме журналиста ведет работу поэтический клуб «Парнас» (ведущая Этери Агаронова).

Помимо уже упомянутых изданий, назовем журнал филологов-русистов «Русское слово», учрежденный Министерством образования Грузии. Впоследствии, закрепив за собой название «Русское слово-бис», издание выходит усилиями редактора И. Аванесова и ответственного секретаря Э. Агароновой. В качестве приложения к журналу вышло два выпуска литературного альманаха «Мтацминда», почти «толстых» по формату и жанровой широте. Издается и библиотека журнала (вышло уже восемь поэтических сборников).

С 2001 года реализовано 10 выпусков журнала русской поэзии в Тбилиси «АБГ», соредакторы-составители Анна Шахназарова и Михаил Ляшенко. Издание имеет сетевую версию.

Не обходится и без досадных накладок (в той или иной мере сопровождающих почти все упомянутые издания). Так, единственный, изданный при содействии Посольства РФ, выпуск альманаха «Музыка русского слова в Тбилиси», включает пятьдесят четыре автора. Оглядываясь на количество участников, можно было ожидать, что проект станет антологией (хотя бы малой). Но нет – там не оказалось авторов, без которых картина не может считаться состоявшейся. Ну, и главная проблема – соседство профессионального с самодеятельным, вкусовая неразбериха...

Весной 2005 г. вышел первый выпуск альманаха «На холмах Грузии». Прежде всего издание отличается от прочих тем, что исправно финансируется Посольством, после августовской войны 2008 года – ныне представительством России в Грузии, через упомянутую «Отчизну». При тираже в 500 экземпляров и завидной регулярности выхода в свет альманах стал заметной частью текущего литературного процесса. Отметим ряд очевидных его удач – републикацию стихов Булата Окуджавы из фронтовой газеты, вероятно, предпринятую впервые, регулярные стихотворные и прозаические публикации тех, кого можно отнести к лучшим авторам Тбилиси. Особого внимания заслуживает предлагаемая здесь драматургия, зачастую играющая обычную для подобного издания роль крупной прозы. Упомянем и полтора десятка новых имен, «запущенных» на читательскую орбиту, некоторые из которых следует отнести к нашим маленьким внутренним открытиям. А еще – сотрудничество с альманахом университетских филологов.

Подводя черту, подчеркнем, что альманах «На холмах Грузии» адекватно отражает существующую картину. Это именно то, что пишется в Тбилиси по-русски, полагая себя литературой (правомерно ли полагает — это вопрос отдельный).

Глянцевый культурологический ежемесячник «Русский клуб» (редактор А. Сватиков), регулярно выходящий с конца 2005 г., периодически публикует стихи и популярные литературные статьи, как правило, весьма содержа-

тельные.

Прошел вполне проверенный слух о том, что ассоциация «Новый современник» намеревается реанимировать ежегодник «Дом под чинарами». Обнадеживающая инициатива.

Что касается жанровой статистики, легко убедиться, что поэтов у нас много, во всяком случае, в разы больше, чем прозаиков.

Об особенностях нынешней русской тбилисской прозы говорить сложно. Прежде всего прозы, особенно большой, немного, и найти ее легче в сети, чем на страницах бумажных изданий. Но главное и обнадеживающее – это ощущение, что она готовится вот-вот о себе заявить. По крайней мере, нам известно о двух написанных и ждущих публикации романах разных авторов и об одном пишущемся...

Наталья Гвелесиани, автор ряда повестей и рассказов, этико-философских эссе, и как минимум одного романа, в 2007 г. получила премию им. Марка Алданова за повесть «Уходящие тихо», опубликованную в «Новом журнале». В местной периодике не найдем ни строки этого автора. То же можно сказать и о Мерабе Ломиа – известный в сети автор бумажного сборника «Кимберлитовая трубка» вне виртуальной реальности неуловим. Зримо присутствующий в пейзаже Гурам Сванидзе, автор сборника рассказов «Городок», публикуется и в интернет-изданиях, и в литературной периодике ближнего и дальнего зарубежья. Второй сборник рассказов готовит к изданию Диана Баласанян. Заслуживают внимания «исторические» сюжеты Владимира Грдзелидзе, появляющиеся в альманахе «На холмах Грузии». Обещает быть интересным прозаический сборник Елены Черняевой, готовящийся к изданию. Обещают и прозаические опыты выпустившей вторую стихотворную книжку Марины Ламар. Надо вспомнить и недавно ушедшего из жизни, что называется, в расцвете творческих сил, сугубо тбилисского прозаика Карена Абгарова. По преданию, его роман-притча «От Лукавого» выдержал в бурные 90-е два издания в Москве. Довольно неожиданно заявил о себе прозой сложного, близкого к фэнтези жанра Александр Элдридж (это, разумеется, псевдоним), и примерно в том же ключе выдержана вышедшая совсем недавно книжка Дины Бабий.

Более осязаема наша русская драматургия. Здесь лидирует семейный соавторский тандем Инги Гаручава и Петра Хотяновского, не только активно пишущих, но и реализующихся на местной и российской сцене. Инга Гаручава периодически публикует и прозу, и стихотворные подборки. Назовем и драматурга Александра Мейпариани, опубликовавшего в последние годы внушительный корпус своих вещей. Есть драматургические произведения и у Владимира Саришвили, и у Сусанны Армянян, а опыты в этом жанре Ирены Кейскюль-Кочаровой удостоены пары почетных международных премий.

О тбилисской русской поэзии можно сказать несколько больше, прежде всего потому, что она есть. Есть у нее и некоторые отличительные черты.

Начнем с несколько вольного предположения, что в тбилисской русской поэзии недавнего и нынешнего времени можно разглядеть тенденцию, которую подмывает определить как тбилисский неосимволизм.

Из Серебряного века здесь в обиход берется обращение к «незыблемым ценностям», выход на обширные культурные пространства, весьма импонирующее местному духу патетика и орнаментальная риторичность. Эта, казалось бы, давно и окончательно исчерпавшая себя практика, грешащая и тут заметной искусственностью, условностью и известной долей нарциссизма, в лучших своих образцах обретает неожиданную живость и предлагает вещи выразительные, состоятельные, реальные (чтоб не сказать, реалистические), вызывая порой эффект некоторой аберрации.

Приложим сюда и такие факторы: упорное невнимание к текущему литературному процессу или внимание специфическое, очень избирательное, которому все же предпочитается книга из разноудаленного прошлого; довольно устойчивое и по сей день увлечение эзотерикой. К этому можно прибавить общий культурный консерватизм хорошего, скажем, тона, поскольку сопрягается с позитивной верностью традиции как таковой. Кстати, черта, автоматически укладывающая нас в основное русло традиции «классического» русского зарубежья.

В целом же выделим основную парадигму, которую можно обозначить весьма расширенно трактуемым понятием неоакмеизм. Во всяком случае, вполне допустимо говорить об очевидном приоритете сугубо городской, «книжной» поэзии.

Тбилисскую «традицию протеста против традиции» обнаруживает наличие в крепко скроенном традиционалистическом пейзаже стойких принципиальных одиночек, и если начать с Пиросмани или с мистика начала прошлого века Терентия Гранели, то выстроится галерея любопытных персонажей. Упомянем здесь поэта Виктора Цхварадзе (1951-2003), творчество которого можно принять как перманентный эксперимент. Оказавшись за пределами распадающегося литературного пространства, он продолжал упорно работать и немислимыми усилиями выпустил три сборника стихов, притом последний из них, «Подмостки», в Москве в 2003-м, за месяц до кончины. Все книги, увы, так и остаются незамеченными читателем, критикой, и тбилисскими и московскими.

А есть ли у нас читатель? Можно вспомнить известный тезис: одному пишущему вполне достаточно одного читающего. Это, вероятно, про нас. А вот покупателя нет – выпускаемый книжный самопал реализации через специальные магазины не поддается.

А еще нет сколько-нибудь системной критики. Конечно, появляются рецензии на выходящие сборники, репортажи с поэтических площадок, отчеты о проделанной работе... Порой вполне адекватные, все они разбросаны в основном по непрофильным газетам (а профильных и нет). При этом рецензенты деликатно объезжают болевые точки и не обременяют себя аналитикой.

И о переводах. В былые времена этим процессом заведовала руководимая Отаром Нодия субстанция под внушительным названием – Главная редакционная коллегия по художественному переводу и литературным взаимосвязям Союза писателей Грузии. Мало кто вспоминает о нем и о его руководителе без ностальгии. Образовавшийся вакуум заполняют бескорыстно

работающие подвижники: Гина Челидзе, Глеб Коренецкий, Инна Кулишова, Анна Григ, Ирина Данелия, Мария Фарги, Анна Шахназарова, Гугули Кебурия, Михаил Ананов, другие одиночки и с десятком студийцев из лито «Молот О.К.», о которых сказано выше.

Государственной премии Грузии за переводческую работу удостоен Натан Базов, основные переводы которого собраны в изданной в 2004 г. «Антологии грузинской поэзии 20-го века», включившей 230 авторов. (Любопытная деталь: только легендарного «Мерани» Н. Бараташвили он перевел 57 раз.)

Небольшие, но регулярные переводные публикации появляются в альманахе «На холмах Грузии», посущественней – в журнале «АБГ» и сборнике «Молот О.К.». Ясно, что всего этого далеко не достаточно, и новая грузинская поэзия все еще остается неведомой для иностранного читателя.

Помимо упомянутых публикаций там, за горизонтом, в периодике дальнего и ближнего зарубежья, регулярно печатаются Инна Кулишова, Владимир Саришвили, Димитрий Мониава. В последние годы в журнале «Дружба народов» опубликованы две подборки оригинальных стихов Паолы Урушадзе и переводы Марии Фарги сонетов Лии Стуруа, в журнале «Москва» – стихи Николая Дорошенко. Сусанна Армянян дебютировала в «Вавилоне», ряд публикаций за рубежом и международные премии есть у Ирины Кейскюллер-Кочаровой, публиковался в России Гагик Теймуразян, вошедший, вместе с Д.Мониавой и В.Цхварадзе в антологию русского зарубежья «Освобожденный Улисс».

Такова, повторимся, пусть и масштабная и пестрая, но все же неполная картина грузинской литературы наших дней. В этом литературном вихре льстят и лгут, завидуют и интригуют, но здесь же мы находим и памятные примеры благородства, смопожертвования, примеры «нетостовой», подлинной дружбы. Словом, все, как бывало, все, как и должно быть.

Парадокс в том, что на фоне неприкрытого давления на русский язык, количество пишущих (в основном стихи, но и прозу тоже) ничуть не уменьшилось, и даже, как мне кажется, увеличилось. Но вот качество... Во времена СССР в Тбилиси жили и творили, приезжали в длительные командировки Александр Цыбулевский, Константин Герасимов, Ян Гольцман, Мадлен Розенблюм, Наталья Соколовская, Евгений Рейн, Юрий Ряшенцев, я уж не говорю о собиравших стадионы Ахмадулиной, Вознесенском, Евтушенко... Ну, а если заглянуть поглубже по спирали времени, там и вовсе небожители – Пастернак, Мандельштам, Есенин...

Другой парадокс заключается в том, что Грузия стала объединительным центром русскоязычных писателей и ученых СНГ и дальнего зарубежья, сама не будучи в составе СНГ(!).

Подведем промежуточные итоги. Картину литературной жизни мы по мере совместных усилий очертили. Негатив мы уже выявили. Но никак нельзя сказать, даже будучи Зоилом, что русскоязычный литературный процесс в Грузии отличается совсем уж низким уровнем.

Вот, к примеру, «поколение, идущее следом», приславшее свои заявки на уже упоминавшийся Конкурс молодых русскоязычных поэтов Южного Кавказа. О наших азербайджанских и армянских начинающих стихотворцах напишут мои коллеги-кураторы Алина Талыбова и Сурен Петросян. А в данном обзоре речь пойдет о грузинских участниках.

«Молод месяц, а ночь осветит», как гласит русская пословица. Все наши участники (отобрано к публикации 10 из более 60 пришедших на конкурс поэтических подборок), отличаются полным классическим набором отличительных черт начинающих авторов – здесь и эпатаж, и патетика, и «байроновский» пессимизм, подчас банальность лексики и художественных троп, а нередко – изобретение велосипедов там, где они давно уже изобретены.

Но ведь это нормальный «детский вирус», все это говорили в свое время и нам, ныне кураторам поэтического конкурса, так что не надо воспринимать подобные оценки излишне болезненно. Ведь есть и главное достоинство, к которому нам уже не вернуться. С высоты гор прочитанных и прослушанных стихотворений и жизненного опыта мы утратили непосредственность взгляда на мир, некую бесшабашность – мы теперь стараемся тщательно следить за словом, выходящим из-под пера. Ах, нет, уже из-под клавиатуры...

К примеру, Леван Тодадзе лиричен, его стихи отличаются жалостью и искренней любовью к людям, к родному Кутаиси. Но, перебравшись на жительство в Ярославль еще ребенком, Леван проникся клюевско-есенинскими интонациями, что само по себе интересно, когда речь идет об уроженце древнейшей колыбели грузинской культуры. (Кстати, отметим, что Леван – чуть ли не единственный из конкурсантов, кто затронул патриотическую тематику).

Андрей Цхведиани, тоже поживший в славянских краях, в своих стихотворениях гораздо более жесток, он пытается поднять планку своей лирики на очень сложные высоты, и иногда, чрезмерно увлекшись разгоном, сбивает ее. Тем не менее, в стихах этого автора проявляется богатство языка «от корней», в отличие от многих проживающих в Грузии стихотворцев, которым неведома вся сложность лексики, и тем более синтаксиса русского языка, не говоря уже об эвфонии, совершенно непохожей на грузинскую звукопись. И все-таки в творчестве Андрея порой ощущим недостаток школы. Впрочем, как почти у всех участников конкурса. Множество стихотворений, пестрящих в прямом смысле школьными ошибками, помноженными на отсутствие вкуса и чувства языка, в сборник мы, конечно, не включили. (Хотя есть и слабые стихи, в которых встречаются весьма интересные фрагменты, и для них мы сделали исключение, опубликовав на страницах данного издания, подобного которому история Грузии не знала, как и прецедента подобного конкурса на нашей земле еще не было).

Александра Угрехелидзе – истинный представитель женской поэзии, и это тоже не в обиду – есть ведь женские шахматы и даже женский бокс, а уж в художественной гимнастике или синхронном плавании мужчинам и вовсе делать нечего.

Однажды в приватной беседе ведущий российский литературовед Сергей Иванович Кормилов сказал мне, что женская поэзия – это (за исклю-

чением Ахматовой) всегда или «рукоделие», или «истерика». Угрехелидзе «вышивает» свои стихи зачастую красиво, но иногда «уколет палец иголкой», и рисунок на стихотворной ткани искажается.

Близка по духу ей поэзия Анны Заалян, с ее щемящей печалью, хотя в 17 лет столь тягостно взирать на жизнь я бы юному автору не советовал. Так же, как и «плачущей душе» Хатуны Мамниашвили, ряд удачных строк которой мы приведем отдельно от подборки «десятки лучших», в виде отрывков из стихотворений:

Пусть даже и с опаскою чуть-чуть,
В далеком представлении о Боге,
Мне все же предстоит когда-нибудь
Ответить перед Господом в итоге...

Поиски истины - веские доводы,
В жизнь неизвестную долгие проводы...

Все ждут и жаждут получить богатства,
Признания бесчисленных заслуг,
За дар притворства и талант коварства.
И я тону в потоке этих рук...
Все тянут, жадно ухватить пытаюсь
Кто – счастье, кто – здоровье, кто – любовь.
А лотерейщик, плавно отдаляясь.
Все манит, все обманывает вновь.
В обмен на славу – жалкий отголосок
Возвышенно-чарующих надежд,
Блаженство в одеянии обносок,
Восторженные отзывы невежд.
И я во сне своем теряла веру
Невидимо, неслышно, не спеша,
В погоне за успехом и карьерой
В софитах растворяется душа.

Внимательный читатель заметил, конечно, в предпоследней строфе зеркальные отображения поэтики и философии одной из вершин мировой лирики – 66-го сонета Шекспира. Ну, так что ж, кто из нас не подражал в эти годы тем или иным кумирам Парнаса? Зато объект для подражания выбран более чем стоящий. А вот последние две строки – пожалуй, лучшее из присланной Хатуной.

Марина Пидуашвили несколько не в ладах с ритмикой и лексикой русского стихосложения. Из присланной ею подборки на свой вкус мы выбрали для представления фрагмент:

Преобразуют улицы ночные
Искусственные эти светляки.
На тротуары падает пустые
Свет фонарей, дрожат их огоньки...

А вот у Инги Чхеидзе эмоции перехлестывают через край, нерв любовного начала в ее стихах необычайно упруг и зрим, находится место и крепкому словцу, которое привело бы к обмороку воспитанниц пансиона благородных девиц. Но в стихотворную ткань эти обороты вписываются органично – ситуация того требует. И все же главное в творчестве Инги – самопожертвование ради любимого, это своего рода «визитная карточка» ее поэзии.

Чрезвычайно интересно начинается вчерашний гурджаанский школьник Миндия Арабули. Тем более удивительно, что не в крупных городах, где русский язык еще удерживает позиции, а в грузинской глубинке появляется одаренный русскопишущий юноша. В его стихах ощутим многообразный диапазон настроений, свежесть взгляда на мир, попытки отойти от традиционной строфики. Но это не попытки ради того же эпатажа – чувствуется, что в стихах говорит духовное естество, вырывающееся наружу в поэтическом обличье. При всем том Миндия предрасположен как к свободному конструированию строк, так и к эквиритмичности и эквилинеарности классическим образцам, что подчеркивает широту его подхода к форме.

Смелый творческий подход демонстрирует Торнике Симонишвили. Повидимому, как Миндия, так и Торнике, сумели перейти ту, по определению Н. Струве, «таинственную грань, которая отделяет стихописание от стихотворства, умение писать стихи от благодати поэзии». Симонишвили свойственна предметность метафорики, неординарное толкование образов. В его творчестве подчас вспыхивает легкость глубины и глубина легкости.

Стихи Давида Русишвили образны и пафосны, эмоции, в них выраженные, позитивны, но, пожалуй, чрезмерно насыщены книжной романтикой и поэтому несколько вторичны. Но это на взгляд критика, самому автору, может быть, мнится иное.

В том-то и беда людей искусства, что для оценок степени их одаренности нет четких объективных критериев. Попробуй, докажи шангисту или шахматисту, что ты сильнее. «Тут Родос, тут прыгай», - услышишь в ответ. Иначе говоря, выиграй у меня партию или подними хоть на полкило больше. А в поэзии таких критериев нет. И давно пора подумать над их детальной разработкой.

Книжность – не поэзия. Поэзия – это в первую очередь узнаваемость интонации, новизна в передаче чувств. И не надо думать об изобретении новых сюжетов. Их в искусстве всего 12 (другие сходятся на цифре 24). Но тема соловья и розы, если ее повторять в духе средневековых газелл и рубаи, ни у кого интереса не вызовет – «все это было, было, было», как писал Блок. Но вот приходит Сергей Параджанов, и от интерпретации этого, казалось бы, набившего оскомину диалога, зрители застывают с раскрытыми от восхищения ртами.

Юлия Ключникова – единственная из конкурсанток с поэтической шко-

лой, демонстрирующая ровную, отчетливо ощутимую технику. Ее творческая мысль бежит по извилистым, непредсказуемым тропинкам. В стихах Ключниковой можно встретить очень ценное для поэтического дарования качество – умение создавать новизну простоты и наоборот.

И, наконец, Георгий Арутюнов с его вызывающими образами – например, солнцем, «прячущим бесстыдно морду». Здесь чувствуется рука не «ведомого», а ищущего и часто метко бьющего в цель «охотника в Лесу Поэзии». И там, где Арутюнов остается Арутюновым, а не Маяковским или Асеевым, как говорится, второй свежести, читать его по-настоящему интересно.

ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ

Куратор конкурса по Грузии

Доктор филологии

Член Союза писателей Грузии

Член Федерации журналистов Грузии

Действительный член Союза переводчиков России

Президент Ассоциации русскоязычных литераторов и деятелей культуры

Грузии «Новый современник»

МИНДИЯ АРАБУЛИ

ЛАБИРИНТ

Так сильно,
Пропитан весь воздух
Токсином.

Паршиво,
Над крышей смеется
Фальшивость.

Носила,
Лик лжи доброта,
И
Насильно.

Кого-то,
Опять поглощает
Болото.

Мхом, тенью
Холера взобралась
На стены.

Безлики,
Толпятся все люди-
Улитки.

Нет света,
Повисли на небе
Монеты.
Все, тридцать.

Нет чувств
Ни в душе, ни на лицах.

Тихо, у причала,
Опустивши плечи,
Над водой качаясь,
Опускался вечер.

Чаек редкий восклик,
Мокрая погода,

И скрипели доски
Старенького порта.

Поднимали тело,
Облака, как глыбы,
На лучах блестела
Чешуя от рыбы.

Ветер, запах соли,
Скрип рыбацких лодок,
Сетки и мозоли,
Старенького порта.

И во тьме причала,
Звуки тихой речи,
Над водой качаясь,
Опускался вечер.

ПЬЕДЕСТАЛ

О, Боже если бы я мог,
Поймать простой, прекрасный миг,
Но пленник я других дорог,
И жизнь проносится, как крик.

О, Боже в этой суете
Так трудно цели отыскать,
И вот, стоишь на высоте,
И под тобою облака.

И таешь ты в лучах, как воск,
Но ты один в своей среде,
Не видно выше ничего,
Да и внизу не разглядеть.

И как-то холодно уже
От беспредельной высоты,
И плакать хочется душе,
Но почему-то терпишь ты.

Лишь слышен гул, да ветра свист,
Стоишь, от гордости устав,
И так бессмысленно стоит
Твой одинокий пьедестал.

И прыгнуть хочется, хоть вой,
Чтоб облака разорвались,
И ты летишь, о, Боже мой,
Но как же больно падать вниз.

ПРИЗРАК

Брел, не ведая границ,
Черный призрак, над землей,
Брел под крики диких птиц,
Потеряв навек покой.

На вершинах снежных гор,
Одиноким ветром выл,
Но поднять к спасенью взор,
Ни желанья, ни сил.

А когда-то, так давно,
В море пыли и забот,
Собирал с полей пшено
И земля глотала пот.

Жизнь текла себе рекой,
Не подумать ни на миг,
-Смерть, она же далеко!
Коль живым уж не погиб.

Брел к великим городам,
Брел в пустыне, словно тень,
Брел упрямо, в никуда,
Брел, не ведая зачем.

Вечный призрак, вечный стон,
Не найдя ни рай, ни ад,
Только голос, только он:
Каин, Каин, где твой брат?

ГЕОРГИЙ АРУТЮНОВ

SVE DA VOLIM...

Мне сигарета да водка с хлебом –
От чаши братства, до дна испитой,
Время забыто, под белым небом
Цинковой тени рассвет убитый...
А ночью кровью под небесами,
Эритроцитом вспоров аорту,
Солнце с черными волосами
Прячет свою бесстыдную морду...

...Разрушен дом на солнечной поляне,
И лесные деревья стали гробами...

ИНЫМИ СЛОВАМИ...

*А внучку назвали Настей,
А бабушку звали Рива...
И. Рувинская*

Как сейчас хороню я прошлое,
Вспоминая лица и даты,
Может, чья-то память дотошная
И меня помянет когда-то.

Старика, чей характер скверный
Не сломили добра потуги,
Он был водке, по слухам, верен,
А погиб, говорят, от скуки.

Да, друзья, в наши годы скука –
Собутыльник большого счастья!
До краев наливают другу
Бабка Рива и внучка Настя...

День сегодня морозный, ясный,
Шелуху осыпает осень,
И Харон собирает снасти,
Чтобы Лету переплыть, в гости.

Передал мне зерно граната –
«Вот, гостинец от Персефоны!»,
Из подземного, сказал, сада
Изнасилованно-влюбленной!

Я с собой проволок дар тот,
Словно память о прошлом аде,
Словно дом нанеся на карту,
Где дорог на всю жизнь хватит.

И пусть я ничего не стою,
Пусть душа моя пьет где-то,
За моей небесной звездой
Я хоть в ад, хоть на край света!

И пускай, хоть потоп, хоть буря,
Хоть я волком потом завую,
Но, по крайней мере, иду я
Не за всеми, а за звездой!

Да, меня похоронят скоро,
Но я там, за рекой, за Летой,
Не позор и тоску укрою,
А мечту, дымя сигаретой...

Я, как Брендан, плыву за раем,
Говорят, там спокойно душам,
Там мы-де по саду гуляем,
А не синюю, бля, глушим...

Говорят, там нам всем лучше.

* * *

Мы состаримся, и нам обоим станет по восемьдесят,
А я буду любить тебя, как любил в шестнадцать.
И мы вместе сбежим до звонка, или отпросимся,
Чтобы больше никогда не пришлось расставаться.

Повстречавшись, мы узнаем друг друга сразу,
Я поправлю очки, рассматривая твой парик,
А ты улыбнешься, но не успеешь моргнуть и глазом,
Как твои руки начнет целовать ошалелый старик...

* * *

Мне легко, когда незнакомцы светят
Неоконченными фразами,
Отвечать сквозь боль:
Бог шельму метит
Умом
И прочими заразами.

Этот мир для меня – словно пустой планшет,
В нем Вы и я рисуем картины,
Но уйдем –
Я или Вы,
и –
Net
Сети всемирной паутины...

И пока вокруг не стало темней,
А мой голос не зазвучал глуше,
Расскажу Вам, как
В театре теней
Свет тушат.

За престолом и славой
рядов –
Невпрогляд!
Мир поет им хвалу со вкусом.
Он за тронами
Очередь тел
строит в ряд,
А их совести
Ставит раком.

Я ходил босой по росе полей,
И дворцы посещал во фраке,
И грустил,
Наблюдая, как царь зверей,
Умирая,
Завидует собаке.

Зачитайте мировые почести по списку!
Среди всех регалий артикула
Я не знаю
Омерзительней
И близко
Царского титула.

Просто вечер,
время тянет на сон,
Бьют часы,
Зациклившись в круговерти...
А ведь я никогда не был так влюблен,
Как сейчас –
В ожидание смерти.

И подруга моя с косой –
Бледнющая!
Я так ждал ее, как родную,
Но она забирала самое лучшее,
А меня поминала всеу.

* * *

Мутно-солнечное утро слепит глаза.
И в душе темно,
И ни пол-раза
Не улыбнется дождь в мое окно,
Зараза!

УТРО

Последние слова на день минувший
Мелькают под нажатием пера...
Исчезла мысль о том, что спать пора...
Как счастлив человек заснувший!..

АННА ЗААЛЯН

МУЗЫКА ВОДЫ

И снова капли зазвучат своим молчаньем,
По тонкому стеклу стекая вниз,
И дождь, по существу уже соната,
Которая обрушилась с небес,
С небес, точнее, небесного оркестра,
Неспешно уносящегося вдаль,
Созвучием воздушного крещендо
Мой двор звучит, как тонуший рояль,
В звучании своем овладевая
Моим умом, ушедшим в тишину...
Я ощущаю музыку до края
И, восклицая, в грусти утону.
В своих морях бушующих эмоций
И в океанах постижимых грез...
В мое окно вновь музыка ворвется
Из сотен тысяч нот, а может, слез...

НЕ ВСЕ ТАК ПЛОХО

Не все так плохо –
Оглянись!
Ведь не пуста твоя дорога,
И если грустно –
Улыбнись!
И отойдет твоя тревога...
Иди вперед, в свой долгий путь,
Ломай громоздкие преграды,
Мечты свои не позабудь
И измени на жизнь ты взгляды!
Иди вперед и не взирай
На грусть,
Печаль или
Усталость,
Запомни и не забывай:
Судьба не проявляет жалость...
Не отступай назад, -
БОРИСЬ!
Злу вопреки, назло невзгодам,
Пой,
Улыбайся,
Веселись,
Все лучше будет с каждым годом!
Люби врагов,
Люби друзей,
Тогда враги друзьями станут,
Ведь вместе будет веселей,
И в трудный час все рядом встанут!
Проснешься утром –
Улыбнись!
Скажи за все СПАСИБО Богу,
Благодаря, перекрестись
И продолжай свою дорогу!

СЛЫШУ ТИХОЕ ДЫХАНЬЕ...

Слышу тихое дыханье,
Меркнет бледный лунный свет,
Мысли, чувства и желанья
И ненайденный ответ
Потерялись в мраке томном,
Где обитель тленных дум,
В ветре буйном и бездонном,
Уносящем чувства в глушь.

Мысль за мыслью, дни за днями,
Тени на пустой стене,
Древо хрупкими ветвями
Музу призовет ко мне.
Тихо капнет дождь на руки,
Тихо скажет мне – «не плачь»...
Снова боль, страданья, муки
Снова время неудач...
Предсказало мое сердце,
Что не сбудется мечта,
Нет от неудачи средства,
Он не тот, и я не та...
Мы не те, но не другие,
Нет любви у нас в сердцах,
Мы не вместе, мы – чужие,
Нет доверия в глазах.
Мне не страшно потеряться,
Мне не страшно вновь упасть,
Я боюсь одной остаться,
А бессилье – это власть?
Говорят – любовь прекрасна,
Это – просто лишь слова.
Слезы пролиты напрасно,
Бесполезная молва...
Каждый раз холодной ночью,
Сидя молча у окна,
Я пишу вот эти строчки,
С ними горе пью до дна.
Я пытаюсь жить, но вряд ли
Я смогу так дальше быть.
Боль, возможно, и иссякнет,
Но не даст себя забыть:
Нет любви без испытаний,
Раз не любишь – стынет кровь,
Нет любви без терзаний,
А иначе – не любовь!
В небе – ледяные тучи,
Сплошь – мороз и синева,
Вот померк последний лучик,
Тень виднеется едва...
Слышу тихое дыханье,
Стрелки рвутся в вечный путь,
Мысли, чувства и желанья
Снова не дают уснуть...

ЮЛИЯ КЛЮЧНИКОВА

ТЫ – ПОСТУЛАТ МОЕЙ ДУШИ

Со мною спорить не спеши,
Ведь жизнь и так сквозит дилеммой,
Ты – постулат моей души,
А я, наверно, теорема.

Меня доказывать нельзя
Посредством мыслей невесомых,
Какая скучная возня,
Я лучше буду аксиомой.

И мы с тобой, плечом к плечу,
Как пара истин, безусловно,
Задув преграды, как свечу,
Источник связи установим.

Из разных сфер чужих наук
Определим вселенский разум
И создадим наш общий круг,
Ведь мы с тобой равны по фазам.

Но очень скоро ты поймешь,
Что титул мой совсем непрочен,
Лишь на обертке сбережешь
Словесных форм моих неточность.

Да, это блеф, но докажи,
Что есть всего одна проблема, –
Ты – постулат моей души,
А я – гипотеза не в тему.

БЕСПЕЧНОСТЬ

Ты – как беспечный танец при свечах,
Как горький сахар на моих ладонях,
Как легкий импульс белого луча,
Как ток миров, но, жаль, потусторонних.

Непостоянством скована печаль,
Ревет без смысла, еле-еле дышит
И ждет, что чья-то крепкая мораль
Тот детский плач хоть как-нибудь услышит...

Но все напрасно. Выпита до дна
Любовь. Довольно, наигрались в прятки.
Одна беспечность ветреного сна
Гуляет с видом полного достатка...

* * *

Я с тобой у святых врат,
Без тебя сторожу сон.
Если есть на земле ад,
Почему без огня он?

Мы с тобой из огня, знай,
И придется всю жизнь тлеть.
Если есть на земле рай,
Почему с ним идет смерть?

Потому, что земля – мост,
Ею правит людской грех,
А на небе не счесть звезд,
Так давай же лететь вверх!

Не бояться упасть вниз,
Если там еще есть Бог.
Почему так слепа жизнь,
Что похожа на злой рок?

Потому что, кто зряч – нем,
А кто может сказать – глух,
И не знаешь порой – с кем
Остается святой дух...

Но Господь все равно рад
Был бы знать, что хоть здесь, в снах,
Я с тобой у святых врат
Убиваю земной страх!

* * *

Солнечное «здравствуй»,
Лунное «пока»,
Уплывает счастье,
Словно облака,

И по зову сердца
В храм святой манит,

Чтобы вновь согреться
Радостью молитв.

УХОЖУ

Ухожу от судьбы молча
По бескрайним сухим веткам,
Чтоб вернуться затем ночью
В город счастья и слез редких.

Ухожу, обойдя финиш,
По касательной вновь к старту,
Где тропа началась жизни,
Притворилась судьба театром.

Ухожу на его сцену,
Чтобы крикнуть во весь голос –
Ты бессмертен, а я тленна,
Если хочешь, то я скроюсь

И уйду босиком к смерти,
Помяните хотя б словом,
Только вы все равно верьте, -
Уходя, я приду снова!

КАК ПРОСТО

Как просто быть сложной, со временем в ногу
Идти осторожно по скользким дорогам,
Споткнуться неловко, назад обернувшись,
И раненым волком в отчаянных душах,

Мелькнув, между прочим, остаться надолго
Дыханием ночи. Как просто быть волком!
О вечных вопросах слагать афоризмы,
Счастливая проза игрушечной жизни.

Я в ней понарошку хочу быть великой,
Послушною кошкой, дарить вам улыбки.
Стараться быть лучше, и вдруг, в этом счастье,
Понять, что игрушка была настоящей!

* * *

На костре одиноких дум
Все сгорело уже дотла,
И не важно, в каком бреду
Оказаться душа могла.

Если хочет, пускай горит,
Если смертна, пускай живет,
Но с огнем заключив пари,
Пусть забудет про свой полет.

Захотелось ей вновь тепла? –
Полетела во мрак на свет.
Пусть почувствует, как сожгла
Свои крылья, их больше нет.

Но не стоит пылать в аду,
Собирая остатки сил,
У костра одиноких дум
Греть надежду, которой жил.

Твоя жизнь до конца в игре.
Если хочешь играть – играй,
Но и в ней, целиком сгорев,
Не забудь постучаться в рай!

* * *

Мы вернемся ненадолго,
Чтоб остаться насовсем.
Так бывает – с чувством долга
Перед осенью проблем
Мы идем своей дорогой,
Каждый – разной, но когда
Мы вернулись ненадолго,
То остались навсегда!

ДАВИД РУСИШВИЛИ

ЛУЧ

На закате иллюзий, под песками времен,
Через тайны судьбы, разрывая забвенье,
Луч надежды мерцает, блеском райским меча,
Позабыв про судьбу и слепое ученье...

Он застыл над землей, устремивши свой взор,
Полный страха пред тьмой и немою печалью,
Нет коварства и лжи, нет тщеславия в нем,
На вершине миров, поглощенный моралью...

На свободы алтарь отдал сердце свое,
Тени муки и пыток коварных на лике...
Отрицание боли, взор – презрительный стон,
Дань сполна отдана, спит земная обитель...

Меж тьмы холмов, где волчий вой,
Как песнь забвения звучит,
Где сон дракона, мир иной
Хранят безмолвье и нефрит,
Падет слеза шальной мечты,
В чью силу верит лишь одна
Душа беспомощной судьбы
И кровь на лезвии ножа...

МЯТЕЖНИК

Вновь закаляя сталь судьбы,
Взывая к праотцам надежды,
Молясь о будущем мечты,
Предстал перед крестом мятежник...

Впервые пал он ниц пред ним,
Презренья полон и печали,
В душе огонь, в глазах слеза,
На сердце шрам, клеймо печати...

Там, где тщеславие царит,
Там, где раздумьям нет явлений,
Пропаший в бездне лживой тьмы,
Аскетом был без сожалений...

Сквозь шепот ласки лицемерий,
Осевшей в разуме твоём,
Слепой глупец, вассал смятений,
Сраженный сердцем – не клинком...

Сквозь пыль реальности – ко снам,
С потухшим взором убеждений,
Под видом странника к мечтам,
Без нежных слов, без умилений...

Последний взгляд, и выбор сделан,
Но крик раскаяния в нём...
Крест брошен, а страх смерти предан,
Сраженный сердцем – не клинком...

Вновь закаляя сталь судьбы,
Взывая к проотцам надежды,
Молясь о будущем мечты,
Предстал перед крестом мятежник...

ЗАБЫТЫЕ ПЕРГАМЕНТЫ СУДЬБЫ

Когда, на горизонте чувств и боли,
Печали луч пронзит грехи твои,
И вместо слез падут вновь капли крови,
Неся с собой иллюзию любви...
Когда сомненья рвут на части сердце,
Желанные слова – удел мечты,
Отвергнутые разумом, бессмертны,
Забытые пергаменты судьбы...
Когда печаль, и кажется все вечным,
И между строк не видно пустоты,
Хотелось бы взлететь и быть беспечным,
Но суть души теперь глаза твои...
Когда не пал пред богом и пред тьмою,
Не стал вассалом алчности и лжи,
Встав на колени, был казнен тобою,
Сам подписал пророчество судьбы...
А ты не вникла в смысл, все быть может,
Но мне судить нельзя теперь уже,
И путь один – забыть, забыть, но все же,
Вина моя, сказал я «нет» мечте...
И час пробил, песок времен опять утерян,
Листок, перо, бокал вина, потухший взор...
Вдали мелькает силуэт старца плебея,

На грань свободы, тень души, судьбы надзор...
Тогда на горизонте чувств и боли,
Печали луч пронзит грехи твои,
И вместо слез падут вновь капли крови,
Цена забытой алчности любви...

ТОРНИКЕ СИМОНИШВИЛИ

* * *

Густые тучи проглотили солнце.
Первый дождь,
Нервный срыв,
Вникаю в сны,
Мокрые ласки весны,
Зачатые в подсознании гласные и согласные,
Складываются в предложения,
После очередного сражения,
Кровоточат раны,
Потерпел поражение,
Впрыснут яд,
Искусан тонкими, острыми зубами Я!
Вкусно? Вроде да...
И глодал эти искусственные чувства,
Глотал жадно страсть ароматную,
Играл...
А ты не знала... даже не подозревала,
Игриво поддавалась,
Пути к тебе давно были истоптаны,
Финиш, конец, стоп...

* * *

У самих себя веру украли,
Теперь ходим по краю,
Где-то между адом и раем,
С улыбками на лице умираем,
Мечтаем, хотя знаем, что не сбыться мечтам,
Продолжаем двигаться,
Хотим всплыть на поверхность,
Из этой тьмы выбраться,
Бродим по улицам ветхим,
Здесь искренность редкость,
Не мы такие, -

Время такое,
Верим, нас оставят в покое,
Мы не клоны, оттого не идем на поклон,
Не бойтесь, мы не тронем ваш трон,
Не то у нас нутро,
Наша правда в словах,
Ваша – в цифрах,
Нашли смысл в заблудших мыслях,
Надеемся, что в этом неравном бою выстоим,
Ну же, сложите оружие,
Тут же был рай когда-то,
А теперь земля служит могилой нашим ребятам,
Волки отправляют агнят на бойню,
Увы, отравлены умы,
Нагло обмануты мы.

* * *

Слезы, как ножи, режут щеки – больно!
Она говорит сама себе – «Держись»!
Тебе еще долго предстоит жить в мире лжи,
Дрожит...
Прошу, источник тепла ей покажи,
В этой игре она – наживка,
Потеряла свое «я» в болоте зыбком,
А мне просто нужна ее улыбка,
Нужен голос – тонкий,
Руки нежные, таинственные, как вселенная, глаза,
Не отнимай,
Ты ведь сам нас чем-то большим, чем чувства, связал...
Где-то выше небоскребов
ветры с утра и до вечера мнут белые облака,
Время латает драные раны,
О прошлом напоминают шрамы,
Их не стереть, не смыть...
Мои сны только нам двоим ясны,
Когда мы вместе, то проспекты тесны,
Межсезонье подарит нам прохладу весны...
Готов отдать жизнь... готов убить за тебя,
Я всегда буду тебя...

ЛЕВАН ТОДАДЗЕ

КЕРОСИНОВАЯ ЛАМПА

Я старик, поседевший от пыли,
И когда-то забытый в углу,
Где бывшие покинули силы,
А паук натянул тетиву.

Я обуза, и выбросить жалко,
Ох, какой же жестокий удел...
И нужнее меня даже скалка,
А когда-то для вас я горел.

Я старался сгорать до истока,
Чтобы вам подарить теплоту
В час ночной, в час забытый и Богом –
Быть заменю светлomu дню.

А теперь ни наград, ни заботы –
Я в углу обрастаю судьбой.
И не требую клятвой свободы,
Зажигайте меня лишь порой.

Я был рядом и в праздник, и в беды,
Освещая тернистый ваш путь.
И писать помогал я поэтам,
Постигая их тонкую суть.

А потом, заменила вот эта,
Без души, зато яркая тварь.
От меня недостаточно света,
От меня только копоть и гарь.

И меня положили на полку,
Ни на что не пригодную вещь,
И кричать, и кряхтеть уж без толку,
А в боку моей мятая брешь.

ДРУГИМ ОГНЕМ

Откуда я сегодня, снова пьяный,
Иду домой в истоме и в бреду?
Я помню, пели песни капитаны,
Отметив, чью-то новую звезду.

Я помню, лица улыбались дико,
Качался хмель устало над столом.
Я помню звонкий звук веселых криков,
И пьяных женщин, дышащих вином.

Еще я помню, что хотел забыться,
Спускаясь в мрачный ворот кабака.
А демоны здесь предлагали спиться
В союзе виски с пачкой табака.

Я заливал чужую боль словами,
Свою лечил дешевым вискарем.
В меня бросались пошлыми стихами,
Но мой бокал пылал другим огнем...

ПОЗВОЛЬ МНЕ БЫТЬ ТВОИМ

Я живу одной твоей душой
Я в тебе одной ищу ответы.
Может, мне не быть твоей судьбой,
Но позволь мне быть твоим поэтом.

Буду целовать твои уста –
Не рукой, так вязью междустрочий.
Без тебя лишь пустота листа,
Бросит меня в холод белой ночи.

Сорванный, покинутый листок,
Потеряв навек родные дали,
Я нашел тебя, мой нежный рок,
Совершенство сотканых деталей.

Издали коснусь своей мечтой
Твоего негаснущего света.
Может, мне не стать твоей судьбой,
Но навек я стал твоим поэтом!

КУТАИССКИЕ МОТИВЫ

Скалы, горы, мостовые
Глыбы – белые цветы,
Памятники – как живые,
На камнях растут стихи.

И Риони, в беге пьяном,
Навевает теплым сном
Век могучего Баграта
Терпкой кровью, как вином.

Как молитву, с чашей полной,
Тамада промолвит тост,
Этот город – весь застольный,
На цепях – висячий мост.

Неба синь лизнет просторы,
Хрупких облаков эфир
Рассыпается на горы,
На Гелатский монастырь.

Отчий дом стоит склонившись,
Постарел былой гигант,
И ссутулился, как нищий,
Поседевший истукан.

Но еще из ветхих окон
Льются песни родником,
Этот город сердцем соткан,
Славен Золотым Руном.

АЛЕКСАНДРА УГРЕХЕЛИДЗЕ

* * *

Мир долго-долго плакал
под одеялом ночи,
А звезды гордо свыше
тьму раздирали в клочья...
Все больше задыхаясь,
гонцы осенней стужи
по свету разносились
и исчезали в лужах...

И псы, - посланцы мрака, -
распахнутые пасти,
В них столько зла и боли,
так много тайной страсти...

Накрашенные губы,
заточенные ногти,

До душ вонзились в кожу
сердце голодных когти...

Толпа без лиц и качеств,
у всех тела дрожали
В объятьях черной кожи,
в тумане дыма,
утром,
Они, как дети, спали...

И блики лунной стали,
огни что так устали,
Затихли, уложились
И мирно отдыхали...

* * *

Откололся от солнца, от сердца, от боли,
В нем больше нет жизни, нет страха, нет воли,
Он бросился в небо за птицами вслед,
И нет ни вопросов, ни слез им в ответ...
Он был твоей лаской, под сердцем таясь,
Но ласку душила людская, та грязь,
В которой утопится скоро весь свет,...
Малыш не родится... его больше нет...

Я бросил курить,
Я бросил играть,
Я бросил грешить,
Я бросил дышать!..

* * *

Вот пень,
Стоит себе в тени,
Он не горит
и он не светит,
Идущий мимо по тропе
его, наверно, не заметит.
На мною заданный вопрос
Скажите,
кто же мне ответит?...
Ну почему счастливей всех
Живется пню на белом свете?!

АНДРЕЙ ЦХВЕДИАНИ

За тишайшей стеной лес хранит свой устав
На закате мы входим, как в сказке. Темно
Брат срывается в чащу, - я его за рукав,
А глаза выдают – с лесом дружит давно.
Я тасил его к людям, молился, ругался,
И тогда мир сменил свой привычный окрас

Тот лиловый закат никогда б не забыть
Сын с отцом на попутке подкинули нас,
Мы вошли в городок, когда он еще спит,
И планета с людьми мне понравилась.

Истлевшее слово «клянусь». Огрызок от слова «любовь».
Покрытая плесенью вера. Годами немывтая кровь.
Тебе тоже будут дарить!? Я верность по крохам собрал,
И скрежет ученых шагов мне слушать о боли мешал.

Ты слышишь те сказки без слов,
они без счастливых концов.
Так хочется тихой тоски из эгоистических снов.
Но это унылая блажь, она нападает порой
Воскресший бродяга из наших.
Он тоже хотел быть как Цой.

Придурок в моей голове стремится познать, чего нет.
А сердце все тянет в Тибет.
Твердит: «Ты – ненужный поэт!»
Знакомое место Земля. Знакомое Солнце – зенит.
Мой двадцать девятый ночлег позорно в берлоге скулит.

Эй, люди, живущие жизнь, поющие песни «страстей».
Примите меня, горемыку, в бродячий оазис детей.
Я больше не буду глотать объедки от божьих пиров
Я их аккуратно снесу к останкам священных коров

Ликует, ликует власть. Страной управляет плен,
Свобода скупой слезой поднимет меня с колен.

Когда душа несется в пропасть,
Запоминай свои желанья,
Ты в страхе думаешь о главном,
И это путь прямой к признанью.

Но в суете все ускользает
Уверенность в дальнейшем шаге
И ты спешишь, изобретаешь
Тупую лень к ненужной тяге.

Деревья слышат наши души
А мы в гостях на их планете
Мы полубоги, получерти
Мы жрем тепло и правду душим.

Святые слепы к виноватым
И зорко чувствуют признанья.
Мы слишком часто забываем,
Кто помогает нам в исканьях.

Кто на себя берет чужие
Гнилые мысли и поступки
И продлевает равновесье,
Чтоб мы успели бросить шутки.

И кто следит за ходом мысли?
Кто цензор нравов и морали?
Немой колдун в степях печали –
Страх ветром на подмогу вышел.

Где забродившая отвага
В родимых кандалах поспела,
Кто не нашел свое призванье –
Кончай роптать, идем на дело.

Таких наград, как утешенье,
В системном мире передраги...
Мы ищем брошенные стяги
Чтоб не придать позор забвенью...

Ты слышишь брань и обвиненья
Им верят сытые плебеи,
Змея в аптекарской идее –
Библейский символ поведений.

Наташе

За пеленой воспитанной духовности
Ты думаешь, что важно для меня,
Я полюбил ребенка в безысходности,
Учусь ценить, оковами звеня.

Тебя согреет мысль одна заветная
На свете есть убогий человек,
Он понял – не бывает безответных
Продрогших душ, не жаждущих опек.

Моя судьба с твоей была повенчана
На месте первой церкви на Руси,
Уж не от нас зависит, что мы вечно
Петь будем наше: «Господи, спаси!»

Я задыхаюсь без тепла. Мне не дают мечтать о рае
Здесь матерщина власть взяла. Слыхал ли ты об этом крае?
Мой друг художник и поэт. Не признавал тепла иллюзий
Он требовал один ответ: «Какая правда в сытом пузе?»
Я верю тем, кто скорбью сыт. В последней стадии неволи
Кто жаждой правды знаменит. И знает цену слову «боль»
Приди в себя, моя душа. Очнись от вавилонских басен.
Чем ты гордишься, чуть дыша?
Пойми все ложь, уклон – опасен.
Я понял, что не страшно жить. И умереть уже не страшно
Я верю, вера будет быть. Тепла охрана – это важно.

ИНГА ЧХЕИДЗЕ

* * *

За что мы их любим? Да просто «за что-то».
Возможно, за то, что у них есть работа,
Возможно, за то, что сильнее и выше,
За то, что, обнявши, нам в волосы дышат;
За то, что заметят, когда мы в печали,
За то, что в мороз свою куртку нам дали,
За то, что не прячут испуганно взгляда,
Они не боятся и знают – так надо;
За то, что их спины всегда словно крепость,

За то, что считают, что лифчик – нелепость,
За то, что режем, когда с ними в разлуке,
И просто... наверно... за теплые руки.

* * *

Сегодня я вышел из дома,
Просто брел неизвестно куда,
В оглушающей ярости грома.
По асфальту струилась вода...

Я промок... Не беда... Ну и что же...
Я и так словно где-то на дне.
Сел на камень... Внутри что-то гложет...
Вдруг собака подкралась ко мне.

Подбежала и рядом присела,
Тихо глядя мне прямо в глаза.
А во взгляде ее чуть блеснула
Не пролитая мною слеза.

Я не плачу. Не плакал. Не стану.
Я сожму все мечты в кулаке.
И продолжу зализывать раны
В черно-белом собачьем мирке.

НАВЗРЫД

Я ночью опять ревела...
Навзрыд... И ругалась матом...
Не помню, зачем, как долго,
И на фиг мне это надо...

Потом улыбнулась бодро,
Стирая тушь с подбородка...
«Не парься!» – друзья говорили...
«...Терпи, терпи, идиотка....»

* * *

Малыш, посмотри, какое красивое небо,
С оттенком тех роз, что ты мне подарил в первый раз...
Не помнишь те розы? Ах, ты в настроении не был...
А я-то от них не могла оторвать тогда глаз!

Малыш, посмотри, как ласточки тонут в лазури...
Ой, это не ласточки, это лишь пара сорок...
Не любишь сорок? Ну что же ты все еще куришь...
Да ладно, кури... Колечком не пустишь дымок?

Малыш, посмотри, на небе звезда появилась!
Не видишь? Вон там! Чуть правее, правее гляди!
Куда ты идешь? Ах, сестра, наконец, дозвонилась...
Постой! Не споткнись! Видишь, камень лежит впереди...

Малыш, ты вернулся? Садись-ка обратно на травку...
Не хочешь? Да... ясно... ноги уже затекли...
Как там сестра? Надеюсь, идет на поправку?
Знаю, что дорогого... Ей они хоть помогли...

Малыш, посмотри, на воде золотая дорожка...
Красиво, ведь, правда? Мир солнце вручает луне...
Домой? Что ж так скоро? Давай посидим хоть немножко...
Тебе надоело? Конечно-конечно... и мне...

* * *

Ведь хочется, бывает, без причины
Реветь... рыдать... пинать ногами стены...
Кричать... ну, или перерезать вены...
Или твердить – виновники мужчины...

А, может, тут никто и не виновен,
А, может, просто так порой бывает,
И, может, Бог все это понимает...
Но кто же рая просто так достоин?

Мы

Хочешь, тихо тебе спою,
Чтобы ты поскорей уснул?
Хочешь, руку возьму твою,
Сяду рядом с тобой на стул,
И всю ночь буду так сидеть,
Просто тихо дышать с тобой,
Просто в душу тебе смотреть,
Улыбаться... ведь ты со мной...

Хочешь, будем встречать рассвет,
Забирая у солнца луч?

Хочешь, миру мы скажем «нет»,
Прячась вместе под тенью туч...
Хочешь, трону тебя рукой?
Нежно-нежно коснусь щеки...
Или рядом со мной постой,
Чуть касаясь моей руки...

Не мечтанья это сейчас...
Это даже уже не сны...
Просто нет никакого «нас»...
Просто нет никакого «мы» ...

Я не видела твоих глаз,
Я не видела этого взгляда.
Умоляю, прости, что ни разу
Не взгляделась в тебя так, как надо.

Я смеялась над тем, что болит,
Без тебя свою жизнь проживала.
Я не знала, что мир твой горит,
Ничего о тебе я не знала.

Почему же сейчас ты мне рад,
И когда я глаза закрываю,
Подбирается твой аромат,
И ладони твои обнимают.

Ты, наверно, отдал бы себя,
Но дай Бог, чтоб ты это не сделал.
Пусть сначала пожертвую я
За тебя всей душою и телом.

ИЗБРАННЫЕ
ПОЭТЫ
ЗАКАВКАЗЬЯ

АЛЛА АГАЕВА

НЕЧТО О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ

Жил-был когда-то некто –
Его никто не знал,
А он писал сонеты
И сам себе читал.

А он писал поэмы
На множество листов...
Не звал себя поэтом –
Боялся громких слов.

Ни зависти, ни злобы
Не ведал он в глуши,
Ведь он родился чтобы,
Как все свой век прожить.

Весну сменяло лето,
Цвели цветы во ржи...
И канул в бездну Леты
Кто неприметно жил.

Стал пылью придорожной
Стал гулким громом гроз,
Стал миром этим сложным,
А был ведь тих и прост.

Его предназначенье
Оправдано с лихвой:
Весенних вод теченьем,
Трепещущей листвою.

ТОФИК АГАЕВ

ИРОНИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

КОНЧИКОМ ПЕРА

Писатель, одним словом,
Охотник он за словом:
Стреляет кончиком пера...
Ни пуха, скажем, ни пера!

* * *

Белозубые стишки, -
Вот и все его грешки.

МОРЩИНЫ СТРОК

Жизнь нам дарит суровый урок,
Что морщины написанных строк
Не разгладит глянец бумаги,
Если в мыслях нету отваги.

ПИШИ СТИХИ

Пускай ты с бородою,
(А может быть, с усами),
Пиши стихи порою,
Но не пиши стихами.

РАЗНЫЕ ПЕСНИ

И сегодня небесным птицам
Вавилонская башня снится.
Разлетелась она в пух и прах:
На разных птицы поют языках.

СЕРГЕЙ АРАНОВИЧ

БЕДНЫЙ РОМАНТИК

Я – бедный романтик,
асфальтовый кактус.
Бьют ветры Атлантик
в мой джинсовый парус
Я с медью в кармане
богаче банкира.
С портвейном в стакане
пьянее сатира.
Мой клеш подметает
паркет и брусчатку.
Мой череп вмещает
Перу и Камчатку
Жую континенты,
алкаю озера,
леплю монументы
и крашу заборы.
Я, если «стреляю» –
не больше червонца.
А если копаю,
то яму колодца.
Мне надо немного –
голубенький шарик
в кармане у Бога
тихонько нашарить.
Повесить на шею
на ленточке Солнце.
А вдруг не сумею...
А вдруг унесется!
Неловко завязанный
бабочкой бантик,
голубенький шарик,
и бедный романтик...

АЛИЯ АХВЕРДИ

ВЕСЕННЕЕ

Стихи есть терапия для глупцов:
В моря бежав от пепелищ и храмов,
Их жизнь плывет тяжеловесной драмой
Под злые песни каторжных гребцов.

Счастливый раб, не выпущу весла.
Не надо ни поблажки, ни отсрочки.
Ты думаешь, весна не стоит строчки?..
Ах, эта сумасшедшая весна...

ЛУНА

Научилась луна обволакивать души предметов
Фиолетовой дымкой, меняя их форму и свойства.
Заполняется комната, словно аквариум светом –
Настоящий потоп, но без паники и беспокойства.

Вновь земное с небесным, шутя, поменялись местами.
В душевной чаще полуночи день забывается напрочь...
Мы, как лунные рыбы, лениво колышем хвостами,
Подплывая друг к другу –
удобней устроиться на ночь.

АЛЛА АХУНДОВА

(Азербайджан – Россия)

ПОЛУКРОВКА

Да, полукровка!.. Да, отсевок,
Больной дичок среди деревьев.
Пою заплачки русских девок
И песни азиатских дев.

Меж двух отчизн –
мое сиротство,
Безродность – между родин двух.
Их двуединство, двунесходство,
Как двоедушия недуг.

И в две земли пуская корни,
Судьбы своей не назову,
И две струны нащупав в горле,
Я ни одной не оборву.

Мне две даны. И я не смею
Одну из горла вырывать.
И пусть одна звучит сильнее,
Но той без этой не звучать.

Ни двуязыкой, ни двукровкой
Я называться не боюсь...
Ужель боюсь, что черной коркой
Я к хлебу белому леплюсь?..

САЛИМ БАБУЛЛАОГЛЫ

* * *

...Поэты, вы не поэты,
поэты, вы не создатели,
вы – всего лишь фиксаторы,
фиксаторы гармоний и дисгармоний,
и всех нас, живущих в пространстве вещей,
реалий, деяний,
образов, наших реальных деяний –
фиксаторы.

...Поэты, вы не поэты,
поэты, вы не создатели,
несмотря на присутствие железа в крови,
вы самые нежелезные антенны,
вы – всего лишь версификаторы
пустяковин,
мистификаторы обычной были,
фальсификаторы вы, увы...
Но только не создатели вы.

* * *

Назовите мне
розничную цену одной человеческой жизни,
и я вам назову оптовую стоимость целого мира.
И если вы по известным вам правилам арифметики
сопоставите результаты,

то несоответствие, что бросится вам в глаза,
скажет об отсутствии искомого –
любви.

НАИЛЯ БАННАЕВА

* * *

Хватаю музу за края хламиды:
Остановись и позабудь обиды!..

Я недостойна, да, я знаю это –
Но ты прости по блату,
как поэта.

Я распляжусь, перенапрягаюсь
И отвлекаться снова зарекаюсь.

А ты уходишь. Как всегда – навеки.
Пойми: мы все такие, человеки.

Где встретишь ты сосуд светлей и чище:
Душа принцессы плюс
финансы нищей?..

– Ты не уйдешь, плутовка!..
Ты смеешься,
А значит, вновь со мною остаешься.

МАНСУР ВЕКИЛОВ (1939-2008)

* * *

Стих – янтарь,
Пропеченный солнцем.
Он сочится из раненых сосен,
Тихо каплет морю на дно...
И лежать ему суждено
До поры, как осядет мутность
И впитает он моря мудрость...

* * *

Александр Сергеевич!
Я – из племени
Незнакомога,
Правда, уже не молодого,

Сквозь все громовые раскаты времени
Слышу Ваше чистое слово.
Оно сегодня находит русло
В фиордах и аравийских песках,
Но я, азербайджанец,
Обращаюсь по-русски
К Вам, говорящему на всех языках.
Я к Вам обращаюсь по-русски
И счастлив,
Но был бы я пред народом в долгу,
Если б Онегина по-азербайджански
Не научил разговаривать
Самед Вургун.
Сродни Фархаду-каменотесу,
Он Вашей поэзии звонкий ручей
Вывел сквозь Кавказа утесы
В жаркую синь Муганских степей!

ПАМЯТИ ПОЭТА ВЯЧЕСЛАВА ЗАЙЦЕВА И ВО ЗДРАВЬЕ ЕГО ТЕЗКИ

В нашей современной кутерьме
Славен не поэт, а не кутюрье.
Так что ты не обессудь уж, Слава:
Мода – конъюнктурная шалава.
Дон-Кихота ржавое копье
Променяв на стильное тряпье,
Может быть, она права отчасти –
Мельницы крушить не в нашей власти.
Пусть поэт стремится к небесам –
Именно куда – не зная сам...

* * *

Если нету виноватых –
Кто в ответе? –
Будь Европа то,
Америка иль Азия...
Перед Богом –
Отче нашим

Все мы – дети:
Согрешившие,
Сопливые,
Чумадые...

ТАМАРА ВЕРЕСКУНОВА

* * *

...А стих всегда бывал пророком,
Предчувствуя беду до срока...

ДАЧНОЕ ЛЕТО АННЫ АХМАТОВОЙ

В то лето муж не унимался,
За юной барышней гонялся,
И пока он творил грехи,
Она чеканила стихи.

М. ЦВЕТАЕВОЙ

Марина Цветаева, Вы – в аду:
Грехов у вас немало.
Я тоже туда попаду –
В раю будет лишь моя мама.

Когда из кошмара в кошмар отлечу,
Средь стонущих и кричащих
По сжатому рту Вас отличу
И по крыльям горящим.

* * *

Светит платан в серости дня,
Дождь втихомолку ходит.
И беззащитная песня моя,
О быт ушибаясь, бродит.

У меня в гостях осень теперь –
Радуюсь тихой малости,
И уже не плачу от обид и потерь,
А лишь от красоты и от жалости.

ЭНАР ГАДЖИЕВ

НАСТРОЕНИЕ

Листья желтели и падали,
Пря на мокром асфальте,
Напоминая безрадостно
О неизбежном офсайте.

Это – отнюдь не о смерти ,
Это – о юности память,
Той, что в земной круговерти
Вспомнится – джазом, стихами...

Снега зима не допросится –
Нет ей вьюжного старта...
Наша бакинская осень
Тянется долго, до марта.

Словно в машине времени
Я возвращаюсь в юность,
И нет уже возраста бремени,
И я, как тогда, волнуясь.

Звякнут памяти звенья:
Октябрь шестьдесят второго
Троллейбус вершит круженье,
И жизнь упоительна снова.

И снова рэгтайма аккорды,
И ноты в синкопных осколках,
И я по ночному городу
Провожая девчонку с челкой.

СЕВИНДЖ ГЕЙДАРОВА

ЗАЧЕМ?..

Не умирайте ж все подряд,
Что за напасть – кругом могилы...
И я смотрю, смотрю назад,
Где все еще вы живы были.

И я лишь одному дивлюсь –
Нет объяснений точных:
Зачем так крепко я держусь
За этот мир порочный.

* * *

Все былое бы сжечь дотла!..
А когда уляжется мгла,
Из бесшумности пепла
Белой выпорхнуть птицей бы
Мне...

ВЛАДИМИР ГОМОЗОВ

КОГДА УЙДУ

Когда уйду во тьмы обитель,
Когда не станет вдруг меня,
Судьбы за это не корите –
Все воздала мне жизнь сполна.

Мой пес отслужит панихиду,
Отвыв по мне за упокой.
Надежду, веру и обиду
Я унесу в тот мир с собой.

В тот день жена моя у гроба,
Как прежде верность мне храня,
Застынув, глянет исподлобья,
Жалея грешного меня.

А ровно в полдень кто-то скажет:
– Пора, наверно, выносить...
И понесут меня без маршей
В молчанье скорбном хоронить.

...Ах, ради Бога, не молчите –
Хоть прозой, хоть каким стихом,
Но говорите, говорите
Вы обо мне, как о живом!..

Как я дышал, творил и думал,
Встречал с любимую рассвет.
Как чувства рифмовал и думы –
Ведь был я, помнится, поэт.

Так, ради Бога, не молчите –
Налейте доброго вина,
И добрым словом помяните,
Почтите грешного меня!..

АЛЕКСАНДР ГРИЧ

(Азербайджан – США)

БАКИНСКОЕ УТРО

Не так уж и важны
Свой дом и свой аршин,
Когда асфальты влажны
От поливных машин.
И пегий пес ничей
Приткнулся у стены,
И крепко пахнет чай
Из синей чайханы.
Не так уж и нужны
Поспешные труды –
Оранжевы, нежны,
Потеют армуды*.
Молоковоз, как танк,
По радио – «Маяк».
И продолжает шланг
Округлая струя.
Прохладно у воды.
И вялый норд несет
Великолепный дым –
«Аврора». Первый сорт.

** чайные стаканы грушевидной формы для традиционного чаепития*

Теймур ГЫЛМАНОВ (1964-2006)

МАРДАКЯНЫ

Когда попадешь в Мардакяны –
Без разницы в снег или в дождь –
Ты ходишь от воздуха пьяный
И знаешь, что здесь отдохнешь.

Сюда ведь порою весенней,
Под крыши древесный настил
Приехал когда-то Есенин
И с радостью долго гостил.

А там, где когда-то был домик,
Теперь Ботанический сад,
И люди есенинский томик
Берут и к воротам спешат.

У улицы есть его имя,
А если свернуть в поворот,
Увидишь в сиреновом дыме
Тот дом, где отец мой живет.

Когда из Баку приезжаю,
Отец наливает мне чай.
Собаки залиvisto лают
И лапами мнут молочай.

Пьем чай и сражаемся в нарды,
Собаки лежат на боку.
И как ученик из-за парты
Спешу,
 уезжая в Баку.

Отец продолжением в сыне
Живет, и надеется, ждет
Когда же, в сиреновом дыме,
Опять позвоню у ворот...

ПОЭТЫ

Поэты – это ангелы с небес
Сошедшие, чтоб нам помочь в юдоли.
Они чисты – и в этом тяжкий крест,
Нет выше и трагичней этой доли.

Они нам озаряют темный путь,
Свет крыльев их – как свет в конце туннеля.
И мы освобождаемся от пут,
И мы пьяны и счастливы без хмеля.

Нам не понять: зачем они пришли
К творящим зло привычно, без усилий.
И – ангелы становятся грешны,
А бездна прячет сломанные крылья.

ВЯЧЕСЛАВ ЗАЙЦЕВ (1924-1990)

* * *

Ну вот... Сижу... Вымучиваю строчку...
Печальные настали времена.

А ведь, бывало,
суть и оболочка
сливались, словно с берегом волна, -
строка до дна
Прозрачна и ясна.

Добытый опыт,
даже он бессилён,
И он пасует перед новизной.

А я ведь был
настойчив и мобилен,
я думал:
время в сговоре со мной.

Куда ушли созвучия живые?
Дрожит неверный отзвук в тишине
того,
что смутно слышится во мне.
Ловлю слова незряче,
как впервые!

Куда девалось легкое паренье,
прозреньё мимолетное,
когда
является само стихотворенье,
как над землей вечерняя звезда?..

ДЕНЬ ПОМИНОВЕНИЯ ИМАМОВ

День поминания имамов.
За окном –
Высокий минарет.
Деревянной крестовиной рама
Врезана в медлительный рассвет.

У мечети
Горбятся устало

Древние в папахх старики...
По ночам доносятся с вокзала
Поездов призывные гудки.

Широко ты, Русь, распространилась,
По горам и долам пролегла...
Синим югом властно заманила,
А назад к себе не позвала.

День поминовения имамов.
За окном –
Высокий минарет...
Никуда мы не уедем, мама –
Поездов таких на свете нет.

ВЛАДИМИР ЗАРУБИН

(Азербайджан – Россия)

* * *

Кипели волны Карадага,
Летел песок, блестел мазут,
Моряны грозная отвага
Будила дальних странствий зуд.

Дымилось небо от заводов,
От гула ныла голова,
Казалось, что в свинцовых водах
Вот-вот потонут острова.

А море то ли горевало,
А то ли веселилось вдрызг,
Ему и дела было мало
До нас – его разумных брызг.

ПРОЩАНИЕ

В последний раз прошел я по Торговой
И попрощался с городом родным,
Забрав с собой его особый говор,
Не спутаешь который ни с одним.

В последний раз взглянул на панораму
Всего Баку с баиловских высот,
И словно впрямь:

«Не сыпь мне соль на рану...»
Сдавило грудь и вновь занял висок.

В последний раз, на оправдания тужась,
Как пред вратами Страшного Суда,
Я понял окончательно весь ужас
Того, что уезжаю навсегда.

ИРИНА ЗЕЙНАЛЛЫ

ДОРОГА

Я не знаю, о чем тут спорить.
Я себя считаю вне судей.
Кто здесь прима, а кто здесь втора:
Важно только то,
 что мы – люди.

Кто здесь нужный,
 а кто здесь лишний,
Кто тут гений,
 а кто – бездарность,
Это пусть решает Всевышний,
Осуждая и награждая.

И награда порой – не в почесть,
И страданье порой – не в тягость...
К бочке меда подмешан деготь,
В чашу боли долита радость.

И пускай за стеною горя
Мы порою не видим мира.
Наши ангелы – не суфлеры,
И – тем паче! –
 не конвоиры.

Ошибаясь и искупая,
Мы шагаем, каждый особо,
Потому что не спотыкаясь
Невозможно пройти Дорогу.

А Дорога выводит к храму,
Даже если не верить в Бога,
Ибо ангелы – не охрана,
А источники вдоль Дороги.

И устав от духовной жажды,
Мы однажды пойдем в итоге:
Все мы – братья
 не по талантам,
А по ангелам
 и Дороге...

ВИТАЛИЙ ИГОЛЬНИКОВ

ВСТРЕТИМСЯ НА ТОРГОВОЙ*

Вот и все, наконец,
Вот и все. Позади две границы.
Я теперь и не «наш»,
но пока, до сих пор и не «ваш».
Одинокий беглец,
забывая знакомые лица,
всюду ищет мираж,
что рисует цветной карандаш.

А здесь, где на фоне океанского простора
под сенью пальмы так блаженно и легко,
все о любви да развлеченьях разговоры...
Но от Торговой это очень далеко.

Я ступаю ногой
на холодные плиты Бродвея –
ты об этом мечтал
на асфальте родного Баку?..
А на Брайтоне вновь вижу
лица знакомых евреев –
в этом шумном кругу,
хоть на миг я забыться могу...

Закрыв глаза, опять пройду по Завокзальной,
мне океан блеснет каспийскою волной...
И по Торговой, многолюдной и центральной,
бреду к «Вэтэну»* я знакомой мостовой.

...Я немного обвык,
я уже говорю на английском.
Все, чем был я воспитан,
пришлось позабыть, поломать.
Ностальгический крик мой
порою становится визгом –
вновь по-русски склоняю
дотошного мистера мать!..

Там, где рекламы заменяют ночью солнце
забыть о прошлом и далеком нелегко,
и стать богатым, все никак не удается...
и до Торговой ехать очень далеко...

** бакинский «Бродвей» - старейшая центральная улица города
* букв. «Родина» - один из старейших кинотеатров,
расположенный на Торговой улице*

ИБРАГИМ ИМАМАЛИЕВ

* * *

Ты послушай, фонарщик, в ночи зажигающий звезды,
Слышишь –
стук топоров на кресте забивающих гвозди?
Слышишь –
штормы морей, ураганы?.. Лютует природа...
Слышишь –
рочот турбин, или, может быть, ропот народа?..

Ты же слышишь, я знаю, как звуки в ночи замерзают.
В небе жаркие желтые звезды, как прежде, мерцают.
Не напрасно твое волшебство –
чуду радуйтесь, дети!..
Нам по-прежнему светит луна, в небе звездочки светят!

Только, знаешь, служенье добру (не абстрактному, кстати)
Очень трудно. На всех одной жизни, пожалуй, не хватит...
Слишком многие звезды на небе себе расхватили,
Слишком многим, увы, безразличны чужие печали.

Исповедуя только добро, а не злу противленье,
Будешь бит ты нещадно по злему чьему-то веленью,
Вон, и лестницу жгут... А короткие детские ноги
Не осияют, поверь мне, фонарщик, до неба дороги.

Если думаешь что, так прими же мои заверенья:
Не нужна мне «корзина печенья и бочка варенья».
Я снимал эту жизнь аппаратом с названием «Практик»...
Я не Мальчик-Плохиш,
я – фонарщик соседних галактик!..

ДЖАВИД ИМАМВЕРДИЕВ

* * *

...Я вошел в тот давний двор сдуру,
Где под вечер от машин тесно.
Без шпаны и без блатных урок
В том дворе прошло мое детство.

Фантазерское мое детство
С той, зачитанной до дыр книжкой.
С этих книжек началось действие:
Мы гоняли со двора пришлых.

В нашем дворике жило племя
Доморощенных Чингачгуков,
Что пыталось поразить Время
Из своих игрушечных луков.

В общем, жили мы тогда славно -
Без оглядки и без испуга.
Чли мальчишеский закон главный:
Не предай, не подведи друга.

Нынче мы повзрослели и где-то
Стал другим уже Город Ветров
Разбросало по белому свету
Обитателей наших дворов.

Соучастников игр и сражений,
Героинь наших первых романов...
Все на свете стремится к сближенью,
Ну а мы разделились на страны.

Во дворах наших новые дети
В игры новые шумно играют –
Да, чудны, как все дети на свете...
Вот только книжек они не читают.

Будь же проклято силами Высшими
Время по ветру нас разбросавшее!..
Породившее и взрастившее
Поколение, книг не читающее.

ЕЛИЗАВЕТА КАСУМОВА

НАТАЛИ

Когда поэта погубили,
Пополз стишок, как ил со дна –
Вокруг судили, да рядили:
Она виновница, жена!

Когда б она была серьезней, –
Пусть даже не было измен, –
Не строили б поэту козней
Дантес и старый Геккерен.

Когда б не балы, туалеты,
И не кокетство, не игра,
Когда б она ушла от света
И удалилась от двора, –

Все было бы тогда иначе:
Развееялся б дурманый хмель,
Умолкли сплетники – и значит,
Не состоялась бы дуэль!..

Но кто б ее ни осуждал,
Да будет имя ее свято –
Он, умирая, повторял:
– Нет, Натали не виновата!..

И сквозь минувшие столетья,
Что между нами пролегли,
Твердит он:
– Я за все в ответе,
Не виновата Натали!..

ВЛАДИМИР КАФАРОВ (1935-2000)

* * *

Решаю следовать Гомеру
И по великому примеру,
Новокаспийский Одиссей
Ищу вступленья к оде сей.

Своя у каждого Итака,
Свой глазомер, своя атака,
А о Камнях* сказали так:
Здесь много сходится Итак.

О, аргонавты, аргонавты,
Куда бы вас ни занесло,
Могло бы и морского нафта
Коснуться кормчее весло!..

Вот – наши Камни, перед вами,
Я не хочу прослыть вруном,
Глядите сами – наши Камни
Покрывают золотым руном.

Кудряшки впитывают солнце,
Чтобы космически блистать,
И мне ослепнуть остается,
Чтобы Гомером местным стать.

** Нефтяные Камни – уникальный городок нефтяников на сваях,
который называли «Каспийской Венецией»*

* * *

Сегодня в гневе море
И чаек не видать.
О птице Неверморе
Подумалось опять.

И вот, заморский ворон
Ко мне проник и рад.
Не добрый гость, а вор он,
Распяленный пират.

Сын бреда и угара,
Свисающий с кашпо,
Брет Гарта иль Эдгара
(Ну да, Эдгара – По.)

Смешались Юг и Север
И вновь сошлись в упор.
Сиди на месте, Невер,
Молчи, паршивый Мор!

Довольно каркать, сядь-ка
С нервической тоской!
О, помоги мне дядька,
Мой пушкинский, морской!

ВАРВАРА КОНСТАНТИНОВА (1921-2011)

* * *

Поэзия, тебе не до меня...
Другим ты славу даришь и награды.
А мне бы только – горсточку огня,
Не всю грозу, а лишь грозы раскаты.

Костры и неисхоженная высь,
Хоть зной клубится или тьма ночная...
И чистый лист бумаги, словно жизнь,
Которую я снова начинаю.

ВЕЩИ

Какая мебель нам нужна,
Какие вещи нам нужны,
Узнала я в огне войны,
Среди тревог, не тишины.
Что в прошлом радовало взгляд,
Мне нынче стало не с руки,
И полированный сервант
Сменяла я на горсть муки.
Нет, не забыла до сих пор:
Отъезд внезапный подошел,
Как лишний вынесен во двор
Обеденный добротный стол.
И туфли вдруг не дороги...
(Не до изысканности тут!)
Ведь в грязь нужнее сапоги,
Которые не подведут!..

...Нас увозили поезда
Через заснеженную мглу.
В теплушке я спала тогда,
Не на кровати, на полу.
От беженцев пестрел вокзал,
Уже привыкший ко всему.
Почти у самых шпал стоял
Рояль, не нужный никому.
И приучало время то
К терпенью не меня одну...
И я ходила не в пальто,
А в телогрейке всю войну.

Был труд, похожий на бои,
Разлуки были, как стена...
Надела туфли я свои,
Когда окончилась война.
И нет мозолей на руках,
И шубу я ношу в мороз,
И ходят девушки в шелках,
Каких иметь мне не пришлось.

ВАЛЕРИЙ МАКАРЕНКО

ЗУРНЫ ПРОНЗИТЕЛЬНЫЕ ЗВУКИ

Душа полна безрадостной тоской,
Большой неисчерпаемой тревогой...
Нарушен наш сомнительный покой
Мелодией пронзительной и строгой.

Мелодия, как детский плач в ночи,
Как сердце, что так хочет жить и биться...
Зурна к душе взывает: не молчи,
Позволь своей печали в ночь излиться!..

Заполнив пустоту, мечту верни, –
Зурны, как будто, умоляют звуки.
Ростки надежды всходят из стерни,
Когда к земле прикладывают руки!

И призывая лишь Добру молиться,
Не зря все ноты до одной верны.
Возвышенна душа, прекрасны лица,
Внимая плачу тихому зурны!..

СИЯВУШ МАМЕДЗАДЕ

ПРИЗНАНИЕ

Человек с персидским именем,
тюркской кровью,
русским дипломом,
что с тобой у этой жизни
выудим, выманит,
и чего мы добились дорогой натруженной?..
Разве что скромной приставки: «Заслуженный»,
но кому это нужно,
скажите на милость?
Все замутилось, закрутилось...
Ты думал, что званье – броня,
индальгенция?..
Интеллигенция!..

БЕЛОЕ МОЛЧАНИЕ

Йордану Милеву

Ты помнишь белое молчанье
Внезапно выпавшего снега
В горах осенней Ленкорани,
Где снизошло на землю с неба
Такое белое молчанье?..

И мы невольно присмирели,
И даже детский крик случайный
Струился пением свирели,
И листья красные летели
В такое белое молчанье.

Ты помнишь, как молчали руки
Крестьян, сидевших в чайхане,
Как их речей скупые звуки
Сочились в чистой тишине,
В которой их молчали руки.

И лес с пылающей листвою
Прощался с осенью... Так мы
Простимся с праздничной порою
В преддверье жизненной зимы,
Как лес седеющий – с листвою...

(Ты говорил, на Филиппинах
Вручают премию Молчанья.
Речь опасается мельчанья
От праздных языков и длинных...
Ты говорил – на Филиппинах.)

Слова стыдились тишины,
Стояло белое молчанье –
Оно вернется после в сны,
Как наша встреча и прощанье.
Такое белое молчанье...

ЮРИЙ МАМЕДОВ

ПАМЯТИ ПОЭТОВ

*Когда придет пора покаяться в грехах,
Скажу, что не одну, как повелел Аллах –
Три жизни прожил я: одну – спасая тело,
Другую – дань любви,
а третью жизнь – в стихах.*

Аррани

Благословен полуденный будь час
И трудный поиск рифмы без изъяна,
И эти письмена, и дух Корана...
Поэты, я сегодня помню вас!..

Веками мысль из заточенья
Не находила выход в свет.
Терялся в мраке погребенья
Забывших стихотворцев след.

Но гробовую сень разлуки
И бремя безымянных лет
Разъяли ищущие руки –
И более забвенья нет.

Как эхо в отзвуке согласном,
Над пропастью в горах.
Живут стихи в порыве страстном
В людских сердцах.

Не затуманилась дорога
За облаками грез,
И от заветного порога
Ввела в цветник из роз.

ЭКРАМ МЕЛИКОВ

* * *

Я вношу последнюю плату
За себя. А кругом – стыть...
Люди радуются и плачут.
Людям – жить!..

Скоро, скоро уже за борт я...
Как вечно движение дней,
Отмечающее заботы
И столетние даты вождей!..

Но в конце, обделенный Судьбою,
Я замечу ей свысока:
– Мне не жалко прощаться с тобою!..
Жалко – губы, закаты, стога...

* * *

Врывайтесь в поэзию!..
Ах, вам не с руки
Окрашивать лезвие
Точеной строки?..

С поэзией, с нею,
С разбега – в ножи!..
Пусть буквы краснеют,
От крови свежи!

Какая же мука:
Ровна и строга,
В зазубринках-буквах
Сверкает строка!

– Вы кто?.. – Постояльцы.
Спрошу у гостей:
Вам резали пальцы
До блеска костей?..

Вы нож – окропили?..
Но салом сочась,
Хохочут кретины...
Ну, я вас сейчас!..

ГЮЛЯ МЕХТИЕВА

* * *

*«Я не раз затеривался в море
С горлом, полным нежности и боли...»*
Ф.Г.Лорка

Затеряться в мире – не задача.
Кто-то знает истинные тропы,
Кто-то ходит верными путями,
Ну, а мы, слепцы, бредем на ощупь.

Пилигримы, шествуем в потемках,
Позабыв нетленные советы.
Слышим только дальний отзвук моря,
Смотрим на закаты и рассветы.

Затеряться в мире – это праздник,
Праздник изначальной вечной сути.
Никому не высказать ту радость,
Что владеет сердцем безоглядно.

Никому не высказать то счастье,
Неподвластное слепому року,
Что манит, слепит, поет и плачет,
Обещаний сладкозвучных полно.

ВЛАДИМИР ПОРТНОВ (1927-2007)

ГЛУХОЙ ПЕРЕУЛОК

Снова столики с чаем и нардами,
Легкий мусор в воронке столетья,
Снова женщины с лицами смятыми,
Дочерна загорелые дети.

Тупики, и растворы, и дворики,
Где и спят, и едят, и скандалят,
Где смешат роковые истории,
А смешные нередко печалят.

Перепутаны пыльные улочки...
Сколько лет, сосчитать невозможно

Керосиновым лавкам и булочным,
Скобяным мастерским и сапожным.

Сколько лет этой миске и семечкам
У старухи в платке грубошерстном?
Сколько – в классы играющим девочкам,
Что напрыгали целые версты?..

Здесь себя нахожу безошибочно,
Здесь с собой говорю без утайки, –
Вот он я, с синяками и шишками,
Гололобый в застиранной майке.

Не об этом ли дереве тутовом
Знаю, как дотянуться до краю?
Не от этого ль дворника лютого
Прямо в старость опять удираю?

САМИР РАДЖАБОВ

* * *

Наверное, это избитый мотив,
Да и тема совсем не нова.
Но пока я буду думать, что жив,
Я буду искать слова.

Хоть я не волшебник - я только учусь
Правильно ставить штатив...
А ты можешь вставлять мне ножницы в струны
Или подпиливать гриф.

Но я благодарен за то, что влюблен
В ту, что зову женой,
И друг, перешедший со мной Рубикон
Стоит за моей спиной.

Быть может, я умру в нищете -
А может, куплю Луну.
А может, у меня будет шанс уцелеть
Но я его не подниму...

АЛЕКСАНДР РАКОВ

РОЖДЕНИЕ СТИХА

Зацепился пером за слово –
За собой другие оно
Потянуло, как тянет основу
В ткацком деле веретено.

И так друг за другом – цепочкой –
Ложатся на лист не спеша
Поэзии новые строчки,
Как этого просит душа.

* * *

Не Клюев я и не Есенин,
Но с двух сторон они меня
Своим питали вдохновеньем,
Ловил я искры их огня.

Поздней лишь понял: не сумею
Я быть ни тем и ни другим,
Сам по себе сгорю, истлею,
Оставляю пепел или дым.

АЛЕКСАНДР РОДИОНОВ

ПТИЦЫ

Нарушая все границы,
Между прочим, господа,
День и ночь летают птицы –
То обратно, то туда.

Им ни сверху и ни снизу
Указания не шлют.
Ни к чему пернатым визы,
Паспортов им не дают.

А мы вот к небу не пригодны
И частенько не в цене...
А они совсем свободны,
Независимы вполне.

ОЛЬГА РОГАЧЕВА

(Азербайджан – Израиль)

БАЛЛАДА О КОМЕНДАНТСКОМ ЧАСЕ

(Баку, декабрь 1988-го)

*Да минует нас чаша
Комендантского часа.*

Я иду своей дорогой – значит, я иду к метро.
Две авоськи, пять коробок,
на лице – «меня не тронь».
Неизбежность измерений не могу себе простить,
Спит пространство,
Стынет время,
Стрелки скачут к десяти.
В этом городе иначе невозможно жить и ждать,
Как ребенок после плача,
он устал и хочет спать.
Кто с зимой его помирит,
кто пройдет по мостовой?
И меня уже не минет осторожный часовой.

Что же делать без тебя мне,
как увидеть поскорей,
Натыкаясь вновь на камни
горькой юности моей,
Снова каждое словечко
проросло бы сном тех лет...
Я рисую человечка на автобусном стекле.
Это будет наш сыночек: от дыхания, сродни
Ритму тех отдельных строчек,
что растут из болтовни.
Здравствуй, здравствуй, дом прозрачный,
псевдооколоуют,
Пустяковый быт невзрачный,
позабывший жизнь мою!

Засыпает поколение, мимоходом выбрав стиль.
Спит пространство,
Стынет время,
Стрелки скачут к десяти.
Слышен только треск устоев,
Виден только взгляд в упор.
И спешить уже не стоит –
в десять грянет Командор.

СТАНИСЛАВ САВЕЛЬЕВ (1934-2005)

БАБУШКА ЛЕРМОНТОВА

– Ах, Миша, словно егоза,
То весел,
то настроен гневно, –
Так говорила за глаза
Елизавета Алексевна.
Он юн и не познал пока
И края той великой славы,
Что там, на склоне Машука
Окрасит дымный след кровавый.
Подчас забота нелегка,
Внук нежен с ней,
с другими резок...
Выводит бисером рука,
Скрипит вольтеровское кресло.
О, сколько раз придется ей
Стерпеть неодобренья шелест,
Прозя смиренно у властей
За непутевого Мишеля.
И гладить трепетно потом
Холодный лоб...
Труп бездыханный
В слепом отчаянье своем
Рыдая, проводить в Тарханы.
Соединит фамильный склеп
Навек и бабушку, и внука.
Но он – и драма, и наука,
И логике наперекор,
В безмерной горести и силе
Хоронят внуков до сих пор
Святые бабушки России.

ОКНО

По Сене гуляла матросская вера –
И с лодок кричали в ночи:
«Держи на окно господина Флобера,
Вон, видишь – мерцанье свечи!..»

В поэзии много забавных примеров,
Но в дерзостях творческих мук
Держи на окно господина Флобера,
Мой истово пишущий друг!..

ГЕННАДИЙ САЛАЕВ

ЗА МИГОМ ВЕК

*«Ночь. Улица. Фонарь. Аптека»
Метель шальных мгновений.*

Был человек, нет человека.
Обрывки позабытых строк.

Другие – дом, аптека, лица,
Другая ночь, фонарь другой.
Он новых зданий веренице
Шлет свет холодный и скупой.

В сугробах лет начало века,
Столетия поглотила ночь.
Глядят во тьму фонарь, аптека...
За мигом век уходит прочь.

НОКТЮРН

И ночь текла, иплыли молча...

И ночь текла, иплыли молча
По ней луна и облака,
Под ними звездным многоочьем
Сменялись чувства и века.

И ночь текла... Как привиденья
В нейплыли страсти прошлых встреч,
Текли былые устремленья,
Которых я не смог сберечь.

Ночь утекла в зари сиянье,
Под взмах рассветного весла...
И распустились вновь желанья
Вдоль русла, там, где ночь текла.

ПАМЯТИ ОДНОЙ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПОЭТЕССЫ

...И я под вечер вдруг забеспокоюсь:
Вот этот томик, третий от угла –
Какая-то нечаянная повесть
Про то, как жили-были и жила

Меж них одна –
 не то, чтобы из ряда
Вон, ну а все же в стороне
От толчеи парадов и обрядов,
С запущенной геранью на окне.

С провинциальным городом в ладошке,
В котором снег сменяется дождем.
С платком пуховым,
 с глупой серой кошкой,
С квартирой, где ее никто не ждет.

Ну а ночами, выходя в астрал,
Бродить по улочкам другой планеты
И возвращаться в тело, подустав...
И снова слушать как на этом свете

В рассветном трансе бьются петухи
И всхлипывают дождевые трубы...
И прятать домотканые стихи
 В узлах метафор,
с рифм отстрочкой грубой

В комод на полку дальнюю...
 Прости,
Уездный боже, сонм моих невежеств
Мне за мою космическую нежность
Ко всем поэтам, сложным и простым.

ЭЛЬБЕРД ТУГАНОВ

КАЮР

О чем, каюр, поешь невесело?..
Печаль понятна и без слов,
Она сродни надрывно-песенной
Печали северных ветров.

В ней – та исходная и тайная,
Печаль заснеженных равнин,
В ней безысходного скитания
Протяжный горестный разлив.

Из тьмы времен твоя мелодия
Тоску лишь вынести смогла, –
Над тундрой – родиной бесплодия –
Ползла веков седая мгла.

Но грянул век великой схватки
Лавиной вздыбившихся льдов,
Весь в молниях электросварки,
Весь в паутине проводов.

Он, грозно ощетинясь вышками,
Могучий убыстряет бег,
Громкоголосый, огнедышащий,
Железно-мускулистый век.

И будто вновь твой край рождается,
У века гордый взяв размах.
Но только небо отражается
В твоих прищуренных глазах.

О чем же ты поешь, невесел,
Под заунывный голос вьюг?..
Твой внук рожден для новых песен,
Но пусть он помнит и твою.

НИГЯР ХАЛИЛОВА

(Азербайджан – Саудовская Аравия)

* * *

Открою окна в доме все, что есть,
Проем окна здесь разве что для вида,
В арабском стиле – мыши не пролезть,
Лишь ветру не грозит решеток вето.
Пусть мало света – небольшой порок,
Пришлась по сердцу мне моя темница,
Зато в душе царит такой покой,
Без суеты, без лести и амбиций.
Здесь короля – того, кто обратил
В зеленый сад бесплодную пустыню,

Как смертного простого проводил
Народ без лицемерного унынья.
Здесь модные парфюмы не в чести:
Когда проходит женщина, поверьте,
За ней по небу облако летит,
Сандалом пышно расцветает сердце...

Здесь на устах у каждого Аллах,
Строка Корана – как бальзам на раны,
И теплое свечение в глазах,
Без зависти, без злости и обмана.
Боюсь привыкнуть к родине второй,
К Риаду, Джидде, Мекке и Медине,
Люблю язык, в котором есть пророк,
Народ прекрасный и его святыни.

НИКОЛАЙ ХАТУНЦЕВ (1932–2004)

* * *

И все это было когда-то...
Блестящим плащом шелестя
Я шел в темноту с провожатым –
Стихающим шумом дождя.

Иссохшие листья, от капель
Ожив, шебуршили впотьмах.
А город полуночный замер
И свежестью влажной пропах.

Лишь в радужных кольцах тумана
Всплывали порой фонари
И снова тонули... Как странно,
Что было тогда двадцать три.

Что звонко будя тротуары,
Спешил я, стихи бормоча,
И тени пустого бульвара
Неслышно касались плеча.

* * *

Кому подарить стихи?..
Соседу? Прохожему? Ветру?
Чтоб он по белому свету
Рассыпал, как лепестки,
Исписанные листки?

Кому подарить стихи?..
Отшельнику?.. Книжнику?.. Страннику?..
Расцветшему ярко багрянику,
Холодным дождям вопреки?

Кому подарить стихи?..
И что с ними дальше станет?..
Падут как зерна на камень,
Иль станут их впуски
Расхваливать знатоки?

Кому подарить стихи?..
Самому близкому?.. Дальнему?..
Радостному?.. Печальному?..
Каплю своей тоски,
Трепет своей руки?
Кому подарить стихи –
Ключи от странного рая?

Пишу, твержу, уверяю,
Спешу, нахожу, теряю
И как во сне повторяю:
Кому подарить стихи?
Кому отпустить грехи?..

...Такие-то пустяки...

СЕРГЕЙ ШАУЛОВ

АБШЕРОНСКИЙ ТОПОЛЬ

Мне век не выбирать!.. Властители у трона
меняют лики, тени, имена,
Но серебрист в ночи мой абшеронский тополь,
и светит изумрудная звезда.

Пройдут дожди, осыпятся столетья,
покинет свет земное естество...
Иной поэт иного Абшерона
заметит новый лик у трона
И вновь откроет строки про него.

Мне век – не выбирать!..
Высокий тополь
роняет в это время
серебро...

ПОЭТ И НОЧЬ

Чайная ночь!.. Сервировка простая:
Дух индийский, дурман золотой.
На две чаши себя разливая,
Ты казалась самой простотой.

Ты кралась самой черной пантерой.
Из галактик, гаремов, цепей
Ты несла мне небесное тело,
Самых черных горячих кровей.

Черной шкурой завесив окошко,
Расширяясь зрачками орбит,
Самой преданной брошенной кошкой
Ты скреблась и кричала навзрыд.

Обернувшись желанной рабыней,
Исчезала по злой ворожке.
Ты носила в себе мое имя!
Мое сердце гремело в тебе!..

Розовели миры и соцветья,
Натекала в них божья роса...
Я на этом последнем столетье
Жег свои голубые глаза.

Чай остыл. Одиноко. Уныло.
Занимался в окошко рассвет.
Это - небыли. Не были... Были:
Тайна, ночь... и заснувший поэт.

МАРАТ ШАФИЕВ

ШТИБЛЕТЫ МАЯКОВСКОГО

Сорок шестого размера
штиблеты пылятся в музее –
чудовищные как химера,
блестящие как медузы.
Но не протягивай ноги –
в этих штиблетах прежде,
может, ходили боги,
звездный настил коража,

скрипучий концерт смакуя.
Но отошли от дела,
И подтвердил начотдела:
«Принято. Маяковский».
Размера сорок шестого –
явно не для балета.
И не нашлось другого,
примерившего штиблеты.

* * *

...Ах, какой нелепый коверный,
на доспехи кроит картон,
забывает, что мир коварен
и открытую тянет ладонь.
Вот опять заслужил оплеуху –
рукоплещет зрительский круг,
и товарищ уводит подругу –
сколько их увели, подруг!..
А поэт – это тот же коверный,
то ль играет, то ли всерьез
в каждой строчке своей кувыркнется,
к каждой строчке мясом примерз.
Отдерешь – кровь прольется рекою.
Или все-таки клюквенный сок?..
Ты, коверный, играешь с судьбою,
как электрик включающий ток.
Все равно как судьба отзовется
и куда нас потом повернет –
балаганчик от смеха трясется,
балаганчик от плача трясет.

РАФАЭЛЬ ШИК (1922-2011)

* * *

Поэты изысканней стали:
Чтѣ рифма – сплошной примитив!
Сорняк на священной скрижали,
Частушки банальный мотив...

А я находил свои рифмы,
Впадая порою в кураж,
Когда содрогался от взрывов
В четыре наката блиндаж.

И было мне не до изыска.
Не то, чтоб одрябла душа –
Мне б только хватило огрызка
Трофейного карандаша.

Мне б только прожить еще малость.
Прожить этот день, этот час...
И рифма во мне оставалась,
Пока еще дух не угас.

ПАМЯТИ БОРИСА ЧИЧИБАБИНА

Смотрю военный старый фильм –
и плачу..
Не потому, что так люблю войну,
Да и картина – явно не удача:
Таких поделок видел не одну.
Сентиментален несколько сюжет,
Прямолинеен, нет второго плана...
Но танк есть танк.
И пушка – без обмана.
И столько точных времени примет,
Что вдруг разбушевдалась память-рана:
Резной мундштук почувствовал в зубах,
За голенищем – ножик самодельный...
Ах, сколько в заболоченных полях
Еще ползти нам под огнем прицельным!..
Наш командир имеет опыт. Строг.
Идти, сказал, недолго нам осталось.
Но этот путь короткий – эта малость –
Для многих был мучительно жесток!

...А я дополз до нового столетья
И, двадцать первым веком оглушен...
Где взять слова, чтоб смог друзей воспеть я
И молодость, похожую на сон!..
О, если б знать, что где-то есть Всевышний,
Который их без ритуалов пышных
К святым причислил, отпустив грехи...
Я нем.
Я слеп.
Я в новом веке лишний,
Свои долги еще не оплативший,
И прошлое все дальше и неслышней...
А дальше начинаются стихи.

АЗЕР ЭФЕНДИ

* * *

В этом мире балаганном
Я – как фокус Калиостро:
Вспыхнул призраком обманным
И исчезну очень просто...

* * *

Где пророк, что проронил пророчество,
И судьбу, как рифму, мне вручил?
О, мое цепное одиночество,
Кто тебя ко мне так приручил?!..

В конуренке тела тесновато!..
Вот и воешь волчьим воем ты
В час восхода солнца и заката,
Остро чужа запахи мечты.

Но, увы!.. Мы слитны, плоть, с тобою.
И бредем – два маленьких слепца –
На Голгофу торною тропею
В поисках Всевышнего Отца.

Одиночество!.. О, друг мой безобманней,
Ты и в смерти не предашь меня –
Только ты уйдешь со мной в туманный
Бесконечный путь небытия...

ЯНА ДЖАНГИРОВА

СЛОВНО ДЫМ

Разметав по ветру грезы,
 Заклеймив позором слезы,
 Я сегодня очутилась по ту сторону любви.
 В бег по кромке океана,
 Через занавес тумана,
 Ты меня, убийца-нежность, больше в сети не лови.

Истина давно не в моде,
 Я хочу хмельной свободе
 Рассказать, как глупо было продавать ее за грош.
 Налегке, без мыслей мутных,
 Без раскаяний попутных
 Из дневного рациона убираю пряность-ложь.

Нет вины, вина, угара,
 Нет сейчас бесценной дара,
 Чем поймать осколок солнца в хмурой злобе наших зим.
 Я тоску сдавлю руками,
 Пустоцветы чувств меж нами
 Вырву с корнем, растворившись и растаяв, словно дым.

ЧУВСТВ ИЗГОЙ Я...

Утро первое прорвалось,
 Счастье зябко укрывалось,
 Как же трудно нам давалась
 Новая попытка быть.

Мы сидим уже в одежде
Все смешалось – «после», «прежде»,
И прожорливой надежде
Молча бросили кусок.

Расскажи мне об измене –
Той, что бритвою по вене,
Когда мысль, не зная лени,
Точит, ночи напролет.

Расскажи о нервах сбитых,
О сердцах, людьми забытых,
Об обидах не испитых –
Словом, все о нас с тобой.

Расскажи мне о разлуке,
Только легкой, чтоб без муки,
Чтобы не держались руки
Вновь за воздух, как всегда...

Шаг к тебе, длиной в недели,
Через смятые постели,
Только быстро поредели
Ненадежные «прости».

Вновь отдам, почти без боя,
С верой странного покроя
Мыслей друга, чувств изгоя,
Я тебя на суд любви.

Суд предвзятый, все известно,
Приговор исполню честно:
Снова под анестезией местной
Отторгну кусок души.

АСМИК ПАЛАНДЖЯН

так и стоишь – перепуганных снов ловец,
смотришь, как улетает безумной птицей...
нужно схватить... этой ночью совсем не спится –
хоть до рассвета упрямо считай овец.

сто тридцать три... убедителен ведь резон:
мартовских красок добавить в осенний морок.
просто поймать улетающий синий сон,
тот – непонятный... расплывчатый... номер сорок.

хлопнуть еще и внезапным прыжком настичь,
или не стоит пытаться – нужна сноровка...
так и стоишь – незадачливая воровка,
глупый неловкий охотник, вспугнувший дичь.

так и стоишь... гладишь пальцем стекло дисплея.
стадо овец по карнизу шагает, бляя.

платаны высоки, а небо низко,
хоть зацепись за синий край и висни.
еще один послушный день из списка
бумажной птицей вылетел из жизни.

на старый парк спланировало утро,
на клумбу, где бисквит клюет ворона.
(смакует: сухофрукт, орешек, пудра
и марширует поступью барона).

на этой сцене под небесной аркой
в любом из дней вполне хватает цирка.
красавица, так на меня не зыркай,
возвышенное что-нибудь прокаркай.

дай променять натужный смех паяца
на тишину - сплошную, как в затоне,
в платановые рыжие ладони
уткнуть лицо... и смерти не бояться.

СУРЕН ПЕТРОСЯН

Из «СТИХОВ ДЛЯ ДЕТЕЙ»

НЕБЫЛИЦА

По дорожке я бежал,
На пути кирпич лежал.
С ним я местом поменялся –
Я прилег, кирпич помчался.

УЖ НА ПРОГУЛКЕ

После дождика хожу,
В лужу каждую гляжу.
Удивляюсь, что я вижу:
В каждой луже – по ужу!

ПОЧЕМУ ТАК ТЯНЕТ В ЛУЖИ?

Почему, завидев лужу,
Наш малыш, хоть и простужен,
Мимо точно не пройдет,
Смело в воду он войдет?

Может, в ней он великан
Может, видит океан?
Или, отражаясь в луже,
Бродит, как по облакам?

Он шагает неуклюже,
Топают, к воде спеша.
Чем же маленькие лужи
Привлекают малыша?

Из КНИГИ «ИГРА СЛОВОМ»

МЫСЛИ?

На краю суши,
в тени сакуры,
саке, и суши.

В мыслях берег Куры,
жаркое из куры,
вино из Кахети,
и эти...

невинно убиенные
Сакко и Ванцетти.

ВРЕМЯ И СТЕКЛО

*Время сквозь стены сквозило,
и тихо текло за стекло.*

Сквозь мутные стекла
На мир смотрели.
Щи ели, пили вино,
Уши и щели затыкали ватой,
Считая во всем судьбу виноватой.
Били детей и посуду,
В справедливость не веря,

По судам ходили,
Твердя: «Не суди!», – судили.
А грязные руки и окна не мыли.
Не мы ли?

ТЕТ-А-ТЕТ
(палиндром)

Дом мод,
тут
женам, манеж.
Топот,
жар – раж.

Тет-а-тет, или око в око.
Гимн – миг:
— Аве Ева.
— Ценю, юнец,
иди
искать такси.

Дорога за город.
Осело колесо,
мороз узором,
и
долг голод.

Мадам тут кабак;
там шабаш, мат,
плоть – толп,
адова вода...

Угар, рагу,
ропот... топор
как
довод.
Боль в лоб,
гром - морг.

Поп:
— Конец оценок.

АННА ПОЛЕТАЕВА

Не зря все так, под Рождество...
Сначала виделось издевкой –
Пусть ненамеренной, неловкой:
Мол, как, еще ты ждешь его,
Святого праздника, когда
В душе твоей черно и пусто –
Как будто там травили дустом
Последних в эти холода
Безумных бабочек, что так
Неосторожно вдруг дожили
До ледяной кружащей пыли
И ветра яростных атак?..

Но праздник будет. И Звезда
Взойдет, от смерти не завися –
В такой надмирной, тихой выси,
Где нет обиды и стыда
Ни за себя, ни за других –
И все таким одарит светом,
Что станет ясно: в мире этом
Все лишь для бабочек. Для них
Вся наша боль и маета,
Все наши радости и муки –
Чтоб им взлететь. И сесть на руки
Новорожденного Христа.

* * *

Боже мой, как мы любим выписывать числа...
Как умеем, деля, отнимая и множа,
Прогрызая в красоте червотчины смысла
И стоять начеку у прокрустова ложа,
Возведя в эталон свой любимый размерчик,
Отсекая любви неудобные крылья –
И упрямо тянуть, как комок гуттаперчи,
Небывалое в мир, перепаханный былью.

Как хотим убежать и укрыться за скобки
Непреложных, сухих и обветренных фактов,
Как спешим уложить в черепные коробки
Безрассудных шутов после третьего акта.
Как боимся любой пустоты под ногами...

А она иногда – небывалое дело –
Означает, что чертов логический камень
Вдруг свалился с души –
И душа полетела...

* * *

Поиграй в ответы на вопросы,
Сочини вопросы на ответы,
А придет октябрь златоволосый –
И уже неважно, кто ты, где ты...
Важно с кем – и важно, что такого
Ты найдешь в себе для оправданья
Декабря грядущего седого
И апреля юного... Не раня
Никого из них и не тревожа,
Улыбаясь каждому, покамест
Догорит шагреновая кожа –
И нектар окажется цианист,
Как небесный августовский купол
Над твоим истрепанным вертепом,
Где ни рай, ни ад не стоят кукол
В представленье вечном и нелепом...

КАРЕН СЕЙРАНЯН

* * *

Если б во мне не зажег огня
Растревоженный Аполлон,
Я бы жил себе и, печаль храня,
Не глядел бы на небосклон.

И далекий свет непонятных звезд
Не тревожил бы душу мне,
Не имел бы я утонченных грез
Не писал бы стихов во сне.

Я бы прожил жизнь и своим судом
Не терзался бы, как теперь.
И устав от дел, приходил бы в дом
И валился бы на постель.

И не знал бы, что в каждом сердце есть
Тихий дьявол и грозный бог.
И не думал бы, почему я здесь
Неприкаян и одинок.

ЖМУРКИ

Нынче тебе водить, а мне быть водицей,
И ускользать из пальцев, и задыхаться,
Смехом по правую руку твою струиться,
Страхом по левую руку беззвучно стлаться.

Нынче тебе водить, а мне поддаваться,
И замирать, и жмуриться, и ловиться,
И прогибаться, и тетивой взвиваться,
И приникать к тебе, и лозою виться.

Нынче тебе водить, а мне быть ведомой,
Там, где ты зряч, за тобою идти слепою,
И за тобою след уходить из дома,
И уходить из жизни вслед за тобою.

КАРИНЭ ХАЛАТОВА

ОБО МНЕ И О ВРЕМЕНИ

Смотришь на меня, как запятая из-за угла,
А знаешь, когда я заглядываю в будущее
(Мало мне одним настоящим довольствоваться –
такая вот неглубокомысленная мотивировка),
Тогда только будущее и обретает статус времени
И смысл своей неизбежности,
Это я веду время за руку,
Помогаю ему самоутверждаться.

ЗАРИСОВКА

Девочка: Мама, что это падет на нас?

Мама: Осенние листья.

Девочка: Как их жалко!..

Из подслушанного разговора.
Рядом с утренней спешкой,
Как ни в чем не бывало,
Люди в серых халатах
Загружают кузов мешками
С первым листопадом.
Прохожу мимо, иду на работу,

Иду вприпрыжку, как ни в чем не бывало,
Ведь я знаю такую улочку,
Которую осень беспрепятственно раскрашивает.
Тут не показывается дворник с метлой,
Тут не протискивается грузовик с мешками,
Тут можно подышать прелым листом,
Порадовать глаз мгновениями угасающей красоты,
Тут озорник побывал и
Разбил-разобрал большущий забавный калейдоскоп.

Слышно, как просеивается снег
Сквозь желтое сито фонаря,
Спят сугробы, укутанные близоруким туманом.

На кухонном столе стынут кофейные зерна,
Там, за окном, растут снежные терема,
В них тепло, как от глотков красного вина.

Ночь без оглядки разметалась на белоснежной улице,
Серебристая рябь в глазах, будто сон из-за угла подкрадывается.

Спросонья задеваю прищуром глаз бархатно-белую ночь –
Какая пушистая черная кошка за стеклом!
Вся в желтых огоньках веселого сна.

Кошкин сон со звездами перемигивается –
Звезды снисходительно молчат,
А! – понимаю: мне кажется, они снятся
Единственной лошади, которая проживает в этом городе,
И колокольчиками звенят в ее ушах.

Слушаю, как просеивается снег
Сквозь желтое сито фонаря,
И слышу робкое дыхание – это
Кошка с лошадьё уснули в моем сне.

ЕЛЕНА ШУВАЕВА-ПЕТРОСЯН

ДЕПРЕССИВНОЕ

В всплеске раннего утра,
В лучистой улыбке
Со скрипучего наста
Ныряю я в осень –

В приозерной там зыбке
Туманная паста
Застелила твой след,
Уходящий в закат.
Поколение листьев –
Узорчатый плед –
Разойдется по жилкам
И станет вновь прахом...
Мне держать снова путь
В остеклованный замок
И порывистым взмахом
Закончить строку.
В всплеске раннего утра,
В лучистой улыбке
Возвращаюсь я в зиму,
В свою же тоску...

СТРАННЫЕ ВРЕМЕНА

Механическая девочка с шариком голубым в руках
Ступает по кругу в туманном рассвете.
Драматическую сагу о странных каких-то временах
Шепчет она, мечтая о коркинете.
Героически терпит ядовитую синеву небес,
В песке увязают уставшие ноги.
В праотцах ее значится красноречивый лидийский Крез,
Ее опекали когда-то все боги.
Скоморошное солнце изменит спокойные краски враз
И отразится в каждом ее движении.
Суматошное время. О! Капли из механических глаз!
А впереди – очередное рождение.

СУСАННА АРМЕНЯН

* * *

Мне нечего сказать тебе в ответ,
Возможно, за отсутствием вопроса.
К тому же - до конца еще не спет
Последний легкомысленный куплет,
Несмелая двусмысленная просьба.

Возможно, мне удастся взять баррэ
На этой неприрученной гитаре,
Я соглашусь участвовать в игре.
Возможно, все случится в январе –
И как за это люблю январь я.

Хотя, вполне возможно, что весной,
Что именно весной растает льдинка,
И сердце, увлеченное игрой,
Подскочит вдруг корундовой иглой
На старой исцарапанной пластинке.

Как пережить опасную весну?
В глазах твоих темнеет древний сумрак,
В котором я, возможно, утону.
Но - улыбнусь. И выберу одну –
Одну из этих шахматных фигурок.

* * *

не доезжая до поворота
сойти
купить по дороге пива и сигарет
перейти через рельсы

— и дальше —
вдоль кривых заборов
калитку толкнуть и войти
уже узнавая
смех, голоса и аккорды

будет лить дождь где-то снаружи
кричать — поезд
звенеть — время
темнеть — чай

выйдешь в сумерках
с гитарой в обнимку
и встретишь, наверное,
саму себя

* * *

проходит как хозяин
с большой буквы
это звучит гордо
шампанского!
черный-черный
который смеялся
разумный
настоящий
расеянный
венец природы
паук
двуногое без перьев
за бортом
в железной маске
наш в Гаване
грибной с бульвара Капуцинов
со шрамом человеку волк

ЮРИЙ ВАЧНАДЗЕ

* * *

Как тепло и уютно в духане...
Посидим, никуда не спеша.
С поздней ночи до утренней рани
Здесь баранья витает душа.
Тихо плачет о чем-то дудуки,
Навевая тревожные сны,
Целый мир под печальные звуки
В ожиданье рассвета застыл.
С каждым тостом все краше и краше
Хвалит всех милый лжец – тамада,
Осушая огромные чаши,
Словно в них не вино, а вода.
В тусклом свете блещут связки лука,
И насмешливы взгляды у тыкв...
Нипочем мне с тобою разлука –
Я забыл, я забылся, привык
Жить без радости и без печали,
Словно мерин под звон бубенца:
То, что было когда-то вначале,
Оказалось началом конца.
И теперь в откровенной беседе,
Где хмельные резвятся пары,
Целовать незнакомых соседей
Мне приятно с недавней поры.
День за днем, постепенно, помалу
Обретаю неожиданный покой,
Измеряю бездонность бокала
Ослабевшей, дрожащей рукой:
Словно в терпком напитке заложен
Сокровенного таинства смысл:
Для чего мы живем? Или, может,
Просто так под луной собрались?

1987 г.

РОБЕРТУ СТУРУА

*Шекспир прав: весь мир — театр.
Но, боже мой, какая ужасная труппа!*
Оскар Уайльд

Мы актеры, мы актрисы,
Мы разыгрываем пьесы
То со смыслом, то без смысла —
Плачем, скачем, куролесим,

Подбираем себе роли,
По душе и по карману,
То беснуемся на воле,
То залечиваем раны.

Игнорируем ремарки,
Предначертанные свыше,
Мы - поэты, мы — Петрарки,
О себе поэмы пишем...

Издаваемся над властью,
И пред нею же трепещем,
В дни тревог и в дни ненастья
Срочно собираем вещи

И толпимся у причала,
И торопимся в дорогу —
Начинаем жизнь сначала
Каждый день... И слава богу!

1998 г.

*Туманные проходят годы,
И попережку дышим мы
То затхлым воздухом свободы,
То вольным холодом тюрьмы.*
Георгий Иванов

Кто с криминалом ненароком
Хоть раз столкнулся «тет-а-тет»,
Успел побаловаться сроком,
Через решетку видел свет,
Тому обычной жизни мало —
Все как-то хочется под дых!

Он знает, кредо криминала
Почище лозунгов иных:
Советских, нынешних и прочих –
Что с демагогией взасос
Неутомимо, днем и ночью,
Страну пускали под откос.
Пройдя через огонь и воду,
Сквозь годы горестных потерь,
Он шепотом кричит народу:
«Не бойся, не проси, не верь!»
Он знает, с курвами во власти
Страну от краха не спасти
И убеждает в дни ненастья:
«Не верь, не бойся, не проси!»

2001 г.

КОНСТАНТИН ГЕРАСИМОВ (1924-1996)

ПОЭЗИЯ

Поэзия – слова, слова, слова.
Глагол времен. Служение отчизне.
Бред пифии. Отображение жизни.
Дверь в вечность, приоткрытая едва.

Она есть Бог в святых мечтах земли,
Рифмованная жвачка агитпропа.
Потоп. Ковчег спасенья от потопа.
Нет – Вавилон! Нет – Иерусалим!

Поэзия – Песнь Песней. Кляп во рту.
Трусливого холуйства словоблудье
И Высший Судия. И взятка судьям,
И певчий дрозд, убитый налету.

Сияющей квадриги Аполлона
Полет, решенье спора, вечный спор,
Смерть и бессмертье, слава и позор.
Кандальный звон. Всезвездная корона.

Она – глагол, сжигающий сердца
И немоты бессилие - и сила.
Слепящий блеск алмазного венца
И Тьма. И Слово, что в Начале было.

Осыплется в часах судьбы песок,
Но всех вещей не человек ли мера,
Хотя б сменяла болтовню Руссо
Кровавая машина Робеспьера?

Так томик тот, который донесешь
До гильотины, эшафота, зоны,
Могилы братской – слышишь, погребенный,
Поэзия. А прочее все – ложь.

* * *

«Благословенны – час, день, лето...»
Благословен вечерний свет.
Как можно было жить без света?
Как – если света больше нет?

Палило солнце, молний блеском
Когда-то вспыхивала тьма.
Был щедростью их королевской
Я ослеплен, сведен с ума, –

Но, хоть и не в потемках прожит
Был век – все суета сует,
Что гаснет. И всего дороже
Последний, предзакатный свет.

ВЛАДИМИР ГОЛОВИН

* * *

А ведь у нас уже все это было.
Такой же снег проснувшейся зимы
утапывал усердно и уныло
по осени рыжевшие холмы.

На деревянном стареньком балконе
белела та же вязь резных перил.
И колокольный перезвон Сиони
над городом встревожено парил.

А город точно так же, в ожиданье
какой-то затаившейся беды,
морозу отдавал на поруганье
свои отзеленевшие сады.

И вот тогда-то мы видали это:
мороз, сумевший победить везде,
катки из улиц сотворял к рассвету
и все по ним скользили вниз, к беде.

* * *

Вот так и умрешь, не увидев
за краткий отпущенный срок
пингвиновый марш в Антарктиде
и желтой Сахары песок,
жирафа поклон в Серенгети,
фламинго в смешном неглиже
и много еще на планете,
к чему не успеешь уже.

Автобус, метро и маршрутки
вывозят на замкнутый круг.
Вернешься ты в новые сутки,
где те же и труд, и досуг,
где твари не вышло по паре,
где праздник убогих петард,
где в жирном соседском котяре
уснул его предок гепард.

Раз так, то придется поверить
что как-нибудь, вдруг, поутру,
начнут барабанить мне в двери.
Открою, а там... Кенгуру!

* * *

Вчера мы убивали время.
Оно сжималось, но ползло,
задерживаясь рядом с теми,
кто помнит и добро, и зло.

Оно старалось растянуться
и поворачивало вспять.
И было мудрым, как Конфуций,
пытаясь кое-что замаять.
Желая спрятаться от боли,
корежилось в руках невежд.
И растворялось в алкоголе
воспоминаний и надежд.

МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА

я маленькая девочка
покинутая всеми

в с е х х у ж е это ты
а хочется чтоб лучше

да :главная мечта
вот эта :э т о т а

/всех хуже э т о т ы
а хочется чтоб лучше/

чтоб было для кого
чтоб заплетать косички
чтоб на реснички тушь
чтоб туш на forte, piano
чтоб быть !такою – пьяной

и
маленькою девочкой
/покинутою всеми/

всех хуже это ты
а хочется чтоб лучше

АРСЕН ЕРЕМЯН

QUO VADIS

Страннолюбия не забывают;
ибо чрез него некоторые, не зная,
оказали гостеприимство Ангелам.
Послание к Евреям
Святого Апостола Павла 13:2

Задай вопрос себе. как странник,
Куда идти, свой крест нести.
Как под ногой тропа блестит,
Как далеки края пространные

И та земля обетованная,
Где тебя примут, не ропща,

Утрут власами твои раны,
Не осуждая каждый шаг.

Рай потерять – проделки змея,
Брести, не оставляя след,
Своих усилий не жалея,
Не сорок – много больше лет.

Неопалимый куст найти,
Извечные прочесть скрижали,
Но снова мысль тебя ужалит:
Куда идти, куда идти?

СЛЕПОЙ ТРОЛЛЕЙБУС

В чужую душу ты не влезешь
И в собственную не вступи.
Бежал троллейбус по-газельи,
С салоном сонным и пустым.

И в такт ускоренного бега
Сосед мой думал и дремал.
На месте, крайнем как омега,
Тетрадку тонкую достал.

Нацелился карандашом умело
На лист, не тронутый, как снег,
Слепив портрет штрихами смелыми
Той, что мечтала как во сне.

В волнах кудрей отменно желтых
Пылало женское лицо,
Стараньем властным приближенное
Опомнившимся молодцом.

Художник в куртке нероскошной
И с виду вовсе не Тарзан.
А вот мальчишка осторожно
Косит в тетраточку глаза.

И не польстил тогда нисколько,
Ей нос никак не уменьшил,
Он опустил в карман глубокий
Эскиз и выйти поспешил.

Она о чем-то призадумалась,
Была в салоне и не тут.
Божественный огонь задули,
Мы проморгали красоту.

Как далека она от подиума
Девиц с округлыми грудями.
И не сведет тебя с ума,
И явно на модель не тянет.

И что нам до судьбы чужой,
Сегодня вроде не до жиру.
Бежал своею стороной
Слепой троллейбус с пассажирами.

В РЕСТОРАНЕ

За шампанское давно уже уплачено.
Что не выпито – уносим как трофей.
Апельсины позолотой схвачены
И милее скользких трюфелей.

Есть интрига встречи в каждом блюде.
Анекдоты расстреляй, стихов обоймы.
Не пребудет нас и не убудет,
Все навеселе и тем довольны.

Наш приятель из другого теста,
Он немало выпил и потехи ради
Пляшет все лезгинку под оркестр,
И ему за представленье рады.

Нож зажат в зубах зверино-крепких,
Со стола заимствован у нас.
Сам танцор он ровно метр с кепкой,
И отбой нам, видно, не указ.

Кто-то перебрав, угрюм, невесел.
Официанты – стенкой. Женский визг.
На перилах гроздьями «одессы»
Девочки повисли – пьяны вдрызг.

От вина и шума ты растерян.
Для кого-то вечер впрямь прекрасный.
Девочки мешают – их портьерой
В сторону сдвигают парни в красном.

Ну а после было все иначе.
Мы как стеклышко и по-спортивному легки.
Апельсины теннисными мячиками
По ступенькам мчат вперегонки.

ИННА КУЛИШОВА

Князь, зачем художникам мосты,
занавесь холстов, им – серый запах
рек, где все – Хароны. Пальцы лодок

теребят клочки Его, из ты-
ла несется музыка молодок,
что взашей – веревкой, словно за дух,

за полночь хватает, и княжной
брезгует, как брызгает, мужик,
он среди чужих считает бревна.

Сцена, грешным делом, на ножной
крутится педали. Ветошь, лик,
что-то происходит, но – условно.

Князь, а здесь, как видно, ни души,
венецийской затхлости некстати.
Лондон льется из-под всех откосов.

Али Рюрик платит барыши?
Ни орды... И инок вспясть... Без-братья...
Здесь – везде – не спит Мераб, философ.

Ноябрь 2005

* * *

В этом городе, полном обмана,
растекающемся, как вино
из вверх дном перевернутых чаш
синих гор,
мимо дома летит Иавнана,
словно пух тополиный. В окно
бьются выстрелов звуки. Пейзаж –
это хор.

В этом городе с именем лисьим,
заслонившим чужой горизонт,
где беззвучен, бессилён, бесцелен
блеск ножа,
я не знала ни улиц, ни писем,
разносящих озон и азот
по расщелинам мыслей. И зелень
неспеша

обнаруживала оттенки,
на какие способен лишь юг.
И, задумчив, наивен, немолод,
заслан взгляд
в эти мимо плывущие грёнки
летних дней, как шпион и ашуг.
И сочтётся зевающий город,
словно яд,

в мои вены, движения, раны.
Никуда за собой не зовет.
И ничто мне не больно, не странно.
Не разбавлю цикутую лед.
Струи сладкие Иавнана
не в мою бессонницу льет.

Июль 2003

МАРИНА ЛАМАР

* * *

Только прошлое рядом с тобою –
В нём памяти яд.
За последней короткой чертою
«Я» и не я.

Ты забыть не захочешь свободу,
Но рамки не лгут.
Вновь кому-то, чему-то в угоду
Подарят уют;

Нарисуют картину на ширме
И выдадут за
Вышесортное что-то от фирмы,
Хихикнут в глаза;

Ради галочки слепят конфету,
Послышится «Брысь!».
Ты узнаешь, что все здесь с приветом.
Узнал? Так уймись!

Даже в шаре углы заприметят,
И в стоге – иглу,

На закате спюют о рассвете
В глубоком тылу;

Обеспечат цветами могилу.
При жизни цветы
Для поэтов жалеют, мой милый.
Законы просты...

* * *

Еще живу, но жизнь уже не та,
Уже не так бежится по дорожке,
Не то кино, не те уже лета...
Судьба — как безупречная подножка.

Доверья нет ни слуху, ни глазам,
Но этот мир я тихо покоряю.
Дорогу ищет к выходу слеза...
Еще живу, но жизнь уже теряю.

АННА ЛОБОВА

* * *

И опять эта серая мгла.
Осень тычется мордой лисьею,
в душу тычется злыми мыслями –
кем бы стала и как бы могла.

В полусне принимаюсь опять
пульс прощупывать пальцем тщательным,
жить не можется сослагательным,
и не хочется умирать.

Нет игры и тайм-аутов нет,
от себя отдыхать не получится.

Ты возьми меня, Боже, попутчицей
в девять тыщ девятьсотый рассвет.

* * *

Вот самый главный праздник настает –
хорош, как полицейский на перроне,
никто тебя не тронет, не уронит,
а кто уронит – тот не разобьет,
а подберет и обогреет – елки
неопалимой радостным огнем
(тепло ли тебе, девица?) – при нем
особенно рифмуются иголки.
И будет праздник – около и в миг
двенадцатого екнувшего часа,
и станет взлетной ледяная трасса,
оленьими санями – грузовик.

* * *

Я знаю, что я помню, как все было –
как этот быстрый вылепился мир;
я знаю, что я помню, как любила,
пока лепила, и когда остыл –
да вот, забыла, а ему тоскливо,
а он живой и светится. Кровать,
метро, собаки, изгороди, ивы –
их надо помнить, чтобы ощущать
себя живой. И как ни петушишься ты,
а стоит дальше с нежностью лепить
свирепых продавщиц в платках пушистых –
за это как, скажи, их не любить.

* * *

Ухватить бы за бочок –
и под неведомый ракитовый.
Только я, зная, не волчок –
ведь волка сколько не воспитывай,
метит желтым глазом в лес,
сколько жизнь не ограничивай –
прорастет сама, и без
слов – наивно, необидчиво,
даже, баюшки-баю,
у Вселенной на краю.

ДМИТРИЙ ЛОСКУТОВ

* * *

Я выхожу на ахашенский шляхт
И тут же спотыкаюсь от волнения.
Спускаюсь в трюмы виноградных яхт,
И будто сквозь меня идет броженье.

Я пузырюсь и лопаюсь на раз
От важности купажного букета.
Мне открывает люк старик Малхаз,
И песня не испита и не спета.

Я подан – то есть подданный – к столу,
С меня стирают чоху паутины.
Снимают шапку, я струюсь по дну.
Ты пьешь меня, и мы теперь едины.

* * *

Дмитрию Спорышеву

Мой брат, нам светят фонари
Скупых на подать душных улиц.
Мы шли, на блеск элиты щурясь,
И ты грустил, и я, старик.

И я старик, и ты поник,
Идем, но нам неинтересен
Обзор знакомых наших в прессе.
Ты вышел вроде бы на них.

Я тоже брал. И даже пил.
И, проверяясь автостопом,
Я лез по чартам – вечно в топе
И вылез в диск, но не винил.

Забудь, мой брат, я врал – не пей
И не живи, мой прах развеют
И в боль твою она поверит
(«Во глубине» тифлисских дней).

Ты помни тусклость фонарей,
Прищурясь нехотя на славу.
Бери от гения по праву,
Старей, но нехотя, старей.

Ста рей не хватит – веселей –
Нас вряд ли выдержат флаштоки,
Мы били полные порока
Пороги history. Налей.

* * *

Возьмешь, бывало, шарик – не перо,
мараешь целлюлозу, тонны по две
за день. И замечаешь за собой –
нет, на другое, точно, ты не годен.

Ах, если б ты был физик – не поэт,
то вычислил бы трение скольженья.
Какие рифмы, тоника, концепт!
Бумага терпит – и с физтехской точки зренья.

Все модное – давно забытый жанр,
Верлибр – гекзаметрички расчлененка.
Пишу лишь реже – вовсе не крыжан.

Устала кисть от заявлений громких.
Так надо подмечать череду коллизий.
Пока О.К. Поэт – «конкретный» физик.

МИХАИЛ ЛЯШЕНКО

СТЕНА

Юдину Чолоеву

Допустим, март. Ненастный день.
Твердь полиняла и набухла.
Мы пьем у Юдина на кухне.
И большего грешно хотеть.

Я небо чувствую затылком.
Я знаю – там гнездится снег.
Я знаю все – стоп-кран и бег,
огонь я знаю, знаю воду
и все, что надо про свободу,
про этот и запрошлый век.

Все здесь, у Юдина на кухне.
Читаем мысли, как с листа.

Фактура снежного холста
хрустит под взглядом, тихо тухнет.
Наш стол надежен, как верстак.
А вот стена, что слева, рухнет.
Стена, что слева – полотно, –
нейтральный свет и цвет, фактура...
Уходит небо из-под ног.
Жужжит над ухом пуля-дура
и посторонний шепоток.

Колышет стену на мольберте,
а там, над нею, выше – ветер
и неба бледный окоем.
Сидим у Юдина втроем.
О чем? – Про жизнь, Про смерть. Про веру,
про суть, про нравственный закон,
про быт в быту, про ноосферу.
Качает кухню, как вагон.
Джон Леннон спел, что он, как птица,
уже свободен... Вереница
глухих повторов без конца
ползет по плоскости кольца

И все ж стена. Затылком зри.
Там можно было б размахнуться
на роспись неба и зари,
но чтоб в словах не захлебнуться.
Тут текст пошел по кромке блюдца...

Мели, Емелюшка, мели...

* * *

Arriba, Arriba!.. – Ольгита Камастра.
Гаснут петардами белые астры.
Можно принять их огонь на ладонь.
Это не больно и не опасно,
этот огонь, несомненно, бенгальский,
если не веришь – пальчиком тронь,
это, как счастье с плеча папы Кастро,
это, как время, что будет потом,
это, как слово короткое «баста»,
это в обойме последний патрон.

* * *

Можно сказать – нарочно,
только само так вышло –
сбилось пространство в точку,
суть развернула дышло.

Глаз сторонясь, низами,
в ватнике без погон,
белыми парусами
беглым словам вдогон,

кляксой в чужой тетради,
по ветру ходоком,
шепотом – Христа ради,
громче – обиняком,

пылью в пустом сельмаге,
спичкой в сырой золе,
наскоро по бумаге,
наискось по земле...

Выменять смысл у строчки
на пустоту нельзя.
Нет, не родись в сорочке
и не рядись в князя.

ДИМИТРИЙ МОНИАВА

* * *

Тень. Тени. Капли. Серебро с вином.
Епископ в кресле. Время. Так неловко,
Что прочее осталось за окном,
Где третий час идет бомбардировка.
Он верно спит. Точеные шары
На спинке кресла, в глубине пространства,
Напоминают влажные миры
Где не было ни сна, ни христианства.
Он стар еще. Он сделал лишь глоток.
И замыкают воздух как оправа,
Как медный Юг и бронзовый Восток –
Подсвечники, что за спиной и справа, –
Все линии, что пустота света
Вокруг него, – и остается алый
Просвет окна и озеро стекла

И бомбы, что слетелись на кварталы.
Огонь все ближе к небу, – от чего
И облака похожи на ожоги, –
Оставь Его. Не оставляй Его.
Он спит за всех и видит сны за многих.

* * *

Где сосна, словно факел Гекаты, качнется и запах
Золоченой смолы и огня затаится и не
Остановит течения пальцев по узкой спине, –
Полководец войска посылает на северо-запад.
Расстояния нет. Только стены и сад перед домом,
Где Стрелец в винограднике и скорпион в цветнике
И браслет на запястье, как смуглая тень на руке
Отливает рубином и камнем еще не знакомым
С влажной глиняной чашей вина, что темнее и старше
Крови демонов, пересекает стальной небосклон
Неизвестная. Мы не откроем друг другу имен, –
Полководец войска посылает все дальше и дальше.

* * *

Аэродромы. Линии. Метель
По всей Европе. Сумерки законов.
Кресты в люцерне и нелегкий хмель, –
Сотрется все, – оставив Цитадель
И память воспитателя драконов.
Не будет Речи, – разве пара книг, –
И те доступны только некромантам,
Конечно жаль,
что первый ученик
Пал, преградив дорогу на родник,
Но он и в этом был комедиантом.
Второй шел в власти. Он уже прощен.
Тяжелые бои. Ноябрь. Стены.
Из окон было видно, как дракон
Ворвался во дворец и на балкон
И выбрал день, Отечество и вены
Под бритвой. Третий жив.
Он помнит сны,
Он знает знаки, травы или числа,
Но и за ним, не зная, что нужны,
Уже идут неспешно, вдоль луны
Неслышно или не имея смысла.
А в Цитадели влажная трава

И камни переполненных загонов
Огонь, клыки, глазницы, голова, –
Кто любит – станет подбирать слова
А кто любил – воспитывать драконов.

* * *

Был сон и даже был тот дом,
И был застывший у порога
Военный Понт, покрытый льдом,
Как серый глаз единорога.
Как воздух, оникс и опал,
Как запах волчьего загона,
И опрокинутый овал
В тяжелой каске Легиона.
Так легкий путь, и плащ, и кров
Меж звезд. Кремнистое пространство
Предполагает постоянство
В отечестве среди миров.
И теплый мед и тихий свет,
Как посвященье Книги Судеб, –
Того, что не было, не будет,
Того, что было – больше нет.

ЛЮДМИЛА ОРАГВЕЛИДЗЕ

ПЕРЕД УРАГАНОМ

Упало небо, как перед дождем,
И замерло – ни грохота, ни вспышки;
Висит оно, пронзенное гвоздем
Зазнавшейся трехногой телевышки.

А из-за гор несется и – вот-вот –
Ворвется шквал, расталкивая горы:
Он схватит небо лапой и сорвет,
И, как портьеру, выбросит на город.

А АСПАРАГУС ТВОЙ ПРИЖИЛСЯ...

... А аспарагус твой прижился
И дал цветок;
Алешка – с пятого – женился,

И ты бы мог...
И не молчи, – всего-то радость –
Хоть пара строк.
Ведь вот... прижился аспарагус...
И ты бы смог...

Я ПРОВЕРИЛА МИР...

Я проверила мир: он купался в лучистых потоках
И легко обещал: « Все на свете спасется, продлится...»
Впереди меня шла моя тень, шла на запад с востока;
Для нее ведь отстать - что пропасть, -
 вот она и боится...
На пологом холме и под скалами в гофровом дыме
Говорила с рекою, поближе к себе подзывая:
“Не боишься, река, в океане забыть свое имя?”.
Лучше вовсе не знать, чем терять.
 Вот она и не знает...
Все боится исчезнуть. У Леты есть пальмовый берег;
Нас приносят туда на уютных и теплых ладонях,
Там смеются Петроний с Нероном и Моцарт с Сальери;
Все родны, если что-то забыть.
 Вот они и не помнят...

ДАР

Просил?
Изволь... Из глуби мирозданья
Сверкнул огонь и опустился дух...
Тебе открылись зрение и слух:
Письмо могучих рек и память камня.

Ты думал вечно прятаться в аллеях,
Читать на палых листьях и росе...
Но пишет дым: «Теперь ты лучше всех,
Теперь тебя никто не пожалеет».

Еще поймешь, объятый озареньем,
Что дар – огонь, бушующий внутри,
Что правило огня – Гори! Сгори!
Просил?
Изволь... Рассмотрено прошение.

Заверено печатью – «одарить».
С припиской от руки – «без снисхожденья».

ВЛАДИМИР ПАНОВ (1935-1996)

Отпущено нам время строго –
от солнца до завесы тьмы.
В свой срок ли, или же до срока
в последний путь уходим мы.
Останется лишь, что оставил
мечтая,
мучаясь,
спеша.
Но быть в бесславье или в славе –
потомкам, а не нам решать.
Хоть смерть костлявая безглаза,
но все равно не все равно
тем, с кем при жизни ты был связан,
с кем хлеб делил и пил вино.
Кем станешь ты, когда не станет
тебя, какой оставишь след,
иль затеряешься в тумане
живущих радостей и бед?
Звенишь ли песней лебединой,
иль гаснет в эхе голос твой,
остался ли Отчизны сыном,
в забвенье канул, иль молвой
жизнь продолжается на свете,
взойдут ли семена твои
в ином родившемся поэте
для подвигов и для любви?
Хулят тебя или возносят,
не нужен, иль необходим...
Уходим мы. Нет, нас выносят
в последний путь. А жить – живым.

Динозавры ломались сквозь заросли,
перли танками на таран,
а во льдах погибала жалостно
рыба мелкая, как тарань.
Ледников разметала эпоха
беспокойную жизнь на Земле.
Ведь и нам – из двадцатого плохо
быть зажатыми в жесткой зиме...
Мы живем, уповая, что завтра
льдов великий наступит разлом,

но не ждали того динозавры,
пробиваясь в рассвет напролом.
Мы спасения ищем у моря
от пронзающей души зимы,
с холодами угрюмыми спорим
паровым отоплением мы.
А они погибали в дороге,
их ждала неминуемая смерть:
льды ломали их тонкие ноги,
на столетья вбивая их в твердь.
Ну, а если б им знать, что спасенья,
пробиваясь в рассвет, не найти,
все равно б их вело одоление
исступленного злого пути.
Так и мы, уходя от невзгоды,
устремляясь в последний прорыв,
молча падаем в гулкие годы,
выходя из тяжелой игры.

НИНО САКВАРЕЛИДЗЕ

* * *

Я слишком часто пьян. Я слишком долго болен.
И сквозь горячий бред вновь памятью палим.
И черный силуэт далеких колоколен
Ночь поднимает над отчаяньем моим.

И снова сквозь года скупым коротким махом
Невидимый звонарь беззвучно бьет в набат.
И навсегда смолой и медом пахнет плаха,
И птичьи косяки вонзаются в закат.

Я жил. Я умирал. Я отвергал величье.
От всех земных щедрот не принял ничего.
Так отчего я сам как сумрачный язычник
Вдруг сотворил себе кумира своего.

О, как он был суров, холодный серый камень,
Как бесновался гром над крышами, грозя.
Когда я высекал дрожащими руками
Уста немые и незрячие глаза.

И в них я узнавал всю боль моих неверий.
И взгляд слепой в ночи мне не давал уснуть.

Я повернул его спиной к щелястой двери,
Чтоб он не подсмотрел мой одинокий путь.

Но в час, когда рассвет загасит ночи пламя
И стылый пот росой вновь выступит из пор,
Мой сероглазый бог дрожащими губами
Прошепчет надо мной мой смертный приговор.

Я подчинюсь ему без воли и без страха,
И сам себе судья безжалостный и кат,
Я сам взострю топор. Сам упаду на плаху.
И кровью облаков окрасится закат.

Как тщетно я был пьян. Как был напрасно болен.
Как без толку вдыхал дурмана терпкий дым.
Есть черный силуэт далеких колоколен.
И ночь немая над раскаяньем моим.

ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ

Из «СТИХОВ ИЗ ЗЕЛЕННОЙ ТЕТРАДИ»

* * *

Дом заснул. Грузовичок
С краскою облезлой
Закряхтел, как старичок,
Выполз из-под кресла.

Все не спится. Все на слом
Тянет – надоело
Механическим ослом
Жить на свете белом.

Заведут – и поезжай
Из угла да в угол –
Загружай да разгружай
То солдат, то кукол.

То ли дело бегемот –
Мягкая игрушка,
Круглый плюшевый живот,
Красная макушка...

Ох, и цацкаются с ним,
Поят соком грушевым...
Я родился заводным,
Он родился плюшевым...

Фарой треснутой кошусь
На его безделье,
Да по комнате ношусь
Без конца, без цели.

И не спится. И на слом
Тянет – надоело
Механическим ослом
Жить на свете белом.

* * *

Я превращаюсь в зимний закат,
Пепельный зимний закат,
В мире забав, в мире забот,
Смокингов и заплат...
В самый короткий закат за год,
Неотвратимый закат,
Словно ремнями стянувший град,
Сумеркам ранним рад...
Сколько проклюнувшихся цыплят -
В окнах зажженных ламп...
Тапочки, кофе, бордовый плед...
Ранний зимний закат...
На тротуаре – засохший хлеб.
Город хлебом богат,
Но воробьев простыл и след,
А потому что суров и слеп
Пепельный зимний закат.
Я возвещаю время отрад
В мире чужих оград,
Длительной ночи вручаю в дар
Твой помертвевший сад...
Я превращаюсь в морозный пар
Возле небесных врат,
Я растворяюсь, зимний закат,
Пепельный зимний закат...

СЛЕДУЯ ТРАНЗИТОМ

С торговцем грибами в гостинице провинциальной
Поужинав сыра кусищем, соленным и жирным,
Беседу сожгли мы дотла. Гость уходит, икая,
И адрес карябает на сигарете, но тщетно...

За стенкой спортсмены игрой в домино докучают,
В пустых коридорах дежурные дремлют-скучают...
Полночные мошки впиваются в желтую грушу,
И под кипарисом раскашлялся старый автобус...

Казенную простыню пробую голым коленом.
Не поздно еще. Посижу над последним катреном.
Бежит, виннорогий, вдали полумесяц охлюпкой,
И облако прячет его под широкою юбкой.

ПАОЛА УРУШАДЗЕ

ТИФЛИСУ

Сегодня солнце прямо с крыш
Ведет огонь по окнам,
И город снова ржав и рыж,
Местами даже огнен,
Сегодня весь он по тебе –
Осеннему – подогнан.

И если сам ты где-то здесь,
Подай мне знак – ковры развесь,
Трамваем ранним проскрипи,
Пошарь, поройся, поскреби
По чердакам, по стокам
И подмигни: тут что-то есть...
А, значит, ты не вышел – весь...
Она еще жива, та смесь –
Европы и Востока!..

Еще остались с той поры
До дыр протертые ковры,–
За чем же дело стало?!
Сорвись – под занавес – с горы,
Придумай что-нибудь, соври,
И вместе с осенью гори –
До самого финала!

НА ПАСХУ

Неужто вправду убыстрилось время?
За год почти не пожелтела верба –
Ее живой я бросила в костер...
Но если так продолжится и впредь,
То, может быть, когда-нибудь... в грядущем
Наступит век длиной в одну неделю,
Всего одну, но долгую – Страстную,
А век последний будет длиться день –
Один лишь день, но весь в цвету, весенний...
Всего один. Последний. Воскресенье...

* * *

Ты помнишь, как тогда, –
Еще не зная неба,
Попав на Пятое,
Где ты ни разу не был, –
Ты вдруг решил:
Оно всему предел!
Поверив первым же,
Почти случайным звукам,
Ты лестницу витую проглядел,
Ты время проморгал,
Ты свой удел профукал...

А мог быть и повыше твой шесток, –
Ведь в этот самый час
Давали на Шестом
Прелюдии и фуги...

МАРИЯ ФАРГИ

УЕДЕМ ИЗ МОСКВЫ

Давай с тобой уедем из Москвы!
На юг, в пещеры, или просто в гости,
Где вдоль дорог уютные погосты
И зной белесым маревом застыл,

А ночью под созвездием Стрельца
Пылают пальмы на твоей рубашке,
И вся душа торчком и нараспашку,
И остро пахнет детством у крыльца.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СОНЕТ

И, как цветок, я повернулась к солнцу,
Ломая основание стебелька.
Держала крепко верная рука
И землю подо мной, и свет в оконце.

Бог знает, из какого далека
Заблудшие в дом возвращались овцы.
Сияла серебром вода в колодце,
И плавали по краю облака.

Рассеянно во сне скрипели двери.
За ними ложь сама жила когда-то,
И каблучки стучали виновато.

Еще не люди, но уже не звери,
Двухтысячную праздновали дату.
А день сулил награду и расплату.

Точка. Рядом дышит дочка.
До последнего листочка
Не смогу тебя забыть.

Люди, кто меня осудит?
Утром солнышко разбудит...
Только б не казаться – быть!

Здесь училась я любить.
Собираюсь понемногу
В дальнюю дорогу. К Богу.

Цепи золотой арбы.
И венком терновым строчка –
Рядом дышит дочка. Точка.

АЛЕКСАНДР ЦЫБУЛЕВСКИЙ (1928-1975)

МЦХЕТА

Воспоминаний дым негорький
Давно уснувшее будил,
Пока старик святой Георгий
Вино из бочки гнал в бутыль.

Он горбился над шлангом длинным,
И влага медленно текла
По чуждой темноте резины
В среду инертную стекла.

Был смысл во всем. И этот голый
Стол предрекал переворот.
Сейчас он явит новой школы,
Как озаренье, натюрморт.

День угасал. Мы все сидели,
Хоть к цели ехали иной.
Прости меня, Светицховели, –
Так море чувствуют спиной.

В подвале пело и плескало,
Он весь дымился и вставал,
Чтоб предложить свое лекало
Чертить единственный овал.

Но издали роились звуки.
Не исчезайте, я иду,
Бегу, бегу, мои дудуки,
Ду-
ду-
ки,
дуу...

Ей снятся сны не про меня –
В них садовод тот чинный,
С цветами женская возня,
Достойная мужчины.

Но этот сад во все века
Возделывал не ты ли?

Да, все равно, чей сад, пока
Ее не разбудили.

* * *

Мы скоро, только до того угла!
Она он так убеждали взрослых,
Вершивших свои взрослые дела.
И отпустили двух светловолосых.

А улица старалась, как могла,
Ей запах лип прибавил необъятность.
Ах, пять минут до этого угла,
Ах, пять минут – и повернуть обратно.
Так поздно ночью мы проходим мимо
Тех сторожей, что у огня дрожат,
Охваченные бликами и дымом.
Что сторожат ночные сторожа?

Чем сторожей укрыть от похищений?
Костер в ведерке догорит дотла,
Разрушит утро эти светотени,
И к пеплу ночи тянется метла.

ЛЕВАН ЧЕЛИДЗЕ (1934-1995)

НЕ ВЕРЬ, ЧТО МЕНЯ БОЛЬШЕ НЕТ

Не верь, что меня больше нет.
Я в чем-то остался навеки.
Мои воспаленные веки
Не скроют души моей свет.
Не верь, что меня больше нет.
Быть может, в улыбке братишки,
Быть может, в какой-нибудь книжке
Узнаете вы мой портрет.
Я в чем-то остался навеки.
И если бесцветная робость
Отвагой стирается в прах,
То я оживаю из мертвых
В скалистых Марухских горах.
Я дорого отдал себя,
Не выпустив пулемета.

Потом заменил меня кто-то.
Но это ведь тоже был я.
Я дорого отдал себя.
Когда в предвечернем застолье
Стаканы поднимут друзья,
То рядом присяду и я,
Пускай и не требуя доли.
Я в чем-то навеки остался.
Прими мой сердечный привет,
Все то, что рождается после
Моей девятнадцатой осени.
Не верь, что меня больше нет.

* * *

Тихое утро... блеклый рассвет...
Как это странно – нас уже нет.
Все, как и раньше, все, как и прежде,
Те же иллюзии, те же надежды,
Те же словечки, те же манеры,
На перекрестках – милиционеры.
Влажный бульвар okayмил парапет...
Как это странно – нас уже нет.
Те же долины, синие горы,
Те же клокочущие разговоры...
Жирные тучи, грязное небо...
И непонятно – ты был или не был.
Кто мне откроет вечный секрет:
Чьи это слезы, раз нас уже нет?..

ЕЛЕНА ЧЕРНЯЕВА

* * *

...и строгое, как осязанье вещи,
еще не нужной, но уже вошедшей
в привычный круг, недвижимый и простой,
приходит чувство вечности. И зной
вдруг опалает ум и тело.
И то, что раньше жгло тебя и грело,
теперь не теплится. Не стоит ничего.
Прозрачен голос зла,
и – нет его,
как нет добра, как нет пристрастья к телу,
опального огня рука задела
лишь край,
и опалился он.

Рисунок дня – чертеж судеб на белом,
но яблочного зноя блещет спелый
и вечный зов в крови – «бывай, еще бывай».

* * *

Ну, вот, посмотрела окрест.
Рукавом взмахнула, как речка,
как речка, что отворила
свои поющие воды.
Посмотрела окрест: провинция,
лежит себе, дышит в подушку,
собирает перо для перины,
готовит на зиму склянки
с кисло-соленой снедью.
Ездит на черных машинах,
а иногда на зеленых,
но чаще – на серебристых:
это довольно престижно.
Хотя, посмотреть на речку,
которая все уносит,
которая крутит мусор
в черных водоворотах...
Хотя, посмотреть на небо:
оно-то, оно-то дышит
нездешним дышит, не нашим,
ну, чтой-то там наверху?
Но если встать очень прямо,
расслабиться, выпрямить плечи,
потом осторожно так, тихо
через плечо обернуться –
увидишь (если успеешь),
увидишь (если везенье
на этот раз не покинет),
как нежные ждут сады.

* * *

возле сна деревьев на травах
предпоследней бабочкой света
я стою и вижу победа
предъявляет когда право.
ты живой и возле я просто
этот пламень и эта гибель
так хотелось в ответ можно
но смоглось что раньше и ближе.

на равнинах старанием полных
возле гор чернеющих с кровью
ничего не надо бы болью
и не хочется в сладость соли.
не в ответ небесному горлом
проигравший здесь не осудит
чтоб стоять заведомо с комом
синеву глотая как студень.
пережги меня передумай
оторви сквозные ладони
я еще а ты многоумен
я совсем а ты по-сторонний.
и когда не надобно будет
ни в ответ ни в память ни в ласку
закружи метельною вьюгой
чтобы в синем
и насквозь прекрасном.

ГОГА ЧКОНИЯ

* * *

Часы пустынные, а ночи длинные,
Досталась родина тебе... невинная.

Луна – блин матовый, чай полуночица,
А жизнь короткая возьмет и кончится.

Возьмет и кончится тысячерожая
И бестолковица, и тягомотина...
За что карает нас десница божия,
Ты знаешь, родина... Я знаю, родина...

Во что-то верится, чего-то хочется,
А жизнь невнятная возьмет и кончится.

Как будто не было, все позабудется,
Хронометр тикает, планета крутится...

МОЙ БОГ В КОНТРАЖУРЕ

В безрадостном доме
В оконном проеме
Холмы загораются ало.
В затишье и в бурю,
Мой Бог в контражуре,
Ах, как мне тебя не хватало...

Я планов не строю
И рая не стою –
Душа моя в саже и копоти.
Но видится зыбка
Мне чудо-улыбка –
Я тоже люблю тебя, Господи...

Мой Бог в Контражуре
У окон дежурит;
Не в рясе, не в схиме, не в кожанке...
Да что там одежда,
Была бы надежда –
Такая работа у Боженьки.

Я знаю, нас много
Под сенью двурогой –
Злодеи... и просто невежды,
Но в ведро и стужу
Нам очень всем нужно
Тебя... и немного надежды.

В безрадостном доме
В оконном проеме
Заря на холмах догорает.
В затишье и бурю,
Мой бог в контражуре,
Ах, как мне тебя не хватает...

К ДАНТЕ (песенка)

Я знаю, точно вы, синьор, в том неповинны,
Что ношу я свою не так несу,
Что, « жизнь свою пройдя до половины,
Я оказался в сумрачном лесу».

Было время, не то что нынче –
Ее имя шептали губы...
Моя родина – Беатриче
Ни меня,
Ни себя
Не любит.

Пусть не видать мне славы Алигьери.
Скажи, кому нужна такая блажь,
Когда у каждой на свободу двери
Таинственный и подлый жметя страж?..

Было время, не то что нынче –
Ее имя шептали губы...
Моя родина – Беатриче
Ни меня,
Ни себя
Не любит.

А кто не спелся с кем-то, значит спился
И в трепетных, беспомощных глазах,
И в городе знакомом поселился,
Казалось бы навек забытый страх...

Было время, не то что нынче –
Ее имя шептали губы...
Моя родина – Беатриче
Ни меня,
Ни себя...
Ни себя,
Ни тебя,..
Ни тебя,
Ни меня,..
Ни меня,
Ни себя...
Не любит.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАДИМИР ГОЛОВИН. «В КАВКАЗЕ ЕСТЬ НЕЧТО, ЧТО НАС УТЕШАЕТ» 3
ПО ИТОГАМ КОНКУРСА МОЛОДЫХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПОЭТОВ ЗАКАВКАЗЬЯ

АЗЕРБАЙДЖАН

АЛИНА ТАЛЫБОВА. СОЧИНЕНИЕ НА ТЕМУ СУДЬБЫ	7
Лейла Агаева	33
Лала Азизова	38
Ульвия Ахундова.....	39
Эсли Дильбази	41
Гюнай Маммедли	44
Нурана Мамедханлы	44
Ясмина Меликова.....	46
Заур Мехтиев	48
Юлия Рагимова (Гарбер)	52
Солмаз Сулейманлы.....	54
Саида Субхи	60

АРМЕНИЯ

СУРЕН ПЕТРОСЯН. ОДИН ВЗГЛЯД НА СИТУАЦИЮ С РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ В АРМЕНИИ.....	64
Анна Акопян	70
Армина Гилоян.....	71
Рубен Ишханян	75
Арег Чалабян	80

ГРУЗИЯ

ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ. ГРУЗИНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП....	82
Миндия Арабули	106
Георгий Арутюнов	109
Анна Заалян	112
Юлия Ключникова	115
Давид Русишвили	119
Торнике Симонишвили.....	121
Леван Тодадзе	123
Александра Угрехелидзе	125
Андрей Цхведиани	127
Инга Чхеидзе.....	129

ИЗБРАННЫЕ ПОЭТЫ ЗАКАВКАЗЬЯ

АЗЕРБАЙДЖАН

Алла Агаева.....	134
Тофик Агаев	135
Елена Андреева.....	136
Сергей Аранович	137
Алия Ахверди	138
Алла Ахундова	138
Салим Бабуллаоглы.....	139
Наиля Баннаева	140
Мансур Векилов.....	140
Тамара Верескунова.....	142
Энар Гаджиев	143
Севиндж Гейдарова	143
Владимир Гомозов	144
Александр Грич.....	145
Теймур Гылманов.....	145
Вячеслав Зайцев.....	147
Владимир Зарубин.....	148

Ирина Зейналлы.....	149
Виталий Игольников	150
Ибрагим Имамалиев.....	151
Джавид Имамвердиев.....	152
Елизавета Касумова.....	153
Владимир Кафаров.....	153
Варвара Константинова.....	155
Валерий Макаренко.....	156
Сиявуш Мамедзаде.....	157
Юрий Мамедов.....	158
Экрам Меликов.....	159
Гюля Мехтиева.....	160
Владимир Портнов.....	160
Самир Раджабов.....	161
Александр Раков.....	162
Александр Родионов.....	162
Ольга Рогачева.....	163
Станислав Савельев.....	164
Геннадий Салаев.....	165
Светлана Сыромятникова.....	166
Алина Талыбова.....	166
Эльберд Туганов.....	167
Нигяр Халилова.....	168
Николай Хатунцев.....	169
Сергей Шаулов.....	170
Марат Шафиев.....	171
Рафазль Шик.....	172
Азер Эфенди.....	174

АРМЕНИЯ

Яна Джангирова.....	175
Асмик Паланджян.....	176
Сурен Петросян.....	177
Анна Полетаева.....	180
Карен Сейранян.....	181
Анаит Татевосян.....	182
Каринэ Халатова.....	183
Елена Шуваева-Петросян.....	184

ГРУЗИЯ

Сусанна Арменян.....	186
Юрий Вачнадзе.....	188
Константин Герасимов.....	190
Владимир Головин.....	191
Анна Григ.....	193
Арсен Еремян.....	194
Инна Кулишова.....	197
Марина Ламар.....	198
Анна Лобова.....	199
Дмитрий Лоскутов.....	201
Михаил Ляшенко.....	202
Димитрий Мониава.....	204
Людмила Орагвелидзе.....	206
Владимир Панов.....	208
Нино Сакварелидзе.....	209
Владимир Саришвили.....	210
Паола Урушадзе.....	212
Мария Фарги.....	213
Александр Цыбулевский.....	215
Леван Челидзе.....	216
Елена Черняева.....	217
Гога Чкония.....	219

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ
«РУССКИЙ КЛУБ»

При поддержке
МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО ФОНДА ГУМАНИТАРНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СНГ

ПЛЕЯДА ЮЖНОГО КАВКАЗА

Составители
АЛИНА ТАЛЫБОВА
СУРЕН ПЕТРОСЯН
ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ

Редактор
НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ

Дизайн, компьютерное обеспечение
ДАВИД ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ
АЛЕНА ДЕНЯГА

Технические редакторы
АЛЕКСАНДР СВАТИКОВ
ДАВИД АБУЛАДЗЕ

В оформлении книги использованы работы
РЕЗО ГАБРИАДЗЕ